

3455
1286
1391
Проф. В. Н. Твердохлѣбовъ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

15458 гр. нр
Финансовые

очерки.

Вып. I.

БИБЛИОТЕКА КАБИНЕТА
ФИНАНСОВОГО ПРАВА И С. П. Б. УНИВ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Типография Р. Г. Шредера. Гороховая, 49.

45
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 16 мая 1916 г.

Памяти матери —

воспитательницы и друга

посвящает авторъ.

СП6ГУ

Нижеслѣдующіе очерки составились частью изъ статей, помѣщенныхъ въ Изв. политехн. инст. и др. изданіяхъ, частью появляются впервые. Внѣшнія причины (ликвідація типографіи) заставляютъ автора остановиться пока на 7 очеркахъ, отложивъ печатаніе слѣдующихъ до осени с. г. Первые 6 главъ имѣютъ теоретическій характеръ и лишь 7-ая ставитъ практическія проблемы финансовой реформы; читатель, надѣюсь, замѣтитъ тѣсную логическую связь между теоретическими сужденіями первыхъ главъ, особенно 3-ей, и постановкой практическихъ вопросовъ въ послѣдней главѣ.

В. Т.

СЛОВО

Глава I.

Задача финансовой науки ¹⁾.

Финансовая наука пользуется одной печальной привилегией: она привлекает общественное внимание преимущественно в моменты испытаний, во время войнъ или непосредственно вслѣдъ за ними. Когда налетаетъ военный шквалъ, разрушая финансовое равновѣсіе и разстраивая бюджетъ, общество требуетъ отъ науки совѣта и лѣченія болѣзни; и правительство часто лишь по наступленіи „остраго заболѣванія“ вспоминаетъ о необходимости оздоровленія финансовой системы; продѣлавъ нерѣдко рядъ неудачныхъ экспериментовъ, оно обращается къ наукѣ. Война вызываетъ финансовыя реформы, открывая обширное поле для творческой дѣятельности. Увлеченные ею, вмѣшавшись въ гущу жизненной борьбы, представители финансовой науки бывають иногда склонны выдавать свои пожеланія и идеалы за плоды научнаго опыта; поэтому въ такіе моменты особенно важно установить точную грань науки и политики, попытаться выяснить, что наука можетъ дать для практической жизни.

Эти вопросы до сихъ поръ вызываютъ споры въ финансовой да и вообще въ экономической литературѣ.

¹⁾ Въ основу предлагаемаго очерка положена статья, напечатанная авторомъ въ „Мірѣ Божьемъ“ за 1903 г., № 7; отношеніе автора къ „принципамъ справедливости“ въ финансовой наукѣ не измѣнилось съ тѣхъ поръ, но выдвигается моментъ технической цѣлесообразности.

Господствовавшее въ финансовой наукѣ еще со временъ „отца“ ея—Рау—соціально-политическое направленіе ставило ей слѣдующія задачи: изображеніе финансоваго хозяйства различныхъ государствъ въ его историческомъ развитіи и настоящемъ положеніи, критическую оцѣнку его и развитіе принциповъ раціональнаго хозяйства государства и мѣстныхъ союзовъ.

Въ 70-хъ годахъ, вмѣстѣ съ ростомъ роли государства въ общественной жизни, расцвѣтомъ „катедер-соціализма“ и обостреніемъ соціальной борьбы, политическій моментъ въ финансовой литературѣ получилъ особенное значеніе: германскіе финансисты пытались поставить на мѣсто „поверхностныхъ оцѣнокъ“ обывателя „раціональную“ финансовую систему, основанную на серьезномъ изученіи дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній и на общихъ соціально-этическихъ послылкахъ ¹⁾. Ад. Вагнеръ разграничилъ теоретическую задачу науки, заключающуюся въ историко-сравнительномъ и статистическомъ изученіи финансовыхъ явленій въ ихъ причинномъ соотношеніи съ экономическими, соціальными и политическими факторами общественной жизни, и практическую задачу — „научное разрѣшеніе практическихъ финансовыхъ проблемъ“ ¹⁾. Другіе финансисты, какъ напр. Г. Конъ, не считаютъ возможнымъ даже разграничить въ общественныхъ наукахъ „сущаго“ отъ „должнаго“ (das seinsollende). Вообще, фин. политика б. ч. не выдѣляется изъ финансовой теоріи и въ значительной части нѣмецкихъ курсовъ даже выдвигается на первый планъ. И у насъ И. И. Янжуль опредѣлялъ фин. науку, какъ „науку о способахъ наилучшаго удовлетворенія публичныхъ потребностей“. Въ виду указаннаго характера Менгеръ причислилъ ее къ практическимъ дисциплинамъ, а Бисмаркъ назвалъ ее однажды „искусствомъ, а не наукой“, вызвавъ этой фразой протесты обиженныхъ ученыхъ.

¹⁾ Ср. M. v. Heckel. Jahrbuch der Finanzwissenschaft, Bd. I (1907), 67—75.

²⁾ Finanzwissenschaft, Bd. I (1883), 16—17.

Описанное направлѣніе давно встрѣчало въ той же нѣмецкой литературѣ серьезную критику: Гельдъ со свойственнымъ ему скептицизмомъ вскрылъ неопредѣленность принциповъ справедливости, на которыхъ строилась „научная“ система обложенія; Р. Мейеръ пришелъ къ выводу въ своихъ *Principien der gerechten Besteuerung* ¹⁾, что „понятіе справедливости — формальный моментъ и ровно ничего не опредѣляетъ, будучи отвлечено отъ матеріальнаго содержанія, которое въ него вкладываютъ, т. е. реальныхъ интересовъ людей“...

Еще сильнѣе ополчился на „практическое финансовое искусство“ другой извѣстный австрійскій экономистъ Заксъ: „финансовая дѣятельность государства и экономическая политика должны имѣть свою теорію, которая поставила бы на мѣсто произвольныхъ рѣшеній цѣлесообразности причинное объясненіе явленій ²⁾).

Та же тенденція проникла въ финансовую науку и съ другой стороны: представители экономического матеріализма, разсматривая финансовую политику ³⁾, какъ „результатъ и орудіе интересовъ владѣльческихъ классовъ“, отвергали этимъ самымъ возможность научнаго обоснованія той или иной финансовой системы. У насъ И. Х. Озеровъ, послѣдовательно примѣнивъ къ изслѣдованію фин. явленій „соціологическій методъ, сводящій причины ихъ къ борьбѣ соціальныхъ группъ, тоже рѣзко критиковалъ господствующее въ фин. литературѣ смѣшеніе науки и политики: „фин. учебники, писалъ онъ ⁴⁾, нерѣдко напоминаютъ книгу хорошаго тона“: домены сохранять въ рукахъ государства похвально,... подушные сборы слѣдуетъ осудить, подоходный налогъ желателенъ и т. д.; „мы не вправѣ ставить вопросъ, справед-

¹⁾ Кар. VI, S. 168 u. f.

²⁾ Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft, S. 1—2.

³⁾ A. Loria. Les bases économiques de la constitution sociale. 1893.

⁴⁾ Основы финансовой науки. Вып. I, гл. 1. Нужно замѣтить, что Озеровъ не отрицаетъ возможности объективной финансовой политики, построенной на принципахъ цѣлесообразности (см. Предисловіе къ его курсу объ этомъ ниже).

ливо ли прогрессивное обложение или пропорциональное; это — неправильная постановка, извращающая науку“. Ту же точку зрѣнія поддерживалъ проф. Климентовъ (см. его талантливую статью въ Р. М. „Финансы по учению абсолютной школы“ и др. перепечат. въ сборникѣ „Профессоръ-идеалистъ“ 1904 г.), П. П. Гензель, авторъ настоящей статьи, проф. М. И. Боголѣповъ и М. А. Курчинскій, причемъ послѣдніе распространяютъ свое отрицательное отношеніе къ „раціональнымъ принципамъ“ даже на „раціонализацию, преслѣдующую финансово-техническія задачи“ (Боголѣповъ. Государственный долгъ, стр. 544), совершенно отказываясь отъ всякой оцѣнки наукой изучаемыхъ явленій.

Хотя „аполитизмъ“ фин. науки можно считать господствующимъ въ русской литературѣ, тѣмъ не менѣе и у насъ есть представители противоположной точки зрѣнія: „невозможно отрѣшиться, пишетъ проф. М. И. Фридманъ (Новыя работы русскихъ финансистовъ въ Изв. Политехн. Инст. Эк. отд. 1910 г.), отъ неискоренимой потребности оцѣнивать то, что есть, и опредѣлять желательное, должествующее... Исслѣдовать связь явленій...—задача чистой науки. Но столь же важна и роль науки прикладной. Задача ея — установить, какъ, исходя изъ... представленія о справедливой и цѣлесообразной финансовой системѣ, слѣдуетъ организовать финансовое хозяйство“. Мы видимъ такимъ образомъ, что споръ о допустимости политики до сихъ поръ не затихъ въ финансовой наукѣ.

Тотъ же споръ разгорѣлся сравнительно недавно въ германской литературѣ по отношенію къ экономической политикѣ: господствующее въ Германіи до сихъ поръ социальное-этическое направленіе „катедеръ-соціалистовъ“ встрѣтило серьезную философскую критику со стороны Макса Вебера ¹⁾ и др., съ другой стороны противъ него ополчились представители, казалось, окончательно похороненнаго въ 70-ыхъ годахъ фритредерскаго направленія или „неоманчестерцы“, сосредоточившіеся въ Франкфуртской коммерческой академіи (Wolf, Pohle, A. Voigt и др. въ ихъ лейбъ-органѣ—Zt. f. Socialwissenschaft); но особенно оживилась полемика съ 1909 г.,

когда Зомбартъ и М. Веберъ сдѣлали вызовъ „политикѣ“ въ самой цитадели ея—на вѣнскомъ съѣздѣ „Союза социальной политики“. „Должны-ли мы, экономисты, ставить себѣ единственной задачей выясненіе того, что есть, или должны также... выяснять, что должно быть? безъ рѣшенія этой антитезы мы не подвинемся въ своихъ преніяхъ“, говорилъ Зомбартъ (по поводу доклада Филиповича о производительности народнаго хозяйства), настаивая на освобожденіи науки отъ оцѣнки дѣйствительности (Werturteile)¹).

Pohle выступилъ съ систематической критикой катедер-соціализма²). „Германская экономическая наука, заявляетъ онъ, должна отказаться отъ глубоко проникшихъ подъ влияніемъ... катедер-соціализма политико-моральныхъ точекъ зрѣнія или она должна быть сама выключена изъ числа объективныхъ (voraussetzungslosen) наукъ“.

Она полна „этическихъ оцѣнокъ, телеологическихъ сужденій и политическихъ идеаловъ“. „Экономисты забываютъ, что наука не должна ни хвалить, ни порицать и не побуждать къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, а только стремиться къ пониманію и поощрять таковое“. „Политизирующая“ метода проникла, по словамъ автора, и въ теоретическую, и въ практическую экономію, обращая послѣднюю въ „собраніе рецептовъ государственнаго вмѣшательства въ различныя области хозяйственной жизни“. Понятіе „общаго блага“, которымъ обычно мотивируютъ тѣ или иныя мѣропріятія, не можетъ быть выведено изъ какого-либо общепризнаннаго принципа (S. 58). Вопросъ заключается не въ неправильности того или иного соціально-политическаго міровоззрѣнія, а въ неправильности внесенія политики въ науку; борьба ведется противъ катедер-соціализма, не какъ политическаго на-

¹) Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik in Wien. 1909. Schr. d. V. f. S.-P., Bd. CXXXII, S. 565, и въ замѣчательной статьѣ: „Die Objektivität der sozialwissenschaftlichen u. sozialpolitischen Erkenntnis“ въ Arch. f. S.-W. u. S.-P., 1904, H. 1.

²) L. Pohle. Die gegenwärtige Krisis in der deutschen Volkswirtschaftslehre. 1911.

правления, а какъ научнаго ошибочнаго направленія, вредно отражающагося на развитіи экономической науки.

Проблема поставлена такимъ образомъ вполне опредѣленно. Хотя мотивомъ поднятаго въ нѣмецкой литературѣ спора послужили отчасти фритредерскіи тенденціи „франкфуртской“ школы ¹⁾ (въ этомъ правы ихъ противники), хотя въ журнальной полемикѣ, тянувшейся нѣсколько лѣтъ, социально-политическая подоплека спора нѣсколько затемняла теоретическій интересъ, мы можемъ отвлечься отъ указанныхъ мотивовъ и обсудить вопросъ по существу. Онъ совершенно одинаковъ какъ для экономической политики, такъ и для финансовой „науки“.

Сущность спора заключается не въ томъ, является ли финансовая наука теоретической дисциплиной или практической, подобно экономической политикѣ, и не въ томъ, можно ли сочетать причинное изученіе ф. явленій съ ф. политикой или необходимо выдѣлить послѣднюю въ самостоятельную науку; вопросъ—глубже: возможна ли вообще „научная“ политика, финансовая, экономичная, социальная?

Политику относятъ къ числу практическихъ дисциплинъ, изучающихъ средства для достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей. Спрашивается, можно ли признать наукой всю эту область пракческаго, телеологическаго мышленія? Если подъ наукой разумѣть лишь причинное изученіе дѣйствительности, открытіе законовъ явленій, если наука не должна ставить себѣ цѣлей, а лишь познавать „какъ что было, есть и произошло“, то пришлось бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми крайними позитивистами исключить всѣ т. н. практическія дисциплины изъ числа наукъ и назвать ихъ искусствами; такъ

¹⁾ См. кромѣ указанныхъ статьи: G. Cohn'a въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft, 1910—1911; Brentano „Über Werturteile“ въ Arch. f. S.-W. u. S.-P., 1911, № 3; J. Wolfa, Voigt'a и Pohle въ Ztschr. f. S.-W. u. S.-P. 1911—1914; лучшая статья въ защиту Werturteile nau. Hesse въ J. f. Nat.-Oek. u. St., 1912; W. Hasbach „Grundbegriff, Aufgaben und Methode der Wissenschaft von der Volkswirtschaftspolitik. Zt. f. S.-W., 1914, Н. 1—2.

къ области искусства отошли бы всё техническія дисциплины, медицина и т. д. Однако въ этихъ „искусствахъ“ примѣняются тѣ же научные приемы, что и въ теоретическихъ наукахъ, въ основѣ ихъ лежатъ тѣ же посылки; поэтому ихъ называютъ иногда „научными искусствами“. Въ дѣйствительности, есть существенныя различія между этими дисциплинами и искусствами въ тѣсномъ смыслѣ слова: задача практическихъ наукъ, говоритъ К. Менгеръ ¹⁾, заключается въ выясненіи того, „какими способами можно достигнуть извѣстныхъ общихъ цѣлей при нѣкоторыхъ типическихъ условіяхъ“. Ихъ выводы, слѣдовательно, имѣютъ условный характеръ: если вы стремитесь къ такой-то цѣли и если даны такія-то условія, то необходимо прибѣгнуть къ такимъ-то средствамъ; поставленныя условія должны быть типическими: практическія дисциплины не могутъ, да и не должны предусматривать всѣхъ конкретныхъ случаевъ жизни. Рѣшеніе въ конкретномъ случаѣ—дѣло искусства, требующаго сноровки и часто интуитивныхъ качествъ дѣятеля: терапия не создаетъ еще терапевта—она лишь подготавливаетъ его, систематизируя многолѣтній опытъ поколѣній и примѣняя выводы другихъ наукъ. Итакъ, практическія дисциплины отличаются отъ искусствъ типичностью и систематичностью ихъ телеологическихъ сужденій. Да и вообще весь споръ о томъ, считать ли ихъ искусствами или „возвести въ рангъ“ наукъ, есть споръ о словахъ. Если мы не станемъ суживать понятія науки и будемъ разсматривать, какъ науку, всякую познавательную дѣятельность, направленную на открытіе зависимости частнаго отъ общаго или на подведеніе частнаго подъ общее, то цѣлевое мышленіе слѣдуетъ признать областью науки. Въ основѣ цѣлевого сужденія лежитъ та же причинная связь между средствомъ и цѣлью, что и между причиной и слѣдствіемъ; при данной цѣли для изысканія средствъ требуется изученіе причинныхъ соотношеній.

¹⁾ Въ соч. „Методы соціальныхъ наукъ“.

„Извѣстно всѣмъ, говоритъ Оствальдъ ¹⁾, что всѣ науки возникли ихъ техники...; изъ прикладныхъ наукъ постепенно развились „чистыя“ науки и настолько выдѣлились, что подчасъ кажется, будто есть противорѣчiе между чистой и прикладной наукой... Но, раздѣляя дочь—чистую науку—отъ матери—техники, мы лишаемъ первую питательной почвы и... надлежащаго направленiя“; „чистая“ наука не должна порывать связи съ техникой. Последнюю часто и не отдѣляютъ отъ теоретической дисциплины, выводы которой она примѣняетъ; вопросъ о выдѣленiи „прикладной науки“ рѣшается по соображенiямъ цѣлесообразности, въ зависимости отъ ея объема или отъ сложности ея приѣмовъ.

Прикладная или практическая наука примѣняетъ выводы теорiи къ определеннымъ цѣлямъ, причемъ изъ нѣсколькихъ, возможныхъ средствъ для достиженiя цѣли дѣлаетъ выборъ, руководствуясь т. н. „экономическимъ“ принципомъ—наибольшаго результата при наименьшей затратѣ (энергiи, средствъ...). Этотъ принципъ, лежащiй въ основѣ всего мирозданiя, долженъ сознательно примѣняться человекомъ во всѣхъ областяхъ его дѣятельности—въ мышленiи, хозяйственномъ трудѣ, въ организацiи общественныхъ силъ. Назовемъ его принципомъ технической цѣлесообразности.—Цѣли, осуществленiе которыхъ составляетъ предметъ прикладной науки, даны ей извнѣ жизненными потребностями человека, человѣческаго общества, государства и подлежатъ ея обсужденiю лишь съ точки зрѣнiя логической (нѣтъ ли между ними внутренняго противорѣчiя), затѣмъ на основанiи извѣстныхъ причинныхъ соотношенiй выясняются необходимые средства; если таковыхъ нѣсколько, то производится сравнительная оцѣнка ихъ и выборъ съ точки зрѣнiя принципа технической цѣлесообразности („экономическаго“). Итакъ, телеологiя не исключаетъ научности, изученiе явленiй съ точки зрѣнiя цѣли можетъ составлять неразрывную часть теоретической дисциплины или выдѣлиться въ особую прикладную

¹⁾ W. Ostwald. Die Wissenschaft. Vortrag, 1911, S. 17.

²⁾ См. также интересныя замѣчанiя проф. Левинсонъ-Лессинга въ брошюрѣ „Единая высшая школа“, 1915, стр. 2—3.

часть знанія, не теряя при этомъ характера науки, поскольку по отношенію къ самымъ цѣлямъ соблюдается „нейтралитетъ“.

Вотъ здѣсь именно центръ спора между социальнo-этичeскимъ направлeніемъ и его противниками: должна ли и можетъ ли наука оставаться нейтральной по отношенію къ тѣмъ конечнымъ цѣлямъ, которыми опредѣляется вся дѣятельность отдѣльнаго человѣка и общественныхъ союзовъ? Споръ идетъ о нейтралитетѣ науки.

Задача науки—познаніе истины, наука—это средство, путь къ ея достиженію; слѣдовательно критерій научности сужденія или системы сужденій заключается въ ихъ истинности. Но что такое—истина? Этотъ вопросъ Понтія Пилата задавала себѣ человѣческая мысль во всѣ вѣка и разрѣшала различно. Въ своихъ дальнѣйшихъ сужденіяхъ мы исходимъ изъ того пониманія истины, которое Больцано развивалъ еще въ началѣ XIX вѣка и которое можно считать господствующимъ въ современной теоріи знанія ¹⁾: истина—вѣчна, общеобязательна и тождественна, т. е. она „независима отъ познающаго индивида, и потому содержаніе ея есть истина для любого индивида“, и „всѣ индивиды, высказывая истинное сужденіе, вполне убѣждены, что они мыслятъ одно и то же“ ²⁾.

Частныя истины выводятся изъ болѣе общихъ—ихъ истинность обуславливается соотвѣтствіемъ нашихъ умозаклученій „законамъ логики“ и правильностью исходныхъ посылокъ, но истинность какъ законовъ логики, такъ и конечныхъ аксіомъ не можетъ быть доказана; сознаніе ихъ истинности заключается именно въ томъ, что они навязываются нашему разсудку: мы не представляемъ себѣ возможности двухъ истинныхъ противоположныхъ другъ другу сужденій. Истина—абсолютна, ея признаніе не зависитъ отъ происхожденія ея или практической цѣнности. Дѣло—не въ фактической

¹⁾ См. Husserl „Logische Untersuchungen“ (есть русск. пер.) и Нуцубидзе „Больцано и теорія науки“, Вопросы философіи и психологій, 1913.

²⁾ Лосскій. Введеніе въ философію. Ч. I (1911), 35—36.

общепризнанности—многіе могутъ не созавать истины—, а въ томъ, что—утверждая к.-л. истину, мы сознаемъ, что она должна быть общепризнанной, общеобязательной.

Въ этомъ смыслѣ основнымъ требованіемъ науки является, по нашему мнѣнію, общеобязательность ея основныхъ посылокъ и логическихъ выводовъ ¹⁾).

Указанное условіе научности примѣнимо къ каузальному и телеологическому мышленію, къ исходнымъ посылкамъ познанія и къ высшимъ этическимъ нормамъ, на которыхъ пытаются построить науку о правилахъ поведенія и оцѣнку цѣлей.

Пока дѣло идетъ о выборѣ средствъ для опредѣленной, условно поставленной цѣли, мы не выходимъ изъ области причиннаго мышленія или техническихъ оцѣнокъ. Но съ того момента, какъ мы переходимъ къ сравненію, оцѣнкѣ и выбору самихъ цѣлей, мы вступаемъ въ область этики: конкретныя, частныя цѣли оцѣниваются съ точки зрѣнія высшихъ этическихъ нормъ ²⁾). Задача этики состоитъ 1) въ опредѣленіи цѣли жизни или высшаго блага и 2) въ указаніи путей къ нему, средствъ для его достиженія, въ томъ, чтобы показать, благодаря какимъ свойствамъ и поведенію достигается и осуществляется высшее благо... Вторая задача—ученіе о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ, необходимыхъ для достиженія высшаго блага—требуетъ ряда логическихъ умозаключеній; „этика обосновываетъ здѣсь свои положенія телеологически причинно: необходимымъ условіемъ достиженія такой-то цѣли будетъ такое-то поведеніе“. Эту область довольно удачно характеризовали терминомъ „этической технологіи“ (Щербина. Методологія этики. Вопр. фил. и псих. 1913).

¹⁾ А. Hesse (op. cit., 196—197) не считаетъ общеобязательности и неизбѣжности признанія ея истинъ (Nötigung zur Anerkennung) необходимымъ признакомъ науки; при такомъ „широкомъ“ пониманіи науки теряется критерій ея — истинность.

²⁾ А. Hesse. Die Werturteile in der Nationalökonomie. Jahrb. für Nationalökonomie und Statistik. 1912, S. 182.

„Но какъ обстоитъ дѣло съ познаніемъ самой цѣли? Откуда беретъ этика знаніе совершенной жизни? Какъ доказываетъ она, что ея опредѣленіе высшаго блага правильно“?

„Рѣшеніе вопроса о природѣ высшаго блага—дѣло не ума, а воли. Предъ отдѣльной личностью посягается... жизненный идеалъ, осуществленіе котораго она считаетъ истинной своей задачей и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей цѣлью своихъ стремленій. Хотя идеалъ и представляется въ видѣ интуитивнаго знанія, но источникомъ его служить собственно не умъ; его достоинство не можетъ быть доказано разумомъ... Если другіе индивидуумы имѣютъ другіе идеалы, то я не могу доказать имъ невѣрность ихъ представленія совершенной жизни ни путемъ логическаго разсужденія, ни путемъ эмпирически-причиннаго изслѣдованія“...

„Разсудокъ, какъ таковой, не знаетъ вообще ничего о цѣнностяхъ; онъ можетъ отличать истинное отъ ложнаго, дѣйствительное отъ недѣйствительнаго, но не хорошее отъ дурнаго“¹⁾.

Правда, понятіе о высшемъ благѣ и идеалы отдѣльнаго человѣка обусловлены окружающею его общественной средою: „моральная функція, какъ и логическая, и эстетическая—по природѣ соціальна...; вся этическая жизнь заключается въ отношеніи индивида къ обществу“²⁾. Нормы этики (подобно логическимъ и эстетическимъ) представляютъ, повидимому, результатъ естественнаго подбора и приспособленія человѣка къ средѣ (ограниченія дѣятельности индивида нѣкоторыми „нормальными“ формами, наиболѣе цѣлесообразными)³⁾. Въ силу этихъ условій должны были бы, казалось, существовать для опредѣленной исторической эпохи нѣкоторыя общепризнанныя нравственныя аксіомы, которыя бы имѣли для индивида абсолютный характеръ

¹⁾ Фр. Паульсенъ. Основы этики. Русскій переводъ 1906 г., стр. 4—5 и 11—12.

²⁾ A. Windelband. Präludien. Vom Prinzip der Moral (1907), Seite 392.

³⁾ Ibid., Normen und Naturgesetze.

непреложныхъ общеобязательныхъ нормъ поведенія. Въ самомъ существѣ этическихъ нормъ заключается тенденція къ общеобязательности: если я считаю что-либо нравственнымъ или безнравственнымъ для себя, то я б. ч. прилагаю тотъ же критерій къ оцѣнкѣ поведенія другихъ лицъ; указанная тенденція прекрасно выражена въ знаменитой кантовской формулѣ этическаго поведенія: поступай такъ, чтобы твое поведеніе могло стать всеобщимъ.

Но современный міръ не знаетъ такихъ общепризнанныхъ абсолютныхъ этическихъ нормъ; нѣтъ ни одной нормы, ни одного принципа, который бы представлялся сознанію современнаго человѣка, какъ непреложная истина. Дѣйствительно, наряду съ крайними индивидуалистическими теоріями раздается проповѣдь полного подчиненія личности обществу, съ одной стороны „сверхъ-человѣкъ“, съ другой—христіанская мораль, Ницше и Толстой, проповѣдь борьбы за счастье и за право и „непротивленіе злу“, „германскія“ понятія о правѣ сильныхъ народовъ и идеи пацифизма, заповѣдь „не убій“ и всемірная рѣзня! Можно ли въ этомъ водоворотѣ отыскать общечеловѣческую мораль?

Для того, чтобы можно было построить общеобязательную (*allgemeingültige*) систему правилъ поведенія, необходимо, чтобы высшіе принципы, на которыхъ эта система построена, представлялись необходимыми нашему сознанію и имѣли какое-либо содержаніе. Между тѣмъ тѣ общія формулы, которыя выдвигаются въ качествѣ высшихъ критеріевъ нравственнаго поведенія, или не имѣютъ никакого содержанія, или не могутъ претендовать на общезначимость въ современномъ мірѣ. Общезначимый принципъ морали—сознаніе долга; но это сознаніе—лишь формальный принципъ... точно такъ же, какъ и знаменитый кантовскій категорическій императивъ¹⁾. Но мораль не хотѣла удовольствоваться этими формальными принципами; а такъ какъ содержаніе не можетъ быть выведено изъ формы, то мате-

¹⁾ A. Windelband. Präludien. Vom Prinzip der Moral. Особенно интересенъ анализъ формальной морали у Зиммеля, см. его *Einleitung in die Moralwissenschaft*.

ріальніе принципи нравственности стали издавна предметомъ философскихъ исканій. Стоитъ только познакомиться съ десятой частью предлагавшихся рѣшеній, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей разноголосицѣ на этотъ счетъ ¹⁾. Взять хотя бы вѣковѣчный споръ между личностью и обществомъ! Виндельбандъ, разрѣшая его въ пользу общества и вида „матеріальный“ принципъ нравственности въ отношеніи индивида къ обществу, приходитъ къ слѣдующей формулѣ: „дѣйствуй такъ, чтобы общество, къ которому ты принадлежишь, исполнило свой долгъ“, послѣдній же заключается, по его мнѣнію, не въ счастья большинства, а въ томъ, чтобы „его общее духовное („культурное“) содержаніе достигло (общаго) сознанія и господства“; „задача каждаго общества — созданіе своей культурной системы“. Чѣмъ, спрашивается, эта формула лучше прочихъ? Она такъ же произвольна, какъ и сотни другихъ, и притомъ крайне неопредѣленна (что такое — „культурная система“ общества?), а, главное, она натывается на основной вопросъ современности: о какомъ общеніи здѣсь говорится? Личность входитъ въ различныя общественныя группы, которой же изъ нихъ она должна подчинить всю свою дѣятельность; если она должна произвести выборъ, каковъ критерій послѣдняго?

„Долженствованіе, говоритъ Зиммель ²⁾, есть лишь извѣстная форма, которую принимаетъ то или иное содержаніе представленій... нельзя найти никакого внутренняго соотношенія между чувствомъ долженствованія и тѣмъ или инымъ содержаніемъ моральныхъ предписаній“. А самое содержаніе не только безконечно разнообразится отъ одной личности къ другой, но и въ психикѣ каждой отдѣльной личности происходитъ борьба: личность является пунктомъ пересѣченія различныхъ соціальныхъ круговъ и испытываетъ на себѣ различныя вліянія, вступающія въ конфликтъ между собой: вспомнимъ страданія Антигоны вслѣдствіе

¹⁾ См. Историческіе очерки этическихъ воззрѣній у Паульсена, Гюдла и др.

²⁾ G. Simmel. Einleitung in die Moralwissenschaft. Bd. I (1892), 10—12.

конфликта гражданскаго долга съ семейнымъ; душевная борьба, вызываемая невозможностью сочетать долгъ религіозный и гражданскій, или семейный, составляетъ обычную тему греческихъ трагедій ¹⁾).

Въ отдѣльной личности обычно устанавливается въ результатѣ сложнаго душевнаго процесса нѣкоторое равновѣсіе, сравнительная іерархія тѣхъ коллективовъ, часть которыхъ она составляетъ, и подчиненіе въ случаѣ конфликта всѣхъ интересовъ одному. Но сознанія безусловной обязательности даннаго міросозерцанія для всѣхъ людей не можетъ быть.

Если мы представимъ себѣ въ безконечномъ будущемъ такое время, когда прекратится социальная дифференціация, борьба народовъ и общественныхъ классовъ, можетъ быть, тогда человѣчество и придетъ къ общепризнаннымъ этическимъ нормамъ-аксіомамъ; такой характеръ имѣли нравственныя представленія первобытныхъ народовъ, облеченныя въ абсолютную форму религіозной догмы. Но эти времена давно миновали, а до будущаго „земнаго рая“ безконечно далеко.

Возьмемъ для примѣра тѣ глубокіе конфликты, которые исторія не разъ обостряла, а ежедневная жизнь создаетъ на каждомъ шагѣ, между религіей или національностью и государствомъ, между національнымъ чувствомъ и гражданскимъ долгомъ, вспомнимъ душевныя драмы католиковъ въ Италіи и Франціи во время борьбы ихъ съ папскою властью; а нынѣшняя война—не создала ли она миллионы аналогичныхъ глубокихъ драмъ у лицъ, принужденныхъ дѣлать выборъ между различными общественными группами, членами которыхъ они состоятъ?

Итакъ, социальная дифференціация, столь тонко вскрытая Зиммелемъ, представляетъ основной факторъ, исключаящій возможность единой этики и общепризнанныхъ идеаловъ въ современномъ человѣчествѣ. Вотъ по-

¹⁾ Ibid., Bd. II (1893), 7. Kap. Въ виду этого Зиммель предлагаетъ превратить этику въ эмпирическую науку, изучающую, а не декретирующую, нравственныя понятія.

чему, „когда мы беремъ современные исканія въ ихъ совокупности, мы дѣйствительно чувствуемъ, что въ нихъ оставлена твердая земля и не видно берега, къ которому можно было бы пристать. Какая-то небывалая безграничность, переходящая порой въ отсутствіе перспективы, какая-то тревожная сложность, представляющаяся иногда безнадежной запутанностью“ ¹⁾.

Всѣ попытки построить этику, какъ нормативную науку, которая учитъ тому, что должно быть, а не тому, что существуетъ, носить характеръ произвольныхъ субъективныхъ утверждений; логически нравственность немыслима безъ вѣры въ нѣчто высшее, идеальное, совершенно такъ же, какъ геометрія невозможна безъ нѣкоторыхъ аксіомъ, истинность которыхъ усматривается нами непосредственно“ ²⁾, но именно этой вѣры у современнаго чело-вѣчества нѣтъ ³⁾.

Итакъ, этику, какъ ученіе о высшемъ благѣ и высшихъ критеріяхъ поведенія, нельзя признать наукой, поскольку мы отъ науки требуемъ общеобязательности ея исходныхъ посылокъ и объективности ея выводовъ.

¹⁾ П. Новгородцевъ. Общественный идеалъ въ свѣтъ современныхъ исканій. *Вопр. филос. и псих.*, 1910 г., стр. 331—332.

²⁾ А. Щербина. *Методологія этики. Вопросы философіи и психологіи*, 1913 г., стр. 587.

³⁾ Нѣкоторые философы (Вундтъ, Паульсенъ) пытались вывести эти общіе принципы изъ опыта, изъ изученія дѣйствительности, но дѣйствительность слишкомъ разнообразна, а критерій для выбора изъ нея намъ не данъ; „этологія“ или историко-сравнительное изученіе нравственныхъ понятій не можетъ служить основаніемъ нормативной этики. Еще болѣе ошибочно приравниваніе этики къ медицинѣ и прочимъ практическимъ наукамъ, какъ это дѣлаетъ Паульсенъ, называя ее „общей діететикой“: основываясь на знакомствѣ съ чело-вѣческой природой, она, молъ, должна дать указанія, какъ слѣдуетъ рѣшать задачи жизни. Но вѣдь основные критеріи оцѣнки не могутъ быть заимствованы изъ опыта. Тутъ, очевидно, происходитъ смѣшеніе разнородныхъ проблемъ: этики въ тѣсномъ смыслѣ слова съ приложеніемъ ея принциповъ къ конкретнымъ цѣлямъ, которое г. Щербина называетъ „моральной технологіей“ (*ibid.* 592).

Тѣмъ болѣе сказанное относится къ политикѣ въ разныхъ областяхъ общественной жизни: вѣдь всякій политическій принципъ представляетъ логически частный выводъ изъ какой-либо этической нормы, примѣненіе общихъ этическихъ началъ къ конкретнымъ цѣлямъ общежитія. Слѣдовательно, если нѣтъ общепризнанныхъ этическихъ нормъ, то не можетъ быть и общепризнанныхъ политическихъ принциповъ. Чѣмъ общѣе проблема, чѣмъ больше ея культурное значеніе, тѣмъ менѣе однородны выводы изъ опытнаго матеріала, тѣмъ больше роль въ высшей степени субъективныхъ аксіомъ вѣры и оцѣнки. Есть нѣкоторыя практическія проблемы, общепризнанность которыхъ кажется несомнѣнной; однако и здѣсь обнаруживается различіе не только классовыхъ интересовъ, но и міросозерцаній¹⁾.

Общественные идеалы cadaго изъ насъ представляютъ продуктъ окружающей среды, классовыхъ интересовъ, семейныхъ традицій и иныхъ вліяній; причинное изученіе всѣхъ этихъ факторовъ обнаруживаетъ подчасъ нѣкоторую общность идеаловъ, вызываемую преобладаніемъ к.-л. общихъ причинъ, и даетъ возможность выяснить господствующія тенденціи общежитія. Но оцѣнка ихъ всегда будетъ субъективной и, слѣд., ненаучной; того этического а priori, которое лежитъ въ основѣ всякаго политическаго идеала и его оцѣнки другимъ лицомъ, нельзя доказать; Это а priori — норма, абсолютная и автономная: здѣсь царитъ воля. Всякая практическая теорія заключаетъ въ себѣ волевой элементъ и субъективна по самому существу своему, отражая интересы и міровоззрѣніе ея автора.

Люди науки вовсе не должны отказываться отъ политической дѣятельности ради объективности своихъ научныхъ изслѣдованій, какъ наивно предполагаетъ проф. Конъ²⁾;

¹⁾ M. Weber. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnisse. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1904, H. 1, S. 29.

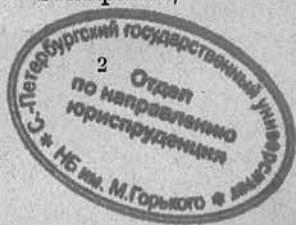
²⁾ G. Cohn. Wirtschaftswissenschaft und Wirtschaftspolitik. Zt. f. d. ges. Staatswiss., 1911, S. 6:6.

15458 гр. 12р
 подобный отказъ былъ бы, несомнѣнно, потерей для страны: и въ политической борьбѣ чрезвычайно важны ясная формулировка лозунговъ и научное предвидѣніе, спасающее отъ бесплодной затраты силъ на неосуществимые проекты. Но, участвуя въ политической жизни, ученый долженъ помнить, что онъ говоритъ отъ имени партіи, общественной группы, но не отъ имени науки. Если же онъ пытается стать внѣ окружающихъ его общественныхъ группъ въ роли объективнаго судьи, то онъ обманываетъ и другихъ, и себя, т. к. въ борьбѣ не можетъ быть объективныхъ рѣшеній. Многие склонны считать научными тѣ среднія компромиссныя рѣшенія, которыя предлагаются „чуждыми политическихъ страстей“ профессорами, но это—жестокая ошибка: „только оптимистическій синкретизмъ, являясь часто продуктомъ историческаго релятивизма, можетъ обманываться на этотъ счетъ...: практической политикѣ ищетъ компромисса между противоположными взглядами, но это не имѣетъ ничего общаго съ научной объективностью; „средняя линія“ ни на волосъ не истиннѣе, чѣмъ самыя крайніе идеалы правыхъ или лѣвыхъ партій“ ¹⁾.

Итакъ, наука должна быть совершенно нейтральна. „Она можетъ выяснитъ соотношеніе между средствомъ и цѣлью, показать, сколько стоитъ осуществленіе данной цѣли (задача техники); она можетъ классифицировать цѣли и установить логическое соотношеніе между различными культурными цѣнностями, но выборъ между ними—не ея дѣло. Критика идеаловъ и цѣнностныхъ сужденій можетъ имѣть лишь діалектическій характеръ, а именно оцѣнки съ точки зрѣнія отсутствія внутреннихъ противорѣчій“... наука никого не учитъ тому, что онъ долженъ дѣлать, а только тому, что онъ можетъ и—иногда—чего онъ хочетъ ²⁾. Научные отвѣты на политическіе вопросы имѣютъ условный характеръ: если вы стремитесь къ

¹⁾ М. Weber, о. с., S. 30.

²⁾ М. Weber, о. с., S. 25—27, а также въ преніяхъ на съѣздѣ Соціалполитическаго Союза. Schriften des Vereins für Sozialpolitik, Bd. CXXXII, S. 582.

такой-то цѣли, то необходимо прибѣгнуть къ такимъ-то средствамъ. Но въ отличіе отъ медицины, прикладной механики и прочихъ практическихъ дисциплинъ здѣсь при однихъ и тѣхъ же условіяхъ возможно множество рѣшеній вслѣдствіе разнообразія исходныхъ этическихъ и политическихъ посылокъ.—Отказавшись отъ несвойственныхъ ей задачъ, отъ вмѣшательства въ политику, наука не будетъ ослаблять своимъ мнимымъ объективизмомъ силы нашихъ идеаловъ и энергіи въ общественной борьбѣ; съ другой стороны, дѣлая свое скромное дѣло, изучая дѣйствительность, она сослужитъ и въ политической жизни большую службу. Уроки прошлаго и опытъ другихъ странъ, тенденціи соціальной жизни и powerful прогнозъ будущаго, наконецъ, рѣшеніе техническихъ проблемъ— вотъ то, что она можетъ и должна дать практическому дѣятелю—во всѣхъ этихъ областяхъ наука сохраняетъ объективный характеръ. Технические проблемы тѣсно примыкаютъ къ причинному изученію общественныхъ явленій, къ познанію дѣйствительности.

Но возможно ли объективное познаніе вообще и въ частности въ области соціальныхъ наукъ?

Вѣдь стимуломъ къ изученію какой-либо области фактовъ служить интересъ изслѣдователя именно къ данной области; изъ массы явленій соціальной жизни онъ выбираетъ тѣ, которыя представляютъ для него „культурную цѣнность“¹⁾, и каждое явленіе онъ разсматриваетъ лишь съ той стороны, которая интересна ему для выясненія к.-л. общей идеи; т. о. субъективныя оцѣнки опредѣляютъ какъ предметъ, такъ и границы изслѣдованія; абстрагируя конкретную дѣйствительность, наука можетъ создавать „идеальные типы“ явленій²⁾. Тѣмъ не менѣе самое изслѣдованіе остается каузальнымъ, „идеальные типы“ служатъ лишь средствами познанія, субъективный выборъ задачи вовсе

¹⁾ М. Weber, о. с., S. 42 u. f., и Риккертъ: Границы естественно-научнаго образованія понятій, гл. IV.

²⁾ Напр. homo oeconomicus въ классической экономіи.

не обуславливает необходимости оцѣнки изучаемыхъ фактовъ и отказа отъ объективности изслѣдованія.

Нашъ великій публицистъ, возставая противъ объективной науки, считалъ бесплоднымъ изученіе дѣйствительности, не освѣщенное свѣтомъ идеала („какъ за дѣву, писалъ онъ, нельзя поручиться, въ чьи руки она попадетъ и что дастъ человѣчеству“), и пытался создать изъ соціологіи систему нравственно-политическихъ понятій съ обязательнымъ характеромъ религіозныхъ максимъ. Но мы видѣли выше, что современному сознанію не привить общепризнанныхъ нравственныхъ аксіомъ, единой „правды-справедливости“; что касается „чистой“ науки, она и въ дѣвничьемъ состояніи приноситъ пользу: знаніе цѣнно само по себѣ, каково бы ни было его примѣненіе; изъ-за того, что химіей пользуются для выработки удушливыхъ газовъ, никто вѣдь не потребуетъ примѣненія къ ней „субъективнаго метода“. Ясно поставленный идеаль ни на шагъ не подвигаетъ научнаго изслѣдованія объ обществѣ.

У русскихъ соціологовъ-субъективистовъ и у новѣйшихъ сторонниковъ „телеологическаго“ метода на Западѣ можно намѣтить два общихъ довода въ пользу телеологіи: 1) недостаточную достовѣрность законовъ соціальной жизни, вызываемую сложностью соц. явленій, отсутствіе безусловной увѣренности въ наступленіи будущихъ событій: соціальная жизнь не знаетъ точныхъ законовъ, какъ физика или химія—она лишь намѣчаетъ тенденціи, наступленіе которыхъ возможно, но не необходимо; 2) признаніе роли идей въ исторіи: разъ нравственные принципы станутъ исключительными мотивами человѣческаго поведенія, то возможно будетъ телеологическое построеніе будущихъ событій, какъ ихъ логическихъ выводовъ ¹⁾.

Къ послѣднему доводу примыкаетъ основное положеніе Штаммлера, составляющее особенность и ядро его теоріи,

¹⁾ См. Штамплеръ. Хозяйство и право, особ. ч. II, Hesse „Die Werturteile in der Nationalökonomie“ и др. (Hesse, впрочемъ, признаетъ [стр. 189] телеологическое изученіе лишь дополненіемъ къ наукальному).

а именно понятіе соціального, какъ внѣшне-урегулированнаго: право—форма соціальной жизни, неотдѣлимое отъ экономическаго содержанія условіе соціальности, а правовая или обычная норма, какъ и всякая иная норма, направляетъ человѣческое поведеніе по опредѣленному пути, преслѣдуетъ извѣстную цѣль; руководящая идея цѣли проявляется во всѣхъ отдѣльныхъ правовыхъ институтахъ; слѣд., познаніе соціальной жизни возможно лишь съ точки зрѣнія телеологической.

Въ самомъ понятіи хозяйства, говоритъ Гессе, заключается уже моментъ оцѣнки, соотношеніе между стоимостью и результатомъ, цѣлью хозяйственной дѣятельности. Эта цѣль—обеспеченіе благами—раздѣляется на двѣ проблемы: производство и распредѣленіе. Обѣ задачи, и особенно вторая, вводятъ въ наши сужденія этическія предпосылки и, слѣд., не могутъ ограничиться каузальнымъ и технико-экономическимъ изслѣдованіемъ.

Изложенные доводы не могутъ быть признаны убѣдительными: причинное (каузальное) изученіе явленій примѣнимо и въ тѣхъ случаяхъ, когда не удается получить безусловно достовѣрные выводы; вѣдь и въ естествознаніи этотъ идеаль познанія рѣдко достигается. Наука ограничивается большей частью категоріей вѣроятности, вѣроятнымъ предвидѣніемъ событій, и не только въ точной (количественной) формѣ статистическихъ выводовъ; такъ, напр., исторія довольствуется выясненіемъ тенденцій общественной жизни; нѣкоторая неопредѣленность результатовъ не служитъ основаніемъ для отказа отъ причиннаго изученія. Цѣли, идеи, нормы человѣческой дѣятельности, столь же разнообразныя, какъ и самые акты ея, подлежатъ въ числѣ прочихъ факторовъ причинному, объективному изученію и анализу. Что касается пресловутой штамmlеровской теоріи соціального регулированія, она основана на безнадежномъ смѣшеніи понятій ¹⁾: „правила“, какъ правовой нормы и какъ

¹⁾ См. педантичный анализъ и суровую критику этой путаницы въ статьѣ М. Weber'a „R. Stammlers „Überwindung“ der materialistischen Geschichtsauffassung“. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1907.

цѣлесообразной, обычной формы поведенія, „нормы“, какъ логическаго обоснованія поведенія, и представленія о нормѣ, какъ одной изъ причинъ поведенія и т. п.

Всѣ социальныя факты заключаютъ въ себѣ элементъ внѣшняго для индивида регулированія, т. е. суммы общественныхъ влiяній, но эти влiянія нельзя сводить исключительно къ правовымъ; между тѣмъ только право, и то на высшихъ ступеняхъ развитія, представляетъ продуктъ вполне сознательно поставленной законодателемъ цѣли; въ остальныхъ областяхъ „внѣшняго регулированія“ цѣль правила теряется среди прочихъ факторовъ его возникновенія (традиція, подражаніе). Къ тому же нормы закона значительно измѣняются, когда претворяются въ реальныя факторы поведенія конкретныхъ людей (Weber, *ib.*, 141); вообще, „правовое правило, съ эмпирической точки зрѣнія, не „форма“ социальной жизни, а одно изъ реальныхъ слагаемыхъ эмпирической дѣйствительности“... причинно опредѣляющихъ поступки людей“. Такимъ образомъ, и право, и прочіе моменты социальной жизни, въ томъ числѣ экономическіе и финансовыя, могутъ и должны быть изучаемы каузально, какъ социальныя явленія, въ ихъ исторической послѣдовательности или взаимной связи. Указаннымъ каузальнымъ, а также технико-телеологическимъ изученіемъ экономической жизни должна ограничиться экономическая наука, исключая изъ своей сферы всѣ тѣ практическія проблемы, гдѣ и поскольку исходными посылками служатъ этическія „нормы“.

Все сказанное относится и къ финансовой политикѣ, какъ ее понимаютъ сторонники социально-этическаго направленія: каждое положеніе ея основывается на какомъ-либо сознательномъ или безсознательномъ этическомъ принципѣ, субъективномъ и недоказуемомъ. Доводы защитниковъ этики въ финансовой наукѣ мало убѣдительны: т. напр., извѣстный итальянскій экономистъ Einaudi¹⁾ ссылается на примѣръ юридическихъ дисциплинъ, въ которыхъ законодательство оцѣни-

¹⁾ Einaudi *scienza delle finanze*. 1911 (литогр. изд. слушат.), p. 323—9.

вается съ точки зрѣнія общаго блага; но примѣръ неудаченъ: именно юридическія науки въ тѣсномъ смыслѣ слова (догма) не задаются вопросомъ о справедливости того или иного закона—онѣ ограничиваются логическимъ анализомъ и толкованіемъ закона ¹⁾; что касается до политики права—уголовной, вновь народившейся цивилистической и пр., то къ ней вполне примѣнимы вышеизложенныя соображенія насчетъ политики вообще: субъективизмъ этическихъ предпосылокъ лишаетъ ее научнаго характера. Эйнауди возмущается тѣмъ, что отказъ отъ этическихъ оцѣнокъ „останавливаетъ изслѣдователя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда критическій анализъ становится интереснымъ и плодотворнымъ“. Насчетъ интереса изслѣдованія спорить трудно, но въ „плодотворность“ этихъ безчисленныхъ (особенно нѣмецкихъ) трактатовъ о справедливомъ обложеніи, о принципѣ равномѣрности и пр., вѣрятъ развѣ только ихъ авторы. Люди практики смотрятъ на нихъ, какъ на невинную забаву „кабинетныхъ ученыхъ“—вліяніе ихъ на жизнь равно нулю: въ борьбѣ интересовъ, въ пылу политическихъ страстей вырабатываются новыя и разрушаются старыя финансовыя системы; жизнь творитъ, а соціально-политическія теоріи плетутся за ней, безуспѣшно пытаясь идти съ ней въ ногу. Практический политикъ иногда прикрывается въ своихъ требованіяхъ „выводами науки“; если же они расходятся съ преслѣдуемой имъ цѣлью, онъ отбрасываетъ ихъ, какъ ненужный хламъ. Пора перестать тѣшить себя иллюзіей о вліяніи науки на выработку „справедливыхъ“ финансовыхъ системъ!

Задача финансовой науки — болѣе скромная. Она заключается прежде всего въ изученіи финансовыхъ явленій, какъ определенной категоріи соціальныхъ явленій: объектомъ изученія служатъ законы и распоряженія власти, вліяніе ихъ на экономическую жизнь, фактическое примѣненіе;

¹⁾ В. Grizziotti, La scienza pura delle finanze. Giorn. d. econ. 1913, p. 76, см. также Pareto (Manuale di econ. politica (1906) у. De Viti de Marco Il carattere teorico dell economia finanziaria (1888)—оба высказываются противъ внесенія политики въ фин. науку.

ф. явления изслѣдуются въ ихъ причинной связи съ другими экономическими и социальными явлениями; стремясь уловить общія тенденціи и типы эволюціи, изслѣдователь пользуется историко-сравнительнымъ методомъ (мы остановимся подробнѣе въ слѣдующемъ очеркѣ на вопросѣ о методѣ). — Выясненіе экономическаго вліянія финансовыхъ мѣропріятій на народное хозяйство (переложенія налоговъ и т. п.) предполагаетъ знаніе экономическихъ „законовъ“ современнаго хозяйственнаго строя, условій рынка, образованія цѣнъ, сближая финансовую науку съ политической экономіей; здѣсь находитъ широкое примѣненіе и статистика. — Къ намѣченнымъ основнымъ задачамъ финансовой науки примыкаютъ практическія или техническія задачи, заключающіяся въ выясненіи средствъ для осуществленія при опредѣленныхъ условіяхъ какой-либо финансово-политической, извнѣ данной, цѣли; сюда относятся вопросы о пріемахъ оцѣнки и взиманія налоговъ и проч. сборовъ, о формахъ эксплуатаціи доменъ и много другихъ финансово-техническихъ проблемъ; если одна и та же цѣль можетъ быть достигнута нѣсколькими способами, то наука выбираетъ среди нихъ наиболѣе цѣлесообразный, изъ нѣсколькихъ возможныхъ финансовыхъ системъ предлагаетъ наиболѣе подходящую. Указанную задачу финансовой науки Grizziotti опредѣляетъ такъ: „построеніе теоретическихъ схемъ, идеальныхъ финансовыхъ системъ, логически вытекающихъ изъ опредѣленныхъ принциповъ“. Каковы же эти принципы?

Проф. Озеровъ, признавая существованіе объективной финансовой политики, исключаетъ внесеніе въ науку „гетерогеннаго“ идеала: оцѣнка ф. явленій допускается имъ лишь съ точки зрѣнія „объективнаго“ идеала финансоваго хозяйства, „почерпнутаго изъ существа“ его; указанный идеалъ заключается въ „такой организаціи способовъ полученія средствъ, чтобы 1) публичный союзъ могъ легко удовлетворить свои потребности, 2) чтобы переходъ этихъ средствъ изъ частныхъ хозяйствъ не ослаблялъ эти послѣднія, не уменьшалъ платежныхъ силъ и 3) чтобы средства

употреблялись какъ можно производительнѣе, т. е., чтобы въ услугахъ государства воспроизводились суммы, почерпнутыя изъ кармановъ населенія“. (Предисловіе къ курсу). Требования, выдвигаемыя Озеровымъ, сводятся къ принципу „достаточности“, выдвинутому Вагнеромъ, и принципу сохраненія производительныхъ силъ страны, на которомъ мы остановимся подробнѣе дальше. Изъ нихъ только первый можетъ быть названъ фискальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, второй лежитъ въ основѣ всей экономической политики (напр., таможенной...); вообще, трудно выдѣлать фискальный моментъ отъ другихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ законодатель при построеніи финансовой системы; онѣ тѣсно переплетаются между собой, и система, обоснованная исключительно на фискальномъ принципѣ, совершенно немыслима. Дѣло не въ исключеніи „гетерогенныхъ“ цѣлей, какъ думаетъ проф. Озеровъ, а въ объективномъ характерѣ поставленныхъ финансовой политикѣ задачъ. Поэтому напрасно Grizziotti включаетъ въ число задачъ, которыя могутъ быть поставлены финансовой наукѣ, „выясненіе условий, при которыхъ финансовая система удовлетворяетъ опредѣленнымъ постулатамъ распредѣленія фин. бремени“ (р. 66); правда, авторъ допускаетъ лишь условные практическіе выводы: наука не предлагаетъ отъ себя идеальныхъ фин. системъ, но отвѣчаетъ на вопросы: „если даны такія-то этическія послышки, такія-то требования распредѣленія, то какая система, какіе налоги и пошлины лучше всего удовлетворяютъ имъ?“ При такой условной постановкѣ вопроса сохраняется объективизмъ науки, она остается въ предѣлахъ техники.

Однако и въ такой формѣ построенія „идеальныхъ системъ распредѣленія“ нежелательны въ финансовой наукѣ вслѣдствіе ихъ неопредѣленности. А. Вагнеръ призналъ существованіе двухъ противоположныхъ, но „одинаково рациональныхъ и справедливыхъ“ податныхъ системъ фискальной и социальнo-политической; различіе между ними обусловливается положительнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ современному социальному строю. Въ дѣйстви-

тельности исходныхъ точекъ зрѣнія можетъ быть не двѣ, а множество: отношеніе различныхъ общественныхъ группъ къ современному строю вовсе не укладывается въ указываемую Вагнеромъ альтернативу; къ тому же на финансовую политику можетъ вліять не только общее отношеніе къ соціальному строю, но множество болѣе частныхъ этическихъ и политическихъ мотивовъ; слѣдовательно, финансовой наукѣ пришлось бы строить безсчетное количество „раціональныхъ и справедливыхъ“ финансовыхъ системъ.

Поэтому лучше отказаться отъ этой задачи, предоставивъ ее публицистикѣ различныхъ лагерей, и ограничиться наряду съ (причиннымъ) изученіемъ дѣйствительности, обсужденіемъ лишь такихъ техническихъ въ широкомъ смыслѣ вопросовъ, гдѣ поставленная цѣль обща различнымъ общественнымъ группамъ и не порождаетъ разнообразія этическихъ оцѣнокъ.

Наряду съ финансовой наукой, изучающей явленія публичнаго хозяйства, финансы могутъ быть изучаемы съ точки зрѣнія правовой, какъ опредѣленная область правовыхъ нормъ. Финансовое право систематизируетъ положительное законодательство и примѣняетъ выработанныя нормы къ конкретнымъ случаямъ. Представляя особую область догматическаго мышленія, оно должно быть совершенно выдѣлено въ самостоятельный предметъ преподаванія (какъ это дѣлается во Франціи, отчасти въ Германіи и Австріи). По методу оно ничѣмъ не отличается отъ прочихъ юридическихъ дисциплинъ: толкованіе V тома Свода законовъ — та же задача, что и толкованіе X-го или XV-го, требующая иныхъ приемовъ, иныхъ навыковъ мышленія, чѣмъ финансовая наука, методы которой это—общіе методы всѣхъ соціальныхъ наукъ.

Глава II.

Методъ финансовой науки.

Въ историческомъ развитіи соціальныхъ наукъ мы наблюдаемъ смѣну школъ и господствующихъ методовъ: сначала—абстрактно-дедуктивный методъ физиократовъ, энциклопеди-

стовъ и классической экономіи, создавшей фиктивного homo oeconomicus и не вполне укладывавшіеся въ рамки дѣйствительности „законы“ обмѣна, прибыли, ренты; затѣмъ — историческую школу, явившуюся результатомъ реакціи противъ классической экономіи. Лозунгомъ ея былъ описательный методъ: видя сложность общественной жизни и множественность ея факторовъ, историческая школа отказалась отъ исканія „точныхъ“ законовъ и довольствовалась описаніемъ дѣйствительности; если она и указывала причины историческихъ событій, то не расчленяла ихъ, не пыталась выдѣлить дѣйствіе каждой изъ нихъ; среди нихъ видное мѣсто играетъ „этической“ факторъ, который легко объяснялъ всѣ явленія, реальныхъ причинъ которыхъ не могли доискаться. Всѣ работы „шмоллеровской“ школы проникнуты такимъ пассивнымъ духомъ описательнаго изслѣдованія. Даже А. Вагнеръ, котораго нельзя причислить къ представителямъ историзма, не идетъ дальше классификаціи различныхъ факторовъ финансовыхъ явленій (политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ отношеній и борьбы классовъ).

Историческая школа вызвала въ свою очередь рѣзкую критику и реакцію какъ въ теоретической экономіи, такъ и въ историко-соціальныхъ дисциплинахъ, поворотъ въ сторону дедукціи и активно-познавательныхъ методовъ объяснительныхъ наукъ. Правда, между описательными и объяснительными науками нѣтъ той рѣзкой грани, которую устанавливала миллевская логика: всякая наука, говоритъ проф. Штадлеръ (повторяя опредѣленіе химика Кирхгофа), есть возможно полное описаніе явленій; требуемая для описанія сравненіе и классификація явленій, даже самое наблюденіе представляютъ активные процессы познанія — чисто рецептивного мышленія не бываетъ. Но есть разница въ степени активности. Активное познаніе требуетъ прежде всего анализа явленій. Для того, чтобы разобраться въ той неопредѣленной мѣшанинѣ, которую представляетъ потокъ окружающихъ насъ фактовъ, разумъ острымъ ножомъ анализа долженъ расчленить ихъ, образуя понятія и законы

явленій (Зигвартъ). Понятіе и законъ—абстракціи ¹⁾. „Научный законъ есть отвлеченное выраженіе соотношенія между логически изолированными элементами вещей, которые строятся внѣ времени и пространства“. Эти „точные“ законы (механической, физической и др.) современная логика противоставляетъ „эмпирическимъ“, пригоднымъ лишь въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени (напр., біологическимъ) и представляющимъ конкретныя комбинаціи точныхъ. Примѣняя указанное разграниченіе къ социальнымъ наукамъ, К. Менгеръ различалъ реалистически-эмпирическое изученіе, исходящее изъ реальныхъ фактовъ, не дающее безусловно точныхъ типовъ и отношеній, и точное, дающее строго опредѣленные типы и безусловные законы, но не имѣющее непосредственной связи съ фактами. Оба метода равноправны, но существенно различны по гарантіи ихъ истинности: „(точные) законы явленій, говоритъ Зиммель, сохраняютъ свое значеніе независимо отъ того, одинъ или миллионы разъ происходилъ описываемый ими случай; законъ — характера идеальнаго: ...логически нѣтъ мѣста отъ него къ реальной дѣйствительности“. Однако, нельзя согласиться съ положеніемъ Зиммеля, будто законы „не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью“ (тогда они были бы бесполезны): индуктивные методы (разности, остатковъ) даютъ возможность изолировать факторы явленій и приближать „эмпирическіе“ законы къ точнымъ; съ другой стороны самыя точныя законы имѣютъ лишь „логически“ абсолютный характеръ—происхожденіе ихъ все-таки коренится въ эмпирикѣ: „точные“ законы ренты, полученные Рикардо или Тюненомъ, основаны вѣдь на наблюденіяхъ современ-

¹⁾ Представители историзма всегда указывали на „нереальность“ апіорныхъ понятій. Но этотъ упрекъ понятенъ только съ точки зрѣнія старой схоластической философіи, искавшей „объективную дѣйствительность“. Кто признаетъ основу кантовской теоріи познанія, что понятія—только средства для овладѣнія эмпирическимъ матеріаломъ., тотъ не станетъ отвергать ихъ образованія на томъ основаніи, что, молъ, „генетическія понятія—не что иное, какъ идеальныя типы“. (Weber, op. cit., S. 82).

наго имъ хозяйственнаго строя и имѣютъ силу лишь для данной исторической эпохи. Въ социальныхъ (да и въ другихъ) наукахъ нѣтъ абсолютно точныхъ законовъ; между „точными и эмпирическими“ законами имѣется непрерывная связь.

Въ цѣляхъ установленія законовъ явленій, наука прибѣгаетъ къ анализу и синтезу: она разлагаетъ сложныя явленія на ихъ элементы, точнѣе говоря, выбираетъ изъ многограннаго явленія какую-либо одну сторону, одинъ признакъ, затѣмъ связываетъ различныя явленія по данному признаку, подводя подъ общую категорію. Каждое явленіе, особенно социальное, можетъ быть разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Факторы социальной жизни такъ многочисленны, что представляется совершенно невыполнимымъ охватить ихъ одной общей теоріей, а съ другой стороны познаніе не можетъ ограничиться ихъ классификаціей; для того, чтобы установить болѣе или менѣе точные законы явленій, необходимо изолировать эти факторы и постараться опредѣлить (путемъ абстракціи) дѣйствіе каждаго изъ нихъ, раскрывая отдѣльныя стороны социальной эволюціи.

Поэтому въ противоположность исторической школѣ, современная экономика и исторія предпочитаютъ одностороннія теоріи, кладущія какой-либо одинъ факторъ въ основу изслѣдованія общественной жизни; всѣ эти теоріи — антропогеографическая, біологическая, экономическая и др. — сознательно отвлекаются отъ всѣхъ прочихъ факторовъ, кромѣ того, который онѣ признаютъ наиболѣе существеннымъ. Такихъ одностороннихъ теорій можетъ быть множество въ силу многогранности социальныхъ явленій. Изслѣдователь выбираетъ изъ нихъ ту, которая представляетъ для него „культурную цѣнность“, которая интересуетъ его, какъ личность и какъ ученаго. Чисто научный интересъ заключается прежде всего въ удовлетвореніи той основной потребности въ единствѣ знанія, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ наукъ; наряду съ указанной синтетической задачей научнаго изслѣдованія и въ тѣсной связи съ ней стоитъ другая, формулированная О. Контомъ — предвидѣніе бу-

дущаго. Эта практическая цѣль большинства наукъ указываетъ вѣрный путь научному синтезу, служить критеріемъ для выбора среди множества возможныхъ точекъ зрѣнія и синтезовъ; вѣдь и въ научной дѣятельности слѣдуетъ руководиться общимъ принципомъ человѣческой дѣятельности—экономіей силъ. Съ точки зрѣнія этой практической задачи только тотъ синтезъ представляетъ цѣнность, который даетъ руководящую нить для установленія (причинной) связи между конкретными явленіями, дающей возможность предвидѣть при наличности одного явленія наступленіе другого.

И въ социальныхъ наукахъ главная цѣль нашего познанія — конкретная причинная связь явленій: „общія конструкціи (напр., связь между экономическимъ строемъ и правомъ и т. п.)—лишь средства для объясненія даннаго явленія доступными нашему познанію причинами“ (Weber); религія, право, экономика—всѣ эти абстракціи, обнимающія массу явленій, играютъ служебную роль въ нашемъ мышленіи. Если мы согласимся съ этими положеніями, то десятки социологическихъ теорій, историческихъ конструкцій, идущихъ не дальше общихъ аналогій и не отвѣчающихъ поставленной практической цѣли, отпадутъ по безполезности, какъ бы онѣ ни были остроумны. Дѣйствительность—это картина, которую можно освѣтить съ разныхъ сторонъ—и каждый разъ она мѣняетъ свой видъ, но лишь при нѣкоторыхъ положеніяхъ источника свѣта мы замѣчаемъ детали картины во всей полнотѣ: задача наша — найти эти точки надлежащаго освѣщенія. Изъ многихъ теорій мы должны выбрать тѣ, которыя наиболѣе продуктивны, т. е. лучше другихъ объясняютъ новые факты и удачнѣе „предсказываютъ будущее“.

Примѣнимъ изложенный критерій цѣлесообразности къ различнымъ методамъ социальныхъ наукъ или, точнѣе говоря, концепціямъ социальныхъ явленій.

Вундтъ различаетъ ¹⁾ четыре метода, примѣняемыхъ въ общественныхъ наукахъ: 1) юридическій, на которомъ

¹⁾ Logik II. Logik der Geisteswissenschaften.

мы останавливаться не станемъ (какъ на методъ совершенно обособленной дисциплины); 2) „физикальный“ или индивидуально-психологическій; 3) біологическій методъ органической школы, пользующійся для изученія общества аналогіей съ фізіологическимъ организмомъ, и 4) соціологическій, дѣлающій объектомъ изученія общественную группу. Каждый изъ указанныхъ методовъ имѣлъ представителей и въ финансовой наукѣ.

Физикальный методъ или индивидуально-психологическая школа стремится объяснить соціальныя явленія изъ совмѣстнаго дѣйствія составляющихъ общество индивидовъ, дедуцировать коллективный актъ, какъ равнодѣйствующую (по аналогіи съ физическими силами) изъ многихъ личныхъ силъ. Выразительницами этого направленія были австрійская школа въ политической экономіи и ея отростокъ — т. н. „экономическая“ школа государственнаго хозяйства.

Австрійская школа исходитъ изъ представленія о народномъ хозяйствѣ, какъ равнодѣйствующей безчисленныхъ индивидуальныхъ силъ и мотивовъ. Уразумѣть его значить свести къ этимъ „сингулярнымъ“ простѣйшимъ элементамъ. Генетическое объясненіе — задача всякой науки — должно свести явленія къ ихъ факторамъ, т. е. отдѣльнымъ хозяйствамъ (Менгеръ). — Въ этой аргументаціи кроется прежде всего недоразумѣніе: „сингулярное“ хозяйство отождествляется съ индивидуальнымъ, частнымъ и считается простѣйшимъ элементомъ, къ которому сводятся сложныя народно-хозяйственныя явленія. Между тѣмъ частное хозяйство — явленіе тоже сложное; индивидомъ руководятъ разнообразныя мотивы и интересы, тысяча вліяній отражается на его дѣятельности. Если австрійская школа дѣйствительно упростила задачу, то не тѣмъ, что свела народное хозяйство къ индивидуальному, а тѣмъ, что изолировала одинъ мотивъ экономической дѣятельности — эгоистическій интересъ и поставила всю хозяйственную дѣятельность на одномъ этомъ мотивѣ, а при современномъ экономическомъ строѣ эта абстракція наиболѣе приближается къ истинѣ. Т. о. она лишь обосновала и развила методъ классической экономіи.

Далѣ ея безусловная заслуга заключается въ указаніи психологической основы социальныхъ явленій. Соціальное явленіе — это психическія отношенія между людьми. Понятіе социальное явленіе вполнѣ можно, только сведя его къ психологическимъ элементамъ ¹⁾. Но мы наталкиваемся здѣсь на непреодолимые трудности, какихъ не знаютъ естественныя науки. Если химію нельзя всецѣло свести къ механикѣ, то тѣмъ болѣе общественныя явленія нельзя свести къ индивидуальнымъ: психологія индивида сама измѣняется подѣ вліяніемъ окружающаго общества; психологія толпы и т. п. случаи подчиненія индивидуальной воли коллективной образуютъ въ психикѣ человѣка особую область социальныхъ функцій. Индивидуалистическія теоріи, по словамъ Вундта, забываютъ, что общественныя вліянія неразложимы болѣею частью на личныя и что органическое совмѣстное дѣйствіе многихъ не равно суммѣ дѣйствій каждаго. Итакъ, то обстоятельство, что общество имѣетъ своей субстанціей психику людей, вовсе не даетъ права сводить социальныя явленія къ индивидуальной психологіи. При изученіи государственнаго хозяйства этотъ методъ совершенно непригоденъ. Между тѣмъ представители австрійской школы сдѣлали попытки и въ этомъ направленіи и создали такъ называемую „экономическую“ теорію финансоваго хозяйства. Этой теоріи положилъ основаніе Заксъ ²⁾. „Полная теорія экономическихъ явленій, говоритъ онъ, должна охватить народно-хозяйственныя феномены въ систематической связи съ частно-хозяйственными. Какъ послѣдніе, такъ и первые должны быть сведены къ общимъ экономическимъ отношеніямъ... необходимо показать причинную связь, согласно которой изъ первоначальныхъ факторовъ экономическихъ вытекаютъ какъ частно-хозяйственныя, такъ и народно-хозяйственныя явленія социальной жизни“. Прежде чѣмъ приступить къ анализу, авторъ устанавливаетъ одно

¹⁾ См. объ этомъ глубокопродуманную книгу Р. М. Орженцкаго. Понятіе объ экономическомъ явленіи: Глава: Полный и неполный причинный рядъ.

²⁾ E. Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft.

основное дѣленіе социальныхъ отношеній между людьми — на 2 группы, которыя онъ обозначаетъ какъ индивидуализмъ и коллективизмъ. — Всѣ экономическія категоріи, въ томъ числѣ потребности, могутъ быть индивидуальными и коллективными. Коллективныя потребности—п. человѣка, какъ члена общества — предметъ государственнаго хозяйства. Если коллективная потребность стоитъ въ тѣсной связи съ индивидуальной, но составляетъ второстепенный моментъ, то государство удовлетворяетъ ее согласно тѣмъ же частно-хозяйственнымъ принципамъ, что и индивидъ: отсюда частно-хозяйственные доходы государства. Если данная потребность „индивидуально-коллективная“, она удовлетворяется государствомъ съ помощью общественныхъ учреждений (öffentliche Anstalten); средства для этого доставляютъ пошлины; чисто коллективныя потребности удовлетворяются съ помощью налоговъ... и „каждый хозяйственный субъектъ „экономически желаетъ“ (?) дать государству сумму, соответствующую ощущаемой имъ потребности (коллективной). Но спрашивается, можемъ ли мы указать точную границу между коллективной и индивидуальной потребностью? Каждая индивидуальная потребность можетъ быть коллективной, если такъ важна, что общество беретъ ее осуществленіе въ свои руки. Законъ опредѣляетъ границы государственнаго хозяйства коллективной потребностью, а на вопросъ, какія потребности коллективны, долженъ будетъ отвѣтить: всѣ тѣ, которыя удовлетворяются государствомъ. Т. о. его теорія не объясняетъ явленій, а годна только для классификаціи ихъ. Зато въ ней мы замѣчаемъ двѣ тенденціи, которыя лучше разъясняютъ „смыслъ“ ея, чѣмъ всякія „теоретическія основанія“: 1) стремленіе оградить область индивидуальной дѣятельности отъ поглощенія государствомъ, поставить государству и общинѣ извѣстныя границы; 2) попытку найти абсолютныя основанія для практическихъ требованій, выставленныхъ современной жизнью (прогрессіи подоходнаго налога)... Первая тенденція объясняется опасеніемъ буржуазныхъ классовъ, что государство и община постепенно захватятъ въ свои руки всѣ

отрасли хозяйства. Вотъ основная причина успѣха теоріи Закса въ Австріи и Италіи (Салерно, Граціани). Подобная же индивидуалистическая тенденція еще рѣзче выступаетъ у датскихъ экономистовъ, представителей математическаго направленія, затѣмъ у Wicksell'я, Мейера и друг. Общіе признаки всѣхъ указанныхъ теорій—1) абсолютный характеръ ихъ и 2) бессознательная этическая тенденція, вкраившаяся въ ихъ абстрактныя формулы.

Другая теорія—біологическая—отразилась въ сочиненіяхъ Шеффле. Я не буду подробно останавливаться на разборѣ органической школы, приведу лишь вкратцѣ главные доводы противъ нея. Органическая школа проводитъ аналогію между фізіологическимъ организмомъ и обществомъ. Ея заслуга въ томъ, что она указала зависимость индивида отъ жизни общества; но и только: далѣе эта аналогія безполезна. Всякая аналогія можетъ преслѣдовать двѣ цѣли: 1) болѣе ясное изображеніе того, что намъ уже извѣстно (дидактическая цѣль), или 2) облегченіе открытія новыхъ фактовъ (эвристическая цѣль). Біологическая теорія оказываетъ только первую услугу; эвристическое значеніе ея ничтожно. Сравненіе съ фізіологическимъ организмомъ даетъ картину общества, а не опредѣленное понятіе. Физическій организмъ имѣетъ пространственное протяженіе и форму—общество ихъ не имѣетъ; а если вводитъ въ понятіе общества неодушевленные предметы (территорію, пути сообщенія), то нарушается цѣльность понятія общества, какъ совокупности психическихъ отношеній. Органическая теорія лишь усложнила понятіе общества и не дала метода для открытія соціальныхъ законовъ.

Примѣняя органическую концепцію общества къ финансовой наукѣ, Шеффле называетъ государство и другіе публично-правовые союзы центральными органами общества; дѣятельность общества, какъ и всякаго организма, можетъ быть 1) совершенно независимой отъ центральныхъ органовъ (рефлекторной), 2) подлежать лишь контролю и

БИБЛИОТЕКА КАЗИНЕТА
 ФИНАНСОВОГО МИНИСТЕРСТВА И. Д. Д. Б. УНИВ.

вліяню центральнихъ органвъ или 3) всецѣло зависѣть отъ нихъ. Послѣдняя область требуетъ непосредственнаго воздѣйствія государства на частное хозяйство и налоговъ, какъ источника доходовъ; первому и второму роду „движеній общественнаго организма“ соотвѣтствуютъ частно-хозяйственные доходы и пошлины. Къ чему, спрашивается, эта аналогія? Она не выясняетъ намъ различія между отдѣльными категоріями, не даетъ критерія разграниченія. Такъ же бесплодны и другія попытки примѣненія „органической“ концепціи общества къ финансовымъ явленіямъ.

Несравненно бѣльшее эвристическое значеніе имѣеть третья теорія—„соціологическая“. Въ отличіе отъ „біологической“ теоріи, берушей въ качествѣ основанія изученія все общество, и „физикальной“, исходящей изъ индивида, соціологическая теорія считаетъ основнымъ элементомъ соціальную группу или классъ. Общность профессіи и другія общественныя группировки обладаютъ рядомъ вполне реальныхъ признаковъ, налагають на личность свой отпечатокъ, создаютъ часто общія психическія черты ¹⁾. Опредѣлить эти общія черты и интересы, выяснить типъ класса—первая задача соціологическаго метода, затѣмъ необходимо выяснить типическія отношенія къ другимъ группамъ, т. е. законы соціальныхъ явленій. Однако, чисто индуктивнымъ путемъ обойтись нельзя — необходима абстракція, односторонняя гипотеза, изолированіе одного соціального мотива, если мы хотимъ разобраться въ сложныхъ отношеніяхъ современной соціальной жизни. Эту задачу довольно удачно разрѣшаетъ „соціальный матеріализмъ“, видящій въ борьбѣ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ основной мотивъ, опредѣляющій конкретныя соціальныя отношенія.

Борьба за существованіе господствуетъ не только въ мірѣ животныхъ, но и въ человѣческомъ обществѣ ²⁾. Положеніе

¹⁾ А по мнѣнію французскаго соціолога А. Вауера (Les classes sociales)—даже сходство фizioномій и др. физическихъ признаковъ.

²⁾ Дарвиновская теорія эволюціи оказала такое же вліяніе на соціологическую теорію, какъ и этнографическія изслѣдованія о первобытныхъ племенахъ и ихъ бытѣ.

Гоббса „homo homini lupus est“ объясняет не только происхождение государства, но и современные отношения (Вундт). В сущности это тот же мотив эгоизма, который составлял основную исходную посылку классической экономии и австрийской школы, но он перенесен с индивида на группу; подобно тому, как в животном мире ведется борьба между животными видами, так в истории человечества борются общественные группы.

Понятие „общественная группа“, как наиболее общее, охватывает группировки по самым разнообразным признакам; борьба интересов может вызываться различными мотивами: расовыми, национальными, религиозными, экономическими. В разные исторические эпохи преобладали то тот, то другой мотив. Принимая общее понятие „группы“, а не класса в качестве объекта исследования, социологический метод одинаково приложим к теории расовой борьбы (нпр., Гумпловича) и к той теории, которая выдвигает на первый план экономический момент и объясняет историческую эволюцию борьбой классовых интересов. Однако несомненно, что последняя теория—экономического материализма—оказала наибольшее влияние на развитие социологического метода, несмотря на свои первоначальные ошибки. Так называемое „материалистическое понимание истории“ в примитивном смысле, в котором оно встречается в Коммунистическом манифесте, „царит нынче только в головах дилетантов“. Основываясь на метафизическом монизме и считая „производственные условия“ единственной причиной остальных социальных отношений, желая все объяснить с помощью экономики, эта теория страдала описанным выше стремлением некоторых односторонних теорий втиснуть изучаемую действительность в прокрустово ложе доктрины; с этой целью расширяли понятие „экономического“ до неузнаваемости, или все необъяснимое признавали не имеющим значения, или все факторы, кроме экономического, называли условиями, в отличие от экономических причин социальных явлений, словно есть различие по существу между условием и причиной... Социо-

логическая теорія далека отъ столь устарѣлыхъ воззрѣній: она вовсе не исходитъ изъ предположенія, будто всѣ культурныя явленія могутъ быть выведены изъ соотношенія матеріальныхъ интересовъ, какъ ихъ продуктъ или функція; тѣмъ не менѣе преобладаніе экономическихъ интересовъ надъ прочими, наблюдаемое въ современной жизни, побуждаетъ къ анализу социальныхъ явленій преимущественно съ точки зрѣнія ихъ экономической обусловленности и значенія: при осторожномъ, чуждомъ догматизма примѣненіи эта (односторонняя конечно) концепція является наиболѣе плодотворной для объясненія конкретныхъ явленій. „Социальный матеріализмъ ¹⁾), говоритъ Лабріола, представляетъ собой не міросозерцаніе, а просто особый методъ изученія общественной жизни“.

Заслуга этого метода, по авторитетному мнѣнію Вундта, заключается въ признаніи борьбы интересовъ, какъ психологическаго фундамента всякой социологіи и политики. Правда, при этомъ оставляются безъ вниманія другіе мотивы общественной дѣятельности и моментъ общественной организаціи. Но въ самомъ методѣ заключается условіе, позволяющее исправить постепенно эту односторонность: признавая общественную группу объектомъ изученія, этимъ самымъ придаютъ значеніе чувству солидарности между ея членами, которое можетъ распространиться и на все общество съ уменьшеніемъ социальной дифференціаціи.

Мы приходимъ т. о. къ выводу, что изъ трехъ указанныхъ Вундтомъ методовъ изученія социальныхъ явленій наиболѣе продуктивнымъ и цѣлесообразнымъ слѣдуетъ признать социологическій, разсматривающій социальные явленія, какъ продуктъ борьбы общественныхъ группъ на почвѣ матеріальныхъ интересовъ.

И въ финансовой наукѣ онъ далъ положительные результаты.

¹⁾ Терминъ „матеріализмъ“ не долженъ вводить въ заблужденіе: онъ означаетъ только признаніе господства матеріальныхъ (экономическихъ) интересовъ и не имѣетъ ничего общаго съ метафизическимъ матеріализмомъ.

Зачатки его мы встрѣчаемъ уже въ работахъ Родбертуса о римскомъ „трибутѣ“, гдѣ экономическія условія выдвигаются въ качествѣ основанія финансовой организаціи, у Ад. Вагнера въ его исторіи налоговъ, у Янжула и др.

Борьбу классовъ выдвинулъ итальянскій экономистъ Лоріа, доведшій, однако, указанную точку зрѣнія до абсурда въ своемъ стремленіи объяснить всѣ финансовыя явленія, вплоть до прогрессивнаго подоходнаго налога, интересами господствующаго класса капиталистовъ. Селигманъ признаетъ (Essay in Taxation) роль экономическихъ условій и эгоистическихъ интересовъ въ развитіи податныхъ системъ, но онъ не проводитъ послѣдовательно этого взгляда. Крупная заслуга проф. Озерова передъ финансовой наукой заключается именно въ послѣдовательномъ примѣненіи соціологической точки зрѣнія къ объясненію эволюціи подоходнаго налога¹⁾. Озеровъ далъ методъ и создалъ этимъ школу.

Примѣняя этотъ методъ къ изученію какой-либо области финансовыхъ явленій, мы должны начинать съ современнаго законодательства, изучить прошлыя формы и причины, вызвавшія перемѣну; затѣмъ мы разсматриваемъ технику даннаго финансоваго института и фактическое примѣненіе его, часто не вполне совпадающее съ законодательной нормой (въ практическомъ осуществленіи многія финансовыя формы подвергаются значительнымъ измѣненіямъ въ силу уклоненія населенія отъ исполненія закона, дефектовъ организаціи и т. п.). Существеннымъ объектомъ изслѣдованія должно быть выясненіе вліянія данной финансовой формы на экономическую жизнь страны, отдѣльныхъ мѣстностей, различныхъ классовъ населенія; оно даетъ возможность опредѣлить связанные съ ней интересы различныхъ общественныхъ группъ, а слѣдовательно и отношеніе ихъ къ данному финансовому институту и сдѣлать прогнозъ дальнѣйшей эволюціи; полученные такимъ дедуктивнымъ путемъ выводы провѣряются и исправляются на основаніи обильнаго въ современныхъ культурныхъ странахъ фактическаго матеріа-

¹⁾ Подробнѣе см. вышеупомянутую статью проф. Климентова.

ла, отражающаго интересы и чаянія различныхъ общественныхъ слоевъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ парламентскіе матеріалы: протоколы засѣданій палатъ, комиссій, доклады, отчеты; однако нельзя довольствоваться этимъ источникомъ: во-первыхъ, онъ не всегда точно выражаетъ реальные интересы и желанія говорящихъ—часто партіи и отдѣльные ораторы считаютъ нужнымъ скрывать дѣйствительные мотивы своего поведенія; во-вторыхъ, законодательныя собранія даже въ странахъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ не представляютъ всего населенія, тѣмъ менѣе при ограниченномъ избирательномъ правѣ, оставляющемъ за бортомъ массы неимущихъ; лишенныя представительства массы оказываютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторое вліяніе на финансовое законодательство путемъ ли пассивнаго сопротивленія или иныхъ болѣе активныхъ проявленій¹⁾. По указаннымъ причинамъ слѣдуетъ дополнять парламентскій матеріалъ другими источниками: газетными статьями разныхъ направленій, политическими памфлетами, листовками, воззваніями, программами и протоколами съѣздовъ разныхъ политическихъ партій и экономическихъ организацій и т. д. Сырой матеріалъ современныхъ финансовыхъ изслѣдованій, положительно, необъятенъ, задача значительно усложняется по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, когда признавалось достаточнымъ изученіе законодательства. Для полноты анализа и установленія общихъ тенденцій финансовой эволюціи съ цѣлью прогноза нельзя ограничиться одной страной—необходимо историко-сравнительное изученіе финансовъ разныхъ странъ въ исторически сходныя эпохи. Исторія и статистика становятся основными элементами финансовой науки.

Таковы основныя черты методологіи финансовой науки, стремящейся поставить на мѣсто произвольныхъ построеній съ одной стороны и пассивнаго описанія съ другой стороны активно-познавательный процессъ раскрытія „законовъ“ финансовой жизни и посильнаго прогноза будущей эволюціи.

¹⁾ См. у. Озерова въ исторіи подоходнаго налога въ Англій.

Глава 3.

Принципы обложения.

Съ тѣхъ поръ, какъ налоги заняли въ бюджетахъ всѣхъ государствъ господствующее положеніе, ученіе о налогахъ стало центральнымъ отдѣломъ финансовой науки; въ Англии, гдѣ прочіе источники играютъ ничтожную роль, классическая экономія отдавала налогамъ исключительное вниманіе, но она разсматривала ихъ главнымъ образомъ съ экономической точки зрѣнія, изучая вліяніе каждаго отдѣльнаго налога на обмѣнъ, производство и распредѣленіе народнаго дохода. Въ германской литературѣ, по мѣрѣ выдѣленія финансовой науки въ самостоятельную отрасль знанія, создается общая теорія налоговъ, которая съ теченіемъ времени значительно разрастается, особенно въ быстро расплодившихся курсахъ финансовой науки. Но наука врядъ ли выиграла отъ этого расширенія: вмѣсто экономическихъ вопросовъ о переложеніи, о вліяніи налоговъ на производство и т. п., вмѣсто изученія техники взиманія или оцѣнки, предметомъ вниманія стали принципы обложения.

Четыре правила А. Смита, формулированныя имъ на протяженіи одной странички, значительно умножились подъ вліяніемъ германской *Gründlichkeit*. А. Вагнеръ насчитываетъ уже девять принциповъ и дѣлитъ ихъ на четыре категоріи.

I—финансово-политическіе пр.: достаточность и подвижность;

II—народно-хозяйственные: выборъ надлежащаго источника и объекта (учетъ момента переложенія);

III—пр. справедливости: всеобщность и равномерность;

IV—пр. податного управления: опредѣленность, удобство и дешевизна.

Въ противоположность многимъ другимъ нѣмецкимъ писателямъ, Вагнеръ ставитъ достаточность и эластичность (подвижность) на первый планъ, полагая, что въ случаѣ коллизіи имъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ принципами справедливости¹⁾. По нашему мнѣнію, не наукѣ рѣшать, какіе принципы „важнѣ“; но „справедливость“ налоговъ находится внѣ предѣловъ ея компетенціи, тогда какъ оцѣнка налоговъ съ точки зрѣнія эластичности и вѣроятныхъ поступлений можетъ служить предметомъ ея объективнаго анализа. Геккель же объединяетъ первую и четвертую группу вагнеровскихъ принциповъ въ одну категорію „финансовыхъ“ пр. (терминъ, ничего не говорящій: слѣдовало бы назвать ихъ финансово-техническими); къ пр. всеобщности и равномерности онъ присоединяетъ „законность“ обложения и порядка взиманія ихъ.

Какъ финансово-техническіе принципы, такъ и народно-хозяйственные (выборъ надлежащаго объекта и источника) можно обнять однимъ словомъ: это—правила цѣлесообразности, „имѣющія характеръ аксіомъ“. Какъ бы ни расходились интересы и взгляды различныхъ общественныхъ группъ въ распредѣленіи податного бремени, какъ бы интенсивно ни велась борьба, эти принципы сохраняютъ для всѣхъ группъ и для всякаго правительства свое значеніе. Могутъ быть разногласія насчетъ ихъ сравнительнаго вѣса: правительство будетъ заботиться прежде всего о достаточности, эластичности и дешевизнѣ, подданные—объ удобствахъ взиманія и объ охранѣ экономическихъ интересовъ; но всѣ сходятся на признаніи цѣлесообразности указанныхъ принциповъ и одинаково понимаютъ ихъ конкретное содержаніе. То же можно сказать о принципѣ законности и опредѣленности податныхъ нормъ. Но можетъ быть именно потому, что

¹⁾ Finanzwissenschaft II, s. 304 u. f.

²⁾ Lehrb. d. Finanzw. I, s. 136 u. f.

указанные принципы не вызывали разногласій, ихъ детальная разработка не обращала на себя вниманія; особенно слабо разработаны были вопросы переложенія и экономического вліянія налоговъ. И наоборотъ, центральнымъ вопросомъ въ общей теоріи налоговъ сталъ совершенно бесплодный споръ о равномѣрности и основахъ справедливаго распредѣленія налоговъ. „Принципы справедливости“—всеобщность и равномѣрность заслонили собой прочіе вопросы общей теоріи налоговъ. Борьба за подоходный налогъ и за прогрессію его ставокъ послужила главнымъ стимуломъ „теоретическихъ“ споровъ, на почвѣ обоснованія прогрессивности или пропорціональности налога возникали десятки теорій.

Въ основу справедливаго обложенія сначала пытались положить понятіе платежеспособности. Первая „максима“ А. Смита гласила: „подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый по возможности сообразно своей относительной платежеспособности (respective abilities), т. е. соразмѣрно доходу, которымъ онъ пользуется подъ покровительствомъ правительства“... Повидимому, Смитъ отождествлялъ платежеспособность съ доходомъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ послѣдній наиболѣе точнымъ ея критеріемъ.

Формула Смита была признана недостаточной: по мѣрѣ того, какъ подушные и классные налоги обнаруживали свою обременительность и неэластичность, а косвенные налоги стали удобнымъ способомъ обложенія народныхъ массъ, въ финансовой литературѣ и практикѣ получила признаніе мысль объ освобожденіи мелкихъ доходовъ отъ прямого обложенія (Existenzminimum); развитіе подоходнаго налога и борьба интересовъ на его почвѣ потребовали дальнѣйшихъ поправокъ къ формулѣ обложенія по доходу; понятіе „платежеспособности“ было слишкомъ неопредѣленнымъ: ясно было, что оно не совпадаетъ съ доходомъ. Лично — подоходный налогъ требовалъ болѣе гибкаго, болѣе индивидуализирующаго критерія для опредѣленія его окладовъ.

Въ дополненіе и разъясненіе теоріи платежеспособности явилась теорія равенства жертвы: „равенство налоговъ,

писалъ ея родоначальникъ Дж. Ст. Милль, какъ политическій принципъ, значить то же самое, что равенство пожертвованій; оно означаетъ такое соразмѣреніе суммы, платимой каждымъ на правительственные расходы, чтобы онъ испытывалъ отъ своей доли платежа ни больше, ни меньше неудобства, чѣмъ всякое другое лицо отъ своего платежа (Осн. пол. эк. кн. V, гл. 2). Практическіе выводы изъ принципа равенства жертвы были разнообразны: Милль допускалъ лишь вычетъ Existenzminimum'a, но обрушивался на прогрессію въ обложеніи, другіе, исходя изъ того же принципа, строили на немъ требованіе прогрессіи или точнѣе дегрессіи: представители теоріи предѣльной полезности исходили изъ положенія, что каждый налогъ, сокращая удовлетвореніе потребностей, повышаетъ ихъ интенсивность и причиняетъ страданія, но лица съ небольшими доходами, лишаясь удовлетворенія настоятельныхъ потребностей, испытываютъ сравнительно большія страданія, чѣмъ богатые, которые лишаются изъ-за налога второстепенныхъ благъ — удовольствій, предметовъ роскоши и т. д. Для того, чтобы уравновѣсить жертвы плательщиковъ, необходимо взимать съ крупныхъ доходовъ относительно большую долю, чѣмъ съ мелкихъ. Ту же мысль, высказанную многими ¹⁾ еще ранѣе теоретиковъ предѣльной полезности, пытались выразить въ цифрахъ представители математическаго направленія (голландская школа); однако, какъ показалъ Cohen-Stuart, всѣ ихъ вычисленія построены на произвольныхъ предпосылкахъ: взявъ иной коэффициентъ паденія предѣльной полезности дохода, онъ пришелъ къ пропорціональному и даже къ регрессивному налогу; прогрессивность налога вовсе не является неперемѣннымъ логическимъ выводомъ изъ паденія предѣльной полезности съ ростомъ дохода и принципа равенства жертвъ ²⁾. Къ тому же равенство жертвъ „слѣдуетъ понимать“ не въ смыслѣ равной

¹⁾ Такъ наримѣръ, Fr. Neumann. D. progressive Einkommensteuer. 1874, s. 100, и мн. др. еще раньше.

²⁾ См. E. Seligman. The progressive taxation in theory and practice. 2-d part., ch. III.

интенсивности удовлетворяемых по уплатѣ налога потребностей (для этого пришлось бы уравнивать доходы всѣхъ плательщиковъ)¹⁾, а въ смыслѣ одинаковости, „относительной пропорціональности“ жертвъ и вызываемыхъ ими страданій²⁾.

Такимъ образомъ теорія платежеспособности и равенства жертвъ приводятъ однихъ писателей къ требованію пропорціональнаго обложенія, другихъ — къ прогрессіи; такъ же разнообразны выводы тѣхъ теоретиковъ, которые исходятъ изъ представленія о налогѣ, какъ вознагражденіи за услуги государства (см. Seligman о. с. 2d p., ch. II): практическіе выводы опредѣляются соціально-политическими воззрѣніями и интересами авторовъ, а различныя теоріи, на которыхъ эти выводы формально базируются, представляютъ лишь виѣшнюю оболочку, одежду, въ которую облекается реальное содержаніе. Исходныя соціально-этическія посылки, опредѣляющія это содержаніе, зависятъ отъ множества факторовъ, обусловливающихъ индивидуальное міросозерцаніе. Отсюда субъективизмъ и научная бесплодность всѣхъ теорій, пытающихся обосновать „справедливое“ обложеніе и формулировать его принципы. Всякая система налоговъ опредѣляется той или иной констелляціей интересовъ, тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ существующему экономическому строю—въ этомъ правъ А. Вагнеръ,—нейтралитета въ финансовой политикѣ нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ. Нейтральной должна быть лишь наука въ своемъ отношеніи къ распредѣленію податнаго бремени.

Должна ли однако наука въ силу указаннаго нейтралитета отказаться отъ всякихъ указаній въ области распредѣленія налоговъ, отъ всякихъ попытокъ оцѣнки и раціонализаціи податныхъ системъ? Такой крайній агностицизмъ былъ бы, по нашему мнѣнію, ошибочнымъ: поскольку исход-

¹⁾ На этомъ настаивалъ R. Meyer въ Principien der gerechten Besteuerung, но не точно сформулировалъ свою мысль, что подало поводъ къ возраженіямъ Селигмана (о. с. ib.).

²⁾ Эта точная формулировка — like sacrifice—принадлежитъ Edgeworth'у въ ст. The pure theory of taxation in The economic journal. V. VII. (1897).

ныя посылки финансиста не сталкиваются съ разнородностью и борьбой общественныхъ интересовъ, поскольку имъ обезпечена общепризнанность, постольку и практическіе выводы его объективны, слѣдовательно, научны.

Попытки формулировать объективно-научныя основанія для построенія податной системы довольно многочисленны, но не всѣ онѣ удачны. Такъ напр., популярная въ Австріи и Италіи „экономическая“ теорія Закса ¹⁾ основана на дѣленіи потребностей человѣка на индивидуальныя и коллективныя; сумма, которую каждый плательщикъ „готовъ“ уплатить государству въ формѣ налоговъ, соотвѣтствуетъ интенсивности его коллективныхъ потребностей и предѣльной полезности затрачиваемой на нихъ доли дохода; въ виду паденія предѣльной полезности съ ростомъ дохода авторъ приходитъ къ требованію прогрессіи и т. д. Какъ видимъ, теорія эта, которую авторъ ея считалъ замѣчательнымъ открытіемъ, ничего новаго и оригинальнаго не представляетъ сравнительно съ тѣмъ, что было высказано раньше его Р. Мейеромъ ²⁾. Что касается до „коллективныхъ потребностей“ индивида, выяснить предѣль ихъ невозможно: не говоря объ индивидуальныхъ особенностяхъ отдѣльныхъ плательщиковъ, субъективныя оцѣнки не могутъ быть положены въ основу фиксированнаго закономъ распредѣленія; въ конечномъ счетѣ коллективными потребностями приходится признать тѣ, которыя удовлетворяются въ данной странѣ и въ данное время государствомъ — получается бесплодная формула, „чисто словесное обобщеніе“ ³⁾.

Объективные принципы обложенія слѣдуетъ искать не въ глубинахъ индивидуальной психики и цѣнностей сужденіяхъ отдѣльныхъ лицъ, а въ осязаемыхъ фактахъ общественной жизни, народнаго хозяйства. Принципы технической цѣлесообразности должны покоиться на реалистическомъ пониманіи налоговъ. Съ этой реалистической точки

¹⁾ E. Sax, Grundl. d. theoret. Staatswirtschaft 1887, § 81—2.

²⁾ См. также E. Seligman, o. c. (trad. fr.), p. 228 и Wagner.

³⁾ См. Гл. I и Barone Studi di economia finanziaria. 1912, p. 9.

зрѣнія налогъ есть прежде всего бремя, и, какъ всякое бремя, вызываетъ сопротивленіе.

Степень сопротивленія опредѣляется: 1) силой тѣхъ общественныхъ группъ, на которыхъ бремя падаетъ, 2) обременительностью налога, т. е. степени причиняемыхъ имъ лишений и экономическихъ невыгодъ.

Тяжелое бремя можетъ вызвать и въ политически слабой общественной группѣ сильную (пассивную) реакцію въ формѣ обходовъ закона, контрабанды, эмиграціи или активный революціонный протестъ.

Задача политика заключается въ отысканіи равнодѣйствующей общественныхъ силъ, въ лавированіи между различными вліяніями, а технико-финансовая задача, которая только и можетъ быть предметомъ научнаго сужденія, состоитъ въ полученіи данной суммы поступленийъ при наименьшемъ экономическомъ сопротивленіи, при условіи наименьшей обременительности для народнаго хозяйства въ его цѣломъ, при наименьшей суммѣ жертвъ (Edgeworth). Какъ и всякая техническая задача, она представляетъ частное примѣненіе „экономическаго“ принципа.

Эджуорсъ совершенно правъ, выдвигая на первый планъ бенгамовскій принципъ наименьшей суммы жертвъ для всѣхъ и противопоставляя его миллевекому принципу равенства жертвы. Нужно замѣтить, что и требованіе возможной равномерности налоговъ отчасти заключается въ этой общей задачѣ (отысканія системы, вызывающей *ceteris paribus* наименьшее сопротивленіе).

Мы можемъ сравнить податное бремя съ грузомъ, который взваливаетъ на свою спину носильщикъ: онъ долженъ „приспособить“ грузъ, такъ распредѣлить его между различными мускулами спины, чтобы чувствовать меньшую тяжесть; благодаря умѣлому распредѣленію опытный носильщикъ можетъ поднять большую тяжесть, чѣмъ одинаково сильный неопытный человекъ. Такъ и податныя системы: рѣзкая неравномерность налоговъ б. ч. отрицательно отражается на поступленіяхъ, вредитъ эластичности обложенія, вызывая сильное сопротивленіе, повышаетъ издержки взиманія.

Милль совершенно правильно замѣчаетъ: если кто-нибудь несетъ меньшую долю бремени, чѣмъ приходилось бы (при равенствѣ жертвъ), то другой кто-либо долженъ терпѣть большее бремя, чѣмъ слѣдовало бы ему, а облегченіе перваго *ceteris paribus* не приноситъ ему столько пользы, сколько зла причиняетъ второму излишнее обремененіе (ib). Т. о. неравномѣрность налоговъ увеличиваетъ общую сумму жертвъ (страданій) и усиливаетъ сопротивленіе. Вотъ причина, по которой отмѣнялись въ опредѣленные моменты исторіи, при опредѣленныхъ экономическихъ условіяхъ „несправедливые“ подушные сборы, налоги на помоль и убой и т. п.

Но, выдвигая принципъ наименьшей жертвы, мы имѣемъ въ виду не каждаго отдѣльнаго плательщика и не арифметическое суммирование жертвъ всѣхъ ихъ, а совокупное бремя падающее на общество, на народное хозяйство въ его цѣломъ. Въдѣ и приспособленіе груза носильщикомъ заключается не въ минимальномъ давленіи на каждый мускулъ, а въ наименьшемъ давленіи на всю систему мускуловъ спины, выражающемся въ опредѣленномъ ощущеніи (тягости) всего организма.

Народное хозяйство каждой страны представляетъ сложный организмъ, всѣ части котораго находятся въ тѣсной взаимной связи и зависятъ отъ существованія цѣлаго. Оно составляетъ основу финансоваго благополучія; интересы этого цѣлаго должна имѣть прежде всего въ виду податная политика; въ этомъ пунктѣ сходятся интересы всѣхъ общественныхъ группъ.

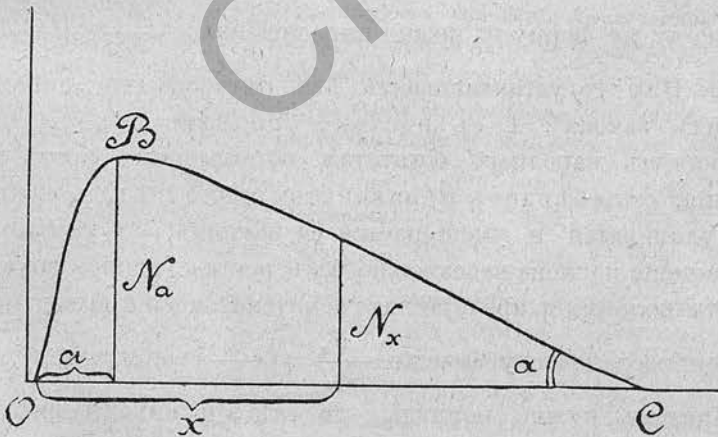
Народное хозяйство, какъ всякій организмъ, развивается, прогрессируетъ или регрессируетъ; б. ч. оно прогрессируетъ: населеніе почти всѣхъ странъ растетъ, увеличивается сумма капиталовъ и прочихъ благъ, измѣняется уровень доходовъ. „Статическое общество—фикція; всѣ намъ извѣстныя общества—динамическія“¹⁾: въ нихъ занимаютъ подѣ обработку новыя земли, дѣлаются открытія и изобрѣтенія, улучшаются способы производства, растутъ предприятия и ихъ размѣры, измѣняется сумма народнаго богатства.

¹⁾ См. Clark *The distribution of wealth* и *Essentials of economics*.

Въ ростѣ народнаго богатства заинтересованы рабочіе и капиталисты, землевладѣльцы и промышленники. Правда, можно возразить, что ростъ народнаго богатства въ цѣломъ можетъ сопровождаться пролетаризаціей массъ, ухудшеніемъ экономическаго положенія рабочаго класса, что, слѣдовательно, возможное увеличеніе суммы богатствъ въ странѣ представляется общепризнаннымъ требованіемъ лишь при условіи „правильнаго“ распредѣленія.

Однако современная статистика обнаруживаетъ параллелизмъ въ ростѣ суммы богатства и уровня благосостоянія низшихъ классовъ; то же говоритъ намъ сравненіе богатыхъ и бѣдныхъ странъ. Это положеніе было оригинально обосновано извѣстнымъ экономистомъ Парето и его италіанскимъ послѣдователемъ Бардоне, съ теоріей которыхъ нелишне познакомиться.

Парето, изучая динамику доходовъ, поставилъ себѣ цѣлью выясненіе двухъ вопросовъ: 1) каково численное соотношеніе между группами лицъ съ различными (размѣрами) уровнями дохода; 2) какъ измѣняется это число съ измѣненіемъ средняго дохода, т. е. съ увеличеніемъ общаго благосостоянія, общей суммы народнаго дохода?

Данныя статистики доходовъ въ разныхъ странахъ Европы показываютъ, что кривая числа доходовъ различнаго уровня (*ОBC*) быстро поднимается отъ доходовъ, крайне низкихъ

(которыми можно пренебречь) къ нѣкоторой величинѣ a , которую можно принять за минимальный доходъ: группа лицъ съ уровнемъ дохода a во всѣхъ странахъ наиболѣе многочисленна (N_a); чѣмъ больше уровень дохода, тѣмъ меньше число лицъ, получающихъ его: кривая OBC постепенно падаетъ отъ B къ C . Степень наклона ея (convergenza), выражаемая величиной угла α , обусловлена соотношеніемъ между числомъ бѣдныхъ и богатыхъ лицъ въ данномъ обществѣ: если число лицъ съ небольшими и средними доходами велико, то кривая BC падаетъ отлого, а уголъ α уменьшается, при болѣе рѣзкомъ неравенствѣ состояній паденіе кривой происходитъ круто, и уголъ α великъ. Произведенныя Pareto вычисленія, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, привели его къ слѣд. выводамъ: въ современныхъ европейскихъ государствахъ величина α всегда больше 1 и сравнительно рѣдко превышаетъ $1\frac{1}{2}$; соотношеніе между численностью группъ съ различными уровнями дохода можно выразить формулой $\frac{N_x}{N_a} = \left(\frac{a}{x}\right)^\alpha$, гдѣ N_x означаетъ число лицъ съ доходомъ X , превышающимъ въ n разъ минимальный доходъ a , α означаетъ степень наклона кривой; $x = a \cdot n$; слѣдовательно ту же формулу можно выразить иначе $\frac{N_x}{N_a} = \left(\frac{1}{n}\right)^\alpha$.

Далѣе Парето устанавливаетъ два интересныхъ „динамическихъ закона“: 1) съ ростомъ средняго дохода, т. е. съ ростомъ народнаго богатства, обгоняющимъ ростъ населенія, ослабѣваетъ неравенство доходовъ, т. е. кривая удлиняется и уменьшается ея наклонъ; 2) указанное сокращеніе наклона невозможно безъ роста средняго дохода.

Эти положенія представляютъ математическій выводъ изъ вышеприведеннаго уравненія $\frac{N_x}{N_a} = \left(\frac{a}{x}\right)^\alpha$ при $\alpha < 1\frac{1}{2}$.

Притомъ нужно помнить, что всѣ эти выводы имѣютъ эмпирический индуктивный характеръ: они примѣнимы лишь къ даннымъ условіямъ времени и мѣста, къ современнымъ экономическимъ отношеніямъ европейскихъ государствъ. Парето вычислилъ величину α изъ статистики подоходнаго

налога за разные годы въ Англии, Пруссіи и Саксоніи и обнаружилъ вездѣ сокращеніе величины α съ теченіемъ времени, иначе говоря, усиленіе относительной численности низшихъ и среднихъ доходовъ ¹⁾.

Итакъ, согласно Парето и Бароне въ современныхъ условіяхъ экономическаго развитія европейскихъ государствъ ростъ средняго дохода, т. е. суммы народнаго богатства, совпадаетъ съ улучшеніемъ благосостоянія низшихъ классовъ и, слѣд., не противорѣчитъ интересамъ рабочаго класса; объ остальныхъ классахъ и говорить нечего: рента съ ростомъ нар. богатства повышается и сумма прибыли растетъ, хотя уровень ея иногда и падаетъ.

¹⁾ Бароне примѣнилъ тотъ же методъ къ изученію суммъ доходовъ (*ammontare dei redditi*), приходящихся на долю различныхъ группъ населенія: обозначивъ сумму доходовъ, превышающихъ минимальный доходъ въ n разъ, черезъ R_n , онъ приходитъ къ формулѣ, аналогичной предыдущей: $R_n = \left(\frac{1}{n}\right)^\beta$, гдѣ $\beta = \alpha - 1$, т. к. $R_n = N_n \cdot n \cdot o = \left(\frac{1}{n}\right)^\alpha \cdot n = \left(\frac{1}{n}\right)^{\alpha-1}$.

Взявъ пять примѣровъ распредѣленія доходовъ изъ *Essai sur la répartition des richesses* Leroy - Beaulieu, авторъ сравниваетъ дѣйствительныя цифры съ вычисленными на основаніи приведенной формулы и обнаруживаетъ значительное совпаденіе ихъ. Т. напр., по статистическимъ даннымъ Пруссіи за 85-ый годъ сумма доходовъ (R_n) лицъ съ доходомъ въ 3,93 раза (n) выше минимальнаго составляла, согласно вычисленіямъ, 0,37 суммы минимальныхъ доходовъ, а въ дѣйствитель-

ности 0,38; при	$n = 11,43$	$= 40$	$= 200$
вычисленный R_n составлялъ	0,17	0,07	0,02
а статистическій	0,18	0,08	0,02

Итакъ, формула оправдывается эмпирически. Выводы, къ которымъ авторъ приходитъ на основаніи этой формулы, аналогичны тѣмъ, къ которымъ пришелъ Парето относительно численности различныхъ доходныхъ группъ: 1) хотя кривая паденія суммъ доходовъ возрастающаго размѣра менѣе крута, чѣмъ кривая численности соответственныхъ группъ, но все-таки и она падаетъ; 2) съ увеличеніемъ средняго дохода т. е. съ ростомъ богатства, она становится болѣе отлогою; это значитъ, что доходъ болѣе равномерно распредѣляется между различными группами населенія.

Поэтому Бароне и выдвигаетъ въ качествѣ кардинальнаго объективнаго принципа при распредѣленіи податнаго бремени такъ наз. имъ „экономическій“ принципъ: наименѣе препятствовать развитію средняго дохода.

Ростъ средняго дохода зависитъ не только отъ роста сбереженій, но и отъ улучшенія производительныхъ свойствъ рабочаго путемъ повышенія ихъ культурнаго уровня, питанія и т. д.: народный капиталъ можно вкладывать въ рабочаго. Слѣдовательно, въ интересахъ развитія средняго дохода податная политика должна бережно относиться не только къ сбереженіямъ, но и къ *standard of life* рабочаго класса. Вообще ей приходится считаться главнымъ образомъ съ двумя моментами: степенью финансовой нужды („давленія“) и уровнемъ средняго дохода въ странѣ; въ странахъ съ низкимъ среднимъ доходомъ, гдѣ процентъ на капиталъ высокъ, желательно ввести прогрессию обложенія и щадить низшіе доходы, поскольку это допускаютъ фин. потребности государства; при высокомъ среднемъ уровнѣ дохода производительность рабочаго менѣе способна къ дальнѣйшему росту, а процентъ на капиталъ невысокъ; поэтому нѣтъ такой необходимости въ рѣзкой прогрессіи и въ *Existenz-minimum*'ѣ, но при незначительности госуд. расходовъ и податнаго бремени *Existenz-minimum* устанавливается на высокомъ уровнѣ. [„Реальные податныя системы, замѣчаетъ авторъ, часто отклоняются отъ указанныхъ требованій (съ точки зрѣнія развитія средняго дохода) вслѣдствіе существующаго въ данный моментъ соотношенія общественныхъ силъ: на первоначальной стадіи экономическаго развитія, когда средній доходъ низокъ, господство богатыхъ классовъ препятствуетъ перенесенію податнаго бремени на ихъ плечи, и наоборотъ, экономическій ростъ низшихъ классовъ сопровождается ихъ политическимъ усиленіемъ, вслѣдствіе чего бремя налоговъ переносится (? В. Т.) на высшіе доходы какъ разъ тогда, когда низшіе доходы могли бы легче нести бремя налоговъ. Эти финансовыя системы, — „аристократическая“ и демократическая, — преслѣдующія интересы опредѣленнаго класса, въ конечномъ счетѣ вредно

отражаются на интересахъ всѣхъ классовъ, т. к. противорѣчатъ „экономическому“ принципу и построенной на немъ „объективной“ финансовой теоріи распредѣленія налоговъ“].

Принципъ „увеличенія средняго дохода“, выдвигаемый Бароне, можно признать объективнымъ, надклассовымъ лозунгомъ, поскольку правильно положеніе, что ростъ средняго дохода совпадаетъ съ улучшеніемъ экон. положенія низшихъ классовъ. Но онъ недостаточно опредѣленъ: не ясны тѣ условія, при которыхъ та или иная податная система благоприятно или неблагоприятно отражается на „среднемъ доходѣ“.

Ростъ средняго дохода (на жителя) можетъ наблюдаться и при стаціонарномъ состояніи промышленной эволюціи, при „статическомъ“ или приближающемся къ означенному типу народномъ хозяйствѣ. Таково отчасти положеніе Франціи: стаціонарное населеніе, представляющее для національнаго будущаго этой страны самую грозную опасность — болѣе страшную, чѣмъ нынѣшняя война, — обусловливаетъ пониженный темпъ ея промышленнаго развитія; съ другой стороны оно позволяетъ населенію накапливать сбереженія, поѣмаемые б. ч. за границей (и, слѣд., бесполезныя для промышленности), увеличивая средній уровень дохода на жителя ¹⁾.

Но во всѣхъ остальныхъ странахъ населеніе растеть, и этотъ ростъ является основнымъ факторомъ историческаго развитія (Ковалевскій): имъ главнымъ образомъ вызываются внутреннія и внѣшнія миграціи, онъ создаетъ перенаселеніе сначала въ деревнѣ, затѣмъ въ городѣ, создавая арміи безработныхъ, онъ содѣйствовалъ развитію капитализма, росту городовъ и служить вѣчнымъ прессомъ, побуждающимъ къ экономическому прогрессу ²⁾.

Итакъ, въ странахъ съ растущимъ населеніемъ ростъ „средняго дохода“ предполагаетъ развитіе производительности и производительныхъ силъ.

¹⁾ См. Lysis, *L'oligarchie financière* (перев. на рус. яз.).

²⁾ Ростомъ населенія въ значительной мѣрѣ объясняются и международныя отношенія и, въ частности, нынѣшняя война.

Остановимся на этихъ понятіяхъ, возбуждающихъ въ экономической литературѣ немало недоразумѣній вслѣдствіе различнаго смысла, который имъ придаютъ. „Производительность, говоритъ проф. Филиповичъ въ своемъ извѣстномъ докладѣ на вѣнскомъ съѣздѣ Союза социальной политики (1909 г.), есть способность достигать вѣншихъ видимыхъ результатовъ, превышающихъ издержки производства“, причемъ результаты производства слѣдуетъ оцѣнивать не по ихъ мѣновой цѣнности, а по потребительной цѣнности, по вліянію ихъ на подъемъ благосостоянія ¹⁾. Филиповичъ противопоставляетъ двѣ точки зрѣнія—техническую и народно-хозяйственную: „мы можемъ разсматривать отдѣльные акты и факты производства съ точки зрѣнія ихъ непосредственной цѣли—увеличенія количества благъ, объектовъ, изучать производительность средствъ и методовъ производства, организациі труда и т. п.; но мы можемъ также разсматривать тѣ же процессы производства не изолированно, а въ связи съ другими—не производственными,—находящимися съ ними въ причинномъ соотношеніи“.

„Сюда относится все, что обусловливаетъ характеръ, размѣры и результаты технико-производственныхъ актовъ, не будучи частью самого производственного процесса“ (338), всѣ социальныя въ обширномъ смыслѣ факторы, включая оборотъ, обычаи, право. „Народнохозяйственной производительностью мы называемъ проявляемую народнымъ хозяйствомъ въ его цѣломъ способность создавать благосостояніе населенія“ (340). Различныя эпохи и различные народы вкладываютъ разное содержаніе въ понятіе „благосостояніе“ ²⁾, но существенныя условія развитія производства, или то, что называютъ „производительными силами“, въ общемъ одина-

¹⁾ ... Wo der durch Güterproduktion geschaffene Nutzen, die durch sie erreichte Lebensförderung die Lebensaufopferung übertrifft (33—6).—Verh. d. Ver. f. S.-P. 1909. B. 132. E. v. Philippovich, D. Wesen d. volksw. Produktivität u. die Möglichkeit ihrer Messung.

²⁾ Въ его оцѣнку привходятъ и этические моменты, изъ чего Филиповичъ неправильно заключаетъ о невозможности отрѣшиться отъ этическихъ оцѣнокъ въ экономической наукѣ.

ковы для всѣхъ странъ и эпохъ. Изъ нихъ Филиповичъ выдвигаетъ на первый планъ четыре: 1) работоспособность трудящихся, физическія, психическія и социальныя условія количества и интенсивности труда, 2) народное образованіе, въ частности техническое, открывающее новые методы производства и создающее новыя потребности, 3) торговлю и средства сообщенія и, наконецъ, 4) государство, воздѣйствующее на всѣ эти факторы.

Довольно характерно для нѣмецкаго экономиста включеніе въ число основныхъ условій производительности государства (далеко не всегда и не вездѣ содѣйствующаго промышленному развитію); зато опущено другое существенное условіе экономическаго прогресса—личная инициатива и творческой размахъ промышленныхъ дѣятелей, крупныхъ и мелкихъ: средневѣковые купцы, дѣятели Ганзы, смѣлые мореплаватели, открывавшіе цѣлыя страны, современные „короли индустріи“ и наряду съ ними масса мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, дѣятели коопераціи— всѣ, кто ищетъ новыхъ путей, кто совершенствуетъ технику, открываетъ рынки, оживляетъ деревню, будитъ новыя потребности— всѣ содѣйствуютъ въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ государство, экономическому прогрессу.

Необходимымъ условіемъ для развитія указанныхъ качествъ въ населеніи всегда была экономическая и политическая свобода—свобода передвиженія, занятій, союзовъ и пр. Этимъ *praeterea senso* неизбѣжно заканчиваются всѣ разсужденія о промышленномъ развитіи нашего отечества.

Вотъ тѣ „силы“ или условія, которыя обезпечиваютъ наибольшую производительность народнаго хозяйства, а послѣдняя, какъ мы видѣли, составляетъ въ странахъ съ растущимъ населеніемъ основную задачу экономической, а слѣд., и финансовой политики.

„Ростъ производительныхъ силъ, пишетъ П. Б. Струве¹⁾, есть какъ бы процессъ приспособленія къ тому положенію, которое создается ростомъ населенія“.

¹⁾ „Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи социальнаго развитія“ въ Сборн. статей, посв. В. О. Ключевскому 1909, стр. 472.

„Наиболѣе производительная система обеспечиваетъ наилучшее сохраненіе и воспроизведеніе жизни всего общества“ и, слѣд., „въ ея поддержаніи заинтересовано все населеніе безъ различія классовыхъ дѣленій“ — такова, въ сущности, бессознательная концепція экономической эволюціи и у Маркса, какъ справедливо доказываетъ Струве. И эта концепція, отождествляющая наибольшую производительность съ социальнымъ прогрессомъ, правильна не только для данной исторической эпохи, но для всѣхъ намъ извѣстныхъ историческихъ эпохъ (для первобытныхъ эпохъ въ еще болѣе мѣрѣ, чѣмъ для нынѣшней).

Глубоко правы поэтому англійскіе экономисты, выдвигающіе развитіе производительныхъ силъ въ качествѣ основного принципа податной политики: „при оцѣнкѣ экономическихъ результатовъ налога, говоритъ Маршалъ ¹⁾, мы должны учитывать интересы производства такъ же, какъ и распредѣленія, а иногда даже отдавать предпочтеніе первымъ“. [Нужно замѣтить только, что вопросъ о „предпочтеніи интересовъ распредѣленія или производства“ не можетъ быть предметомъ объективнаго научнаго обсужденія — научная оцѣнка той или иной податной системы касается только ея вліянія на производительность, предоставляя политикѣ дальнѣйшую оцѣнку съ точки зрѣнія распредѣленія]. Еще болѣе выдвигаетъ данный моментъ Эджуорсъ ²⁾: исходя изъ принципа „наименьшей суммы жертвъ для всѣхъ“, онъ требуетъ, чтобы податная система (приближаясь по возможности къ равенству жертвъ) наименѣе затрудняла увеличеніе нар. богатства, а слѣд., наименѣе препятствовала развитію производительныхъ силъ. Адамъ Смитъ, говоритъ онъ, требовалъ, чтобы налоги были продуктивны въ фискальномъ смыслѣ; но необходимымъ условіемъ продуктивности въ этомъ смыслѣ (т. е. достаточности, эластичности и дешевизны. В. Т.) является... производительность съ точки зрѣнія народнаго хозяйства: финансовая система

¹⁾ въ Memorandum'ѣ, представл. комиссіи о мѣстномъ облож. 1899 г. и въ Principles. I. VI, ch XIV.

²⁾ Edgeworth. The incidence of urban rates. Econ. Journ. 1900.

должна причинять наименьшія затрудненія и, наоборотъ, содѣйствовать развитію энергіи и изобрѣтательности народа; т. о. „продуктивность“ включаетъ въ себя какъ экономію, такъ и *efficiency*—успѣшную экономическую дѣятельность.

Самое серьезное возраженіе, которое выдвигается противъ изложеннаго „автономнаго“ идеала социальной политики, провозглашеннаго Зомбартомъ еще въ 90-хъ годахъ (*Ideale der Soz.-Politik*), состоитъ въ антагонизмѣ интересовъ настоящаго и будущихъ поколѣній: „въ чемъ же конечный критерій“, спрашиваетъ П. Б. Струве¹⁾, „въ наличныхъ цѣнностяхъ или въ производительныхъ силахъ? мы здѣсь приходимъ къ такой альтернативѣ: настоящее или будущее, одно поколѣніе... или интересы и выгоды общества, какъ неопредѣленнаго ряда смѣняющихся другъ друга поколѣній?.. Но не вводимъ ли мы такимъ путемъ въ социальную политику тотъ самый этический элементъ, котораго Зомбартъ хочетъ избѣгнуть?“

[Второе возраженіе, которое Струве сливаетъ съ первымъ (хотя оно имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе), заключается въ тѣсной связи между производительностью и извѣстнымъ этическимъ уровнемъ обществъ: „если наибольшая производительность проицируется въ будущее..., то наивысшая экономическая система та, которая создаетъ... наиболѣе производительнаго человѣка. А... экономическая годность предполагаетъ извѣстныя моральныя свойства“... На послѣднее соображеніе въ пользу этики самъ Струве даетъ, по моему мнѣнію, правильный отвѣтъ: „въ экономической и социальной политикѣ мы высоко оцѣниваемъ экономически производительное не потому, что оно есть этически цѣнное, а наоборотъ, этически цѣнное намъ тутъ дорого потому, что оно есть наиболѣе производительное“. „Этика, какъ нѣчто „фактическое“, а не *нормативное* (курсивъ мой) есть ингредиентъ... политики“. Она есть, слѣд., одно изъ фактическихъ объективныхъ условій, необхо-

¹⁾ „Понятіе и проблема социальной политики“ въ Изв. Пѣтр. Политехн. Инст. Отд. н. Экон. Т. XIV (1910), стр. 167 и сл.

димыхъ для достиженія автономнаго экономическаго идеала и, какъ таковое, подлежитъ объективному изученію, а не субъективному постулированію изслѣдователя]. Возвратимся, однако, къ вопросу объ антагонизмъ интересовъ послѣдовательныхъ поколѣній. Кое-гдѣ онъ, дѣйствительно, проявляется, к. напр.: въ вопросѣ о сравнительныхъ преимуществахъ налоговъ и займовъ, о протекціонизмѣ...

Но этотъ антагонизмъ—чисто теоретическій: вѣдь рѣшаетъ все вопросы финансовой и иной политики настоящее поколѣніе; при рѣшеніи ихъ нѣтъ борьбы интересовъ различныхъ общественныхъ группъ— оно обуславливается той или иной степенью заботы о будущемъ, б. ч. одинаковой въ каждой отдѣльной странѣ. Указанныя различія народныхъ психологій совершенно ничтожны, а вліяніе ихъ на реальную политику разныхъ государствъ можно игнорировать: оно совершенно ступевывается предъ борьбой наличныхъ дѣйствующихъ на политической аренѣ общественныхъ группъ, а для нихъ общимъ стремленіемъ, сознательнымъ или безсознательнымъ, должно быть увеличеніе количества и качества благъ и создающихъ ихъ факторовъ.

Развитіе производительныхъ силъ— вотъ тотъ высшій объективный принципъ обложенія, который долженъ лечь въ основу всякой податной системы и съ точки зрѣнія котораго наука имѣетъ право оцѣнивать эти системы, не вторгаясь въ область этики и сохраняя свой политическій нейтралитетъ.

Практическіе выводы изъ этого принципа весьма разнообразны; онъ примѣнимъ къ оцѣнкѣ какъ податныхъ системъ, такъ и отдѣльныхъ налоговъ и различныхъ методовъ ихъ организаціи и взиманія. Намъ не разъ придется основываться на немъ въ дальнѣйшихъ очеркахъ; но нѣкоторые общіе выводы можно намѣтить и сейчасъ.

Поскольку развитіе обмѣна—торговли и транспорта—представляется существеннымъ факторомъ производства, создавая наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе и примѣненіе труда и капитала, постольку все налоги, тормозящіе обмѣнъ,

должны быть признаны наиболее вредными: таковы налоги на железнодорожные перевозки (въ томъ числѣ безсмысленный жел.-дор. сборъ, введенный у насъ минувшей осенью) и прочіе виды транспорта, городской попудный сборъ, привратные акцизы, внутреннія таможенныя пошлины, прежніе дорожные сборы.—Налоги на сдѣлки и на переходъ недвижимостей изъ рукъ въ руки тоже имѣють б. ч. отрицательное вліяніе на развитіе производства, и ихъ должно избѣгать, если только они не являются единственнымъ способомъ учесть конъюнктурные доходы (нал. на биржевыя сдѣлки) или бороться съ вредными сторонами земельной мобилизаціи и спекуляціи.

Слѣдуетъ какъ можно меньше стѣснять самое производство, и потому налоги, связанные съ тѣми или иными процессами производства, какъ-то все виды акцизовъ, вредные налоговъ прямыхъ, падающихъ на доходы или имущества.

Изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ наиболее вредны тѣ, которые падаютъ на бѣднѣйшіе классы, на рабочихъ (подушные сборы, н. на распространенные предметы потребленія), понижая физическую силу, культурный уровень трудящихся и уровень ихъ потребностей: они бьютъ по промышленности съ двухъ сторонъ, т. к. понижаютъ интенсивность и качество труда и сокращають спросъ на ея продукты (внутренній рынокъ).

Обложеніе предпріятій и вложеннаго въ нихъ капитала самихъ предпринимателей менѣе желательно, чѣмъ обложеніе ссудныхъ капиталовъ, собственники которыхъ лично не участвуютъ въ производствѣ. Правда, современное развитіе кредита и акціонерныхъ компаній стусшевали различіе между собственнымъ и чужими капиталами въ предпріятіяхъ; тѣмъ не менѣе промысловый налогъ, падающій на предпріятіе, рѣзче отражается на производствѣ, чѣмъ налогъ на доходы съ денежныхъ капиталовъ, и страны, гдѣ промысловое обложеніе значительно превышаетъ все остальные реальные налоги, тормозятъ развитіе своихъ производительныхъ силъ. Облигаціонные капиталы должны были бы облагаться выше акціонерныхъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ не стремятся къ

приливу иностранных капиталовъ. Освобожденіе отъ налоговъ или льготное обложеніе облигацій государственныхъ займовъ — система пагубная для промышленнаго развитія страны (Франція), и если она оказывается необходимой для облегченія государственнаго кредита, то, значить, долги государства достигли нездороваго развитія и вредятъ народному хозяйству.

Вообще, объектомъ обложенія должно быть прежде всего и больше всего уже накопленное богатство (*richesse accumulée*, по выраженію Кайо и др. французскихъ писателей), а не богатство въ процессѣ образованія, и потому „сбереженія“ представляютъ, особенно въ странахъ богатыхъ (Франція, Англія), болѣе благопріятный объектъ, чѣмъ промыслы и личный трудъ.

Капиталъ, затрачиваемый въ постройки, въ сельскохозяйственныя меліораціи и т. п. улучшенія (*improvements*), увеличивающія сумму потребительныхъ благъ или продуктивность земли, слѣдуетъ, по возможности, падать, особенно въ молодыхъ, экономически слабо развитыхъ странахъ. Этотъ лозунгъ финансовой политики англо-саксонскихъ колоній отвѣчаетъ правильно понятымъ интересамъ молодыхъ растущихъ народно-хозяйственныхъ организмовъ, но онъ полезенъ и для странъ съ развитой промышленностью; поэтому онъ получаетъ постепенно признаніе и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ самой Англіи.

Освобожденіе отъ налоговъ производительныхъ затратъ переноситъ центръ тяжести на обложеніе земли, или, точнѣе, земельной ренты. Ученіе Генри Джорджа объ единомъ налогѣ на землю было крайнимъ выраженіемъ этой глубоко правильной англосаксонской идеи; если принять его съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ принципъ усиленнаго обложенія земельной ренты, то отпадаетъ большинство сдѣланныхъ противъ него возраженій: онъ непосредственно вытекаетъ изъ принципа развитія производительныхъ силъ, такъ какъ ведетъ къ облегченію производительныхъ затратъ и обремененію наименѣе продуктивнаго, паразитарнаго класса населенія. Податная система, построенная по этому принципу,

должна включать высокое обложение по капитальной цѣнности земли какъ въ деревнѣ, такъ и въ городахъ, причемъ цѣнность земельныхъ улучшеній въ первой и построекъ во вторыхъ должна быть вычтена изъ общей цѣнности недвижимостей; подомовый налогъ долженъ быть пониженъ или совсѣмъ исчезнуть вмѣстѣ съ квартирнымъ, промысловый — сократиться; однимъ словомъ, система налоговъ была бы прямо противоположна нынѣ существующей въ Россіи, гдѣ промысловый и подомовый налогъ высоки, а поземельный — ничтоженъ.

Земельная рента есть видъ монопольныхъ доходовъ, и усиленное обложение ея есть приложеніе общаго начала о необходимости привлеченія возможно бѣльшей доли послѣднихъ къ покрытію государственныхъ расходовъ; оставляя въ сторонѣ рядъ доводовъ, покоящихся на другихъ финансово-техническихъ принципахъ, въ пользу усиленнаго ея обложения говоритъ то, что оно не только не задерживаетъ производительной дѣятельности, но иногда содѣйствуетъ ей (увеличивая, напр., предложеніе незастроенныхъ участковъ подъ застройку или латифундій подъ обработку). Совершенно безопасно также для развитія производства хотя бы чрезвычайно высокое обложение конъюнктурнаго прироста цѣнности имущества и проч. конъюнктурныхъ обогащеній, въ томъ числѣ наслѣдствъ.

Такимъ образомъ верховный принципъ обложения, выдвигаемый современной финансовой литературой, приводитъ къ довольно стройной и простой системѣ налоговъ въ качествѣ „идеала“ и къ опредѣленнымъ практическимъ постулатамъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ построению этой „раціональной“ въ финансово-техническомъ и народно-хозяйственномъ отношеніяхъ системѣ, нужно выяснитъ, на кого фактически падаютъ налоги, какъ они распредѣляются и каково ихъ разностороннее вліяніе на экономическую жизнь.

Глава 4.

Переложение налоговъ.

(Догматическій очеркъ).

Всякій плательщикъ налога стремится освободиться отъ бремени, сбросивъ его со своихъ плечъ или перебросивъ его на плечи другого лица. Въ 1-мъ случаѣ мы имѣемъ „избѣганіе“ (уклоненіе) налога, для котораго на нѣмецкомъ языкѣ есть терминъ *Abwälzung*, а на итальянскомъ—*evasione*; здѣсь власть не получаетъ совсѣмъ налога; таковъ случай, если лицо прекращаетъ потребление облагаемаго предмета. Не слѣдуетъ думать, что населеніе въ этомъ случаѣ не чувствуетъ бремени налога: оно только не платитъ его, но сокращеніе потребления какого-либо блага, замѣна его какимъ-либо худшимъ суррогатомъ представляетъ часто серьезнѣйшее лишеніе и страданіе; въ этомъ случаѣ и фискальничего не выгадываетъ, и населенію наносится вредъ. Нужно всегда принимать въ разсчетъ эту сторону иныхъ налоговъ на потребление.

Поэтому англійскіе и итальянскіе экономисты и говорятъ о податномъ „давленіи“, *pressione tributaria*, независимо отъ того, уплачивается ли налогъ, или плательщикъ избѣгаетъ уплаты путемъ отказа отъ потребления обложеннаго предмета или замѣны какимъ-либо худшимъ суррогатомъ, а Натоли пользуется терминомъ *pressione* исключительно для обозначенія послѣдняго явленія ¹⁾.

Уклоненіе отъ налога путемъ сокращенія потребления — это законное уклоненіе (*legitimate evasion*), въ противоположность незаконному уклоненію, напр. путемъ контрабанды, ложныхъ декларацій, сокрытія имущества и т. д. Законное уклоненіе, т. е. сокращеніе потребления можетъ быть даже цѣлью налога ²⁾, напр. покровительственныхъ пошлинъ, но б. ч. оно нежелательно для фиска.

¹⁾ F. Natoli. Studi su gli effetti economici dell'imposta 1909, p. 11.

²⁾ Seligman называетъ такое уклоненіе *intentional evasion*; терминъ неудаченъ, т. к. *evasion* происходитъ со стороны плательщика, а опредѣленіе *intentional* относится къ фиску.

Гораздо чаще плательщикъ переноситъ все бремя или часть его на другого. Такъ феодалъ или помѣщикъ заставлялъ нести бремя налоговъ своихъ ленниковъ и крѣпостныхъ. Въ настоящее время единственный путь, которымъ можно достигнуть указанной цѣли, это — обмѣнъ; только путемъ измѣненій въ условіяхъ обмѣна услугъ и вещей одинъ хозяйствующій субъектъ можетъ перенести на другого, юридически независимаго отъ него субъекта (*Steuer-träger* или *Steuer-destinatar*) падающій на него налогъ. Перенесеніе податнаго бремени на другое лицо при обмѣнѣ называется переложеніемъ налоговъ (*Ueberwälzung-traslazione*).

Панталеони давно предложилъ слѣдующую ясную терминологию различныхъ моментовъ переложенія: а) взиманіе нал.—*percussione*—съ юридическаго плательщика, б) переложеніе налога — *traslazione*—на другихъ лицъ, в) „паденіе“ нал. — *incidenza* — на фактическаго плательщика и г) экономическія послѣдствія для послѣдняго, или „давленіе“ налога—*pressione* ¹⁾.

Терминомъ „переложеніе“ часто обозначали болѣе широкія понятія, включая въ теорію переложенія вопросъ о „производительности“ налоговъ (*Л. Штейнъ*), о вліяніи налоговъ на экономическую жизнь вообще и т. д. ²⁾. Цѣлесообразнѣе расчленивъ анализъ и изучить сначала условія переложенія того или иного налога въ вышеуказанномъ смыслѣ, а затѣмъ уже переходить къ болѣе отдаленнымъ послѣдствіямъ обложенія, которымъ мы посвятимъ отдѣльную главу.

Мы отнесемъ къ переложенію только тѣ измѣненія цѣнъ, 1) которыя вызваны именно даннымъ налогомъ и только имъ, 2) которыя имѣли мѣсто въ процессѣ обмѣна между непосредственнымъ плательщикомъ (субъектомъ) и конечнымъ плательщикомъ (дестинатаромъ), (причемъ обмѣнъ

¹⁾ М. Pantaleoni. *Teoria della traslazione dei tributi* 1882, cap. I. Его же. *Teoria della pressione tributaria* 1887.

²⁾ Cannan. (*Memoranda. R. Com on loc. taxation* p. 1866) предлагаетъ изучать не переложеніе (*incidence*), а вообще послѣдствія налога.

понимается здѣсь въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. включая договоры найма личнаго и имущественнаго, подряда ¹⁾). Переложеніе проявляется въ измѣненіи цѣны, но не всегда налогъ является причиной послѣдовавшаго за его введеніемъ измѣненія: нужно имѣть въ виду, что *post hoc* не всегда *propter hoc*; затѣмъ иногда налогъ является не главной причиной измѣненія цѣны, а лишь внѣшнимъ толчкомъ, который приводитъ въ дѣйствіе потенциальныя силы, способствуя такимъ образомъ переходу изъ одного состоянія въ другое, нарушая „экономическую инерцію“: часто наличныя экономическія условія требуютъ сами новаго уровня цѣнъ, но традиции, инерція держать цѣны на прежнемъ уровнѣ, пока налогъ не нарушаетъ равновѣсія, подобно тому какъ сотрясеніе сосуда съ водой ниже нуля и солью замораживаетъ воду. Такое дѣйствіе налога полезно выдѣлять изъ понятія переложенія, относя къ послѣднему лишь тѣ измѣненія, которыя происходятъ не только изъ-за налога, но и благодаря ему.

Въ силу тѣхъ же соображеній мы не назовемъ, напримеръ, переложеніемъ то повышеніе наемной платы, на которое согласились квартиронаниматели въ данномъ городѣ или районѣ благодаря лучшему освѣщенію улицъ, канализаціи или другимъ улучшеніямъ, произведеннымъ за счетъ налоговъ (или даже специальныхъ сборовъ) съ домовладѣльцевъ. Вѣдь, если бы даже расходъ не привелъ къ предположеннымъ улучшеніямъ, сборъ придется все-таки платить. Причина повышенія платы—не налогъ, домовладѣлецъ беретъ высокую плату не потому, что платитъ налогъ, а потому, что условія жизни въ данномъ мѣстѣ благодаря улучшеніямъ удобнѣе или пріятнѣе, чѣмъ въ другомъ. Называть

¹⁾ Виссель (*Finanztheoretische Untersuchungen*, S. 9. не считаетъ возможнымъ ограничиться изученіемъ отношеній между производителемъ и потребителемъ; по его мнѣнію, вся хозяйственная жизнь должна быть разсматриваема, какъ одинъ процессъ, и вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: если государство на одномъ пунктѣ этого механизма оказываетъ давленіе, насколько оно распространяется на другія части его?

это переложением, значить чрезмерно расширять указанное понятие и запутывать вопрос.

Въ английской литературѣ существуетъ неудачное дѣленіе мѣстныхъ сборовъ на обременительные (onerous) и полезные для плательщиковъ (beneficial), расходуемые на какое-либо улучшение. Э. Гамильтонъ въ своемъ извѣстномъ меморандумѣ Королевской Комиссiи о мѣстномъ обложенiи совершенно справедливо находитъ, что практически невозможно провести указанное различіе ¹⁾, а проф. Селигманъ добавляетъ, что самое дѣленіе совершенно несостоятельно, что beneficial rates терминъ внутренне противорѣчивый ²⁾.

Съ другой стороны, совершенно нецѣлесообразно исключать изъ понятiя переложения всѣ временныя экономическія пертурбации, вызванныя налогомъ ³⁾—въ нихъ-то часто суть вопроса; „временное“ явленіе въ экономикѣ часто такъ же важно, какъ и длящееся.

Каждая изъ указанныхъ задачъ имѣетъ теоретическое и практическое значеніе: изученіе процесса экономическихъ измѣненій, хотя бы и временныхъ, преходящихъ, погружаетъ насъ въ реальную динамику экономической жизни; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами реальной дѣйствительности: мы видимъ, на примѣръ, что по введеніи налога сбытъ такого-то товара на данномъ рынкѣ сократился на столько-то %, цѣна его поднялась на столько-то рублей. Но намъ необходимо выдѣлить дѣйствіе собственно налога на цѣны и распредѣленіе дохода изъ другихъ факторовъ, дѣйствующихъ независимо отъ налоговъ или обнаружившихъ свое дѣйствіе подъ вліяніемъ податного толчка, превратившаго ихъ потенциальную энергію въ кинетическую. Для указаннаго анализа мы строимъ абстрактные законы образованія цѣнъ подъ вліяніемъ налога, предполагая идеальное состояніе (статическаго) равновѣсія.

¹⁾ Memoranda, p. 37. (P. P. C. 9528).

²⁾ The shifting, 1910 p. 320—1.

³⁾ Какъ предлагаетъ П. П. Гензель въ своей работѣ „Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложенiи на Западѣ“ 1909 гл. VIII, § 7.

Отчасти можетъ служить намъ при этомъ пособіемъ сравненіе цѣнъ до и послѣ введенія налога въ два настолько отдаленныхъ другъ отъ друга промежутка времени, что можно предположить наступившимъ состояніе равновѣсія въ распредѣленіи налога, а временныя колебанія прекратившимися. Нужно, однако, имѣть въ виду, что полнаго равновѣсія въ дѣйствительности никогда нѣтъ, и что мы никогда не можемъ сказать навѣрное, прекратились ли „временныя“ колебанія цѣнъ и процессъ приспособленія ихъ къ новымъ условіямъ обложенія: этотъ процессъ можетъ иногда продолжаться десятки лѣтъ, если мы имѣемъ дѣло съ прочно связанными (вложенными) капиталами (какъ напримѣръ, дома, дорогія сооруженія на рудникахъ, фабрикахъ, меліорациі), дающими „квази-ренту“.

Игнорировать всѣ эти промежуточные, часто длительные процессы, отыскивая „конечное паденіе“ (final incidence) налога, было бы, по моему мнѣнію, весьма нецѣлесообразнымъ, такъ какъ выясненіе ихъ часто практически гораздо важнѣе, чѣмъ выводы о конечномъ распредѣленіи налога.

Итакъ, переложеніе налоговъ можно разсматривать: а) какъ процессъ измѣненій (shifting) въ условіяхъ спроса и предложенія, въ цѣнахъ, переносящій бремя новаго налога съ непосредственнаго плательщика на другихъ лицъ, б) какъ состояніе распредѣленія податнаго бремени (incidence), предполагаемый результатъ установившагося равновѣсія спроса и предложенія (статически), причемъ это состояніе можно сравнивать: 1) съ предшествовавшимъ введенію налога состояніемъ равновѣсія экономическихъ силъ, пытаясь выяснитъ исторически конечное вліяніе налога, или 2) съ гипотетическимъ случаемъ отсутствія налога, отвѣчая на вопросъ: что было бы, если бы налогъ былъ уничтоженъ¹⁾.

¹⁾ Въ литературѣ не дѣлали сначала различія между указанными проблемами; лишь недавно проведено логическое разграниченіе между ними, причемъ одни выдвигаютъ на первый планъ одну проблему, другіе другую. Такъ Вискель предлагаетъ замѣнить понятіемъ Incidence болѣе узкій терминъ „переложеніе“, наоборотъ, Зелигманъ (E. Seligman: The shifting and incidence of taxation 1899, p. 4) правильно раз-

Большое практическое значение имѣетъ послѣдній указанный мною вопросъ: что было бы, если бы налогъ былъ отмѣненъ или пониженъ или замѣненъ другимъ? вѣдь большей частью именно этотъ вопросъ и возникаетъ при обсужденіи податныхъ реформъ. А онъ требуетъ совершенно самостоятельнаго анализа: послѣдствія отмѣны или пониженія налога часто и даже большей частью вовсе не противоположны послѣдствіямъ введенія или повышенія налога. Если вновь введенный налогъ переложень былъ на другихъ лицъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что онъ перелажается на нихъ и въ настоящее время, т. е. что онъ является причиной существующихъ экономическихъ отношеній. Если, напримѣръ, подъ вліяніемъ налога измѣнился уровень цѣнъ какого-либо блага, то этотъ уровень часто не можетъ быть измѣненъ въ обратномъ направленіи путемъ отмѣны налога: онъ находитъ себѣ другія подпорки; другія экономическія силы, вызванныя, можетъ быть, налогами, но ставшія постояннымъ факторомъ цѣнъ, поддерживаютъ его, подобно тому, какъ вода, поднятая въ насосѣ, задерживаемая клапаномъ, не опускается обратно съ опусканіемъ поршня.

Резюмируя сказанное, можно такъ опредѣлить переложеніе: это частно-хозяйственный процессъ, въ силу котораго уплаченный налогъ возмѣщается плательщику путемъ измѣненія его экономическихъ отношеній къ другимъ хозяйствующимъ субъектамъ изъ-за налога и благодаря ему ¹⁾.

Виды переложенія. Въ теоріи переложенія различаютъ прямое переложеніе (*Fortwälzung*)—отъ производителя къ потребителю—и обратное (*Rückwälzung*)—отъ потребителя сматривая переложеніе (*shifting*), окончательное распредѣленіе (*incidence*) и экономическое вліяніе налога, какъ три послѣдовательныхъ момента, рекомендуетъ ограничиться изученіемъ перваго, т. е. процесса переложенія.

¹⁾ Словами „изъ-за налога“ я отмѣчаю, что налогъ является стимуломъ къ измѣненію экономич. отношеній со стороны непосредственнаго плательщика; но кромѣ желанія измѣненія цѣнъ и пр. должна быть создаваемая налогомъ („благодаря ему“) возможность достигнуть этого.

къ производителю. Мы увидимъ далѣе, насколько различны условія переложимости въ этихъ двухъ случаяхъ.

Другое дѣленіе—на желаемое и нежелаемое (законодателемъ) переложеніе,—служащее иногда для разграниченія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, для теоріи переложенія не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ намъ важны здѣсь не намѣренія законодателя, а ихъ дѣйствительный результатъ.

Анализируя переложимость отдѣльныхъ налоговъ, мы должны различать ихъ не столько по объектамъ, сколько по источникамъ, такъ какъ въ отношеніи вліянія на цѣны важнѣе тотъ фондъ, изъ котораго налогъ выплачивается, нежели основаніе его. Поэтому общеимущественный налогъ не отличается по переложимости отъ общеподоходнаго, поскольку источникъ ихъ остается одинаковымъ, т. е. если имущество даетъ доходъ, изъ котораго и уплачивается налогъ.

Условія переложимости.

Если переложеніе происходитъ только въ процессѣ обмѣна, а измѣненіе цѣнъ обуславливается измѣненіями въ потребности или въ количествѣ обмѣниваемыхъ благъ, то единственный способъ, которымъ налогъ можетъ быть переложень, это—уменьшеніе предложенія или спроса на какое-либо благо (въ связи съ введеніемъ налога).

А такъ какъ за исключеніемъ благъ, представляющихъ исключительную монополію, на открытомъ рынкѣ устанавливается одна цѣна на благо, и индивидуальныя условія играютъ при образованіи ея ничтожную роль, то налогъ можетъ быть переложень (т. е. повліять на цѣну) лишь въ томъ случаѣ, если онъ падаетъ на цѣльную категорію лицъ, находящихся въ однородныхъ условіяхъ, и перелажается онъ постольку, поскольку ложится одинаковымъ бременемъ на каждую единицу объекта обложенія.

Далѣе, чѣмъ болѣе непосредственный плательщикъ налога можетъ повліять на предложеніе или спросъ, и чѣмъ

сильнѣе эти измѣненія могутъ отразиться на цѣнахъ, тѣмъ легче перелagается налогъ, и обратно.

Изъ приведенныхъ общихъ положеній вытекають слѣдующіе болѣе частные выводы:

1) всякій общій налогъ перелagается труднѣе, чѣмъ спеціальные, падающіе на однородную группу предприятий или др. объектовъ;

2) переложеніе труднѣе при гибкомъ спросѣ на облагаемый продуктъ, чѣмъ при устойчивой потребности, когда покупатель менѣе склоненъ сокращать потребление подъ вліяніемъ повышения цѣны;

3) если налогъ ничтоженъ, онъ часто не можетъ нарушить экономической инерціи и установившихся мѣновыхъ отношеній и остается на непосредственномъ плательщикѣ;

4) вліяніе обложенія готоваго продукта на цѣны средствъ производства зависитъ отъ того, насколько данный продуктъ является единственнымъ благомъ, производимымъ съ ихъ помощью; въ означенномъ случаѣ налогъ на продуктъ можетъ быть отчасти переложенъ на средства производства;

5) переложеніе отъ производителя къ потребителю легче, чѣмъ отъ потребителя къ производителю, такъ какъ, во-первыхъ, производителей меньше, и имъ, слѣдовательно, легче сговориться, или даже, не сговариваясь, установить общую линію поведенія, во-вторыхъ, имъ легче вліять на цѣны, такъ какъ они лучше потребителей знаютъ условія рынка;

6) налогъ тѣмъ легче переложимъ, чѣмъ ближе по времени къ моменту реализаціи продукта (налогъ на фабрикатъ легче перелagается, чѣмъ обложеніе по матеріалу, по орудіямъ производства и т. д.);

7) переложеніе тѣмъ легче, чѣмъ а) соизмѣримѣе основаніе налога съ основаніемъ установленія цѣны и б) чѣмъ тѣснѣе зависимость цѣны отъ издержекъ производства.

Отсюда слѣдуетъ различная степень переложимости налоговъ въ зависимости отъ ихъ объекта и основанія:

1) налогъ на субъективный (личный) доходъ менѣ переложимъ, чѣмъ налоги на объективный доходъ (предпріятія т. е. реальные налоги);

2) прогрессивный подоходный налогъ труднѣ переложается, чѣмъ пропорціональный.

3) налогъ на неперіодическія поступления менѣ переложимъ, чѣмъ обложеніе (періодическаго) дохода.

Налогъ съ наслѣдствъ непереложимъ по обоимъ основаніямъ: какъ обложеніе неперіодическихъ поступленій и притомъ зависящихъ отъ чисто личныхъ условій жизни; плательщику немыслимо повліять на цѣны.

Налогъ на приростъ цѣнности имущества непереложимъ, какъ объектъ неперіодическихъ поступленій; и здѣсь бремя налога, падающее на объектъ, крайне разнообразно, и непосредственное вліяніе на цѣны немыслимо. Правда, налогъ здѣсь связанъ не съ обстоятельствами личной жизни, а съ объективнымъ фактомъ прироста цѣнности, общимъ ряду имуществъ даннаго города или района; сокращая выгоды отъ прироста, высокій налогъ можетъ уменьшить спекулятивную покупку и продажу земли, и поскольку послѣдняя способствуетъ усиленному предложенію строительныхъ участковъ, высокій налогъ на приростъ можетъ косвенно привести къ повышенію земельныхъ (и квартирныхъ) цѣнъ (случай крайне рѣдкій).

Но это повышеніе врядъ ли можно назвать переложеніемъ: оно падаетъ на всѣхъ покупателей земли, независимо отъ того, получилъ ли данный продавецъ приростъ цѣнности и уплатилъ ли онъ налогъ: здѣсь налогъ—причина общаго повышенія цѣнъ, но не мотивъ при установленіи конкретной цѣны; цѣна повысилась вслѣдствіе налога, но не изъ-за него. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при сознательномъ противодѣйствіи налогу и стачкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ города, пользующихся своимъ монопольнымъ положеніемъ, можно допустить непосредственную связь между налогомъ и повышеніемъ цѣнъ, т. е. переложеніемъ налога.

Итакъ, налогъ на неперіодическія поступления, въ сущности, непереложимъ. Переложение имѣетъ мѣсто лишь при періодическомъ приростѣ, т. е. доходъ, субъективномъ или объективномъ.

Но обложение личного дохода перелagается съ производителя на потребителя его продуктовъ лишь постольку, поскольку весь доходъ его составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянный элементъ издержекъ производства продукта (поскольку Einkommen составляетъ устойчивую часть Ertrag). Чѣмъ болѣе субъективный доходъ расходится съ объективнымъ, тѣмъ болѣе отдаленна его связь съ основаніемъ установленія цѣны продукта, слѣдовательно, тѣмъ затруднительнѣе переложение (общепоходнаго и общеимущественнаго налоговъ).

Есть категорія лицъ, личные доходы которыхъ наиболѣе совпадаютъ съ объективными доходами: это—рабочіе; заработная плата составляетъ большею частью весь ихъ личный доходъ. Вотъ почему подушный налогъ, подоходный безъ Existenzminimum'a или съ низкимъ Existenzminimum'омъ, вообще, личные налоги, падающіе на массу рабочихъ безъ различія, могутъ повліять на повышеніе уровня заработной платы ¹⁾ и перелечь на потребителей продуктовъ труда, но въ разной степени. Есть и другая возможность переложения налоговъ подушнаго характера: въ силу значительной однородности потребления рабочихъ массъ, сокращеніе ихъ доходовъ можетъ замѣтно отразиться на спросѣ на нѣсколько опредѣленныхъ категорій товаровъ и перелечь (послѣ болѣзненнаго процесса) на производителей этихъ продуктовъ. Доходъ лицъ свободныхъ профессій имѣетъ часто монопольный характеръ (Милль), что затрудняетъ переложимость налоговъ на нихъ: они получаютъ и до налога высшее возможное вознагражденіе. И „обратное“ переложение съ нихъ, какъ потребителей, на производителей то-

¹⁾ Въ теоріи переложения часто говорится о переложении налога на заработную плату, прибыль; нужно имѣть въ виду, что это—абстракція, такъ какъ такихъ налоговъ, какъ извѣстно, не существуетъ.

варовъ затруднительно вслѣдствіе разнородности и незначительной суммы ихъ потребления.

Плательщики подоходнаго налога могутъ, правда, переложить его въ качествѣ потребителей различныхъ продуктовъ на ихъ продавцовъ, сокращая спросъ; но такое переложеніе тоже затруднительно, такъ какъ потребление индивидуально и сокращеніе спроса на отдѣльные продукты будетъ различнымъ для каждаго лица: нѣтъ требуемой для переложенія однородности условій (ср. Рау).

Итакъ, лично-подоходный налогъ можетъ считаться наименѣе переложимымъ, значительно уступая въ этомъ отношеніи а) реальнымъ налогамъ (Objektsteuern) съ отдѣльныхъ источниковъ дохода и б) косвеннымъ налогамъ.

Изучая переложеніе, мы должны отрѣшиться отъ послѣдняго различія: и прямой промысловой налогъ, и акцизъ взимаются непосредственно съ производителя; здѣсь важнѣе основаніе взиманія: берется ли налогъ съ чистаго дохода или валового; если съ валового, то соразмѣряется ли онъ съ общей суммой, т. е. съ общей цѣнностью продукта или съ количествомъ произведенныхъ единицъ продукта.

Еще важнѣе различіе между обложеніемъ при наличности а) монополіи, б) свободной конкуренціи и с) параллельнаго существованія предпріятій въ благопріятныхъ и менѣе благопріятныхъ условіяхъ производства. Начнемъ съ монопольнаго дохода: въ экономической жизни монополія играетъ гораздо большую роль, чѣмъ это предполагала классическая экономія, и можно поставить въ заслугу австрійской школы признаніе и обобщеніе роли монопольной цѣны.

• I. Обложеніе монопольнаго предпріятія.

Налогъ на монопольное предпріятіе падаетъ въ значительной долѣ на самого монополиста и перелажается въ гораздо меньшей степени, чѣмъ налогъ на предпріятія, работающія при условіяхъ свободной конкуренціи. Еще нѣмецкіе фритредеры 60-ыхъ г. считали его переложимымъ на томъ основаніи, что монополистъ до налога получаетъ уже наи-

высшую возможную цѣну; въ столь абсолютной формѣ это утвержденіе невѣрно, но меньшая переложимость его несомнѣнна и объясняется какъ условіями спроса, такъ и собственнымъ интересомъ производителя.

При повышеніи цѣны монопольныхъ благъ спросъ на нихъ быстро сокращается, такъ какъ цѣна эта ближе къ субъективной оцѣнкѣ большинства потребителей: дѣло въ томъ, что рыночная цѣна блага устанавливается на уровнѣ оцѣнки послѣдняго готоваго приобрести его покупателя; тѣ же потребители, которые оцѣниваютъ данное благо выше, но платятъ за него общую рыночную цѣну, получаютъ при покупкѣ особую выгоду („потребительскую ренту“, какъ назвалъ ее Маршалъ). При монополіи цѣна блага б. ч. выше, а число покупателей ограниченнѣе, чѣмъ при свободной конкуренціи, разница между субъективной оцѣнкой ими блага и рыночной цѣной понижается и, слѣдовательно, сокращаются тѣ предѣлы, въ которыхъ возможно повышение безъ значительнаго сокращенія спроса.

Отсюда слѣдуетъ меньшая переложимость налоговъ съ монопольныхъ благъ. Къ тому же выводу приходимъ, если взглянемъ на вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ самого производителя. Начнемъ съ той формы обложенія, гдѣ налогъ падаетъ наиболѣе равномѣрно на единицу продукта, слѣдовательно, наиболѣе соизмѣримъ съ основаніемъ установленія цѣны и наиболѣе переложимъ.

А) Налогъ, взимаемый въ одинаковомъ размѣрѣ съ единицы продукта.

Въ монопольномъ производствѣ цѣль монополиста—полученіе наибольшей (общей) чистой выручки. Этимъ онъ руководится при установленіи цѣнъ на продукты и регулированіи выпускаемаго на рынокъ количества товара сообразно съ кривой спроса. При этомъ, чѣмъ выше издержки производства, т. е. чѣмъ меньше остается на долю чистой прибыли, тѣмъ менѣе выгодно производителю расширять производство, тѣмъ болѣе высокій уровень цѣнъ сохранить онъ для продукта въ ущербъ сбыту.

На рис. № 2 кривая MN изображает падение цены продукта съ увеличениемъ его количества, прямая AO—высоту издержекъ, а АВ—уровень издержекъ производства. Изъ трехъ ценъ—OK, OK₁ и OK₂ наиболее выгодной для монополиста является цена OK₁, если при ней чистая при-

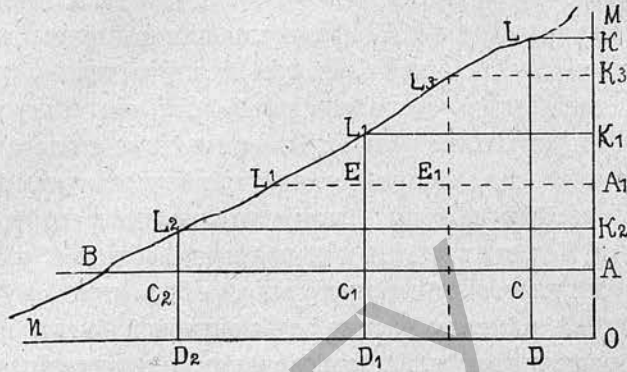

Рис. 2.

быль его наибольшая: $AK_1L_1C_1 > AKLC$ и $AK_2L_2C_2$.—Но если издержки производства вследствие налога AA_1 повысились до OA_1 , то цена OK_3 оказывается выгоднее OK_1 , такъ какъ $A_1K_3L_3E_1 > A_1K_1L_1E$. Монополисту выгодно повысить цену на K_1K_3 .

Слѣдовательно, и при монополии налогъ можетъ переложаться.

При возрастающихъ издержкахъ переложение налога на покупателя легче для монополиста, чѣмъ при неизмѣнныхъ издержкахъ, такъ какъ значительно сокращается выгода отъ расширения производства и, слѣдовательно, выгоднее сохранить цены на болѣе высокомъ уровнѣ, ограничивая сбытъ. Это мы ясно видимъ на рис. № 3: $AK_1L_1E < AKLE$; слѣдовательно, цена OK при возрастающихъ издержкахъ (прямая АВ) выгоднее OK_1 , между тѣмъ при неизмѣнныхъ издержкахъ (АВ) выгоднее понизитъ цену до OK_1 ($AK_1L_1C_1 > AKLC$).

¹⁾ Graziani. Istituzioni di scienza delle finanze 1897. Z. V cap. IV.

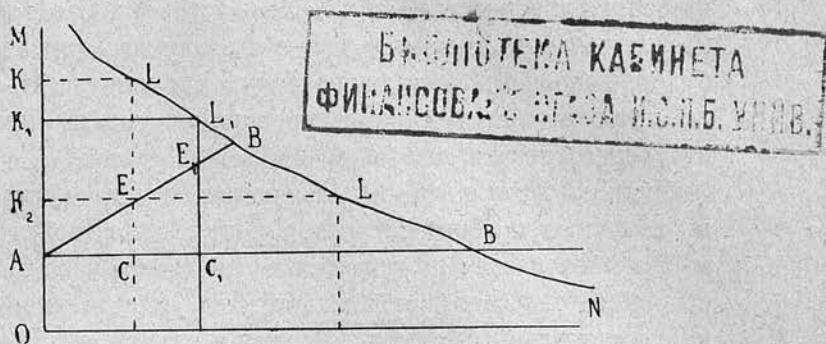

Рис. 3.

Противоположный результат мы наблюдаемъ, конечно, при понижающихся (относительно) издержкахъ: цѣну выгодно понижать и, слѣдовательно, переложимость затрудняется.

Къ совершенно противоположному выводу приходитъ Селигманъ: онъ пытается доказать, что растущія издержки или, иначе говоря, убывающая производительность послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала затрудняетъ переложение, а что при падающихъ издержкахъ переложение легче. Ходъ его суждений—слѣдующій: какъ при условіи свободной конкуренціи, такъ и при монополіи налогъ, повышая цѣну продукта, сокращаетъ потребление и производство, а сокращение производства при падающихъ издержкахъ ведетъ къ вздорожанію единицы продукта, при растущихъ издержкахъ (или убывающей производительности)—къ удешевленію единицы продукта; слѣдовательно, налогъ легче перелажается (на потребителей) при падающихъ издержкахъ, чѣмъ при издержкахъ пропорціональныхъ количеству продукта или возрастающихъ.

Изложенный взглядъ основанъ на явномъ недоразумѣніи: С. исходитъ изъ положенія, что налогъ повышаетъ цѣну продукта; но вѣдь въ этомъ-то и вопросъ: повышаетъ ли налогъ цѣну, т. е. перелажается ли онъ? Производитель, (монополистъ), уплачивая налогъ, рѣшаетъ, выгодно ли ему повысить цѣну и тѣмъ сократить потребление, и именно при падающихъ издержкахъ, т. е. при большей выгодности рас-

ширения производства, ему особенно невыгодно сокращение потребления и производства; поэтому он гораздо менее будет склонен повышать цену, т. е. переложать налог на потребителя, чем при пропорциональных или растущих издержках.

Таким образом налог по количеству продукта ведет к возвышению цены. (Если же иногда цены не возвышаются, то это объясняется ничтожностью относительной выгоды монополиста от сбережения налога: эта выгода уменьшается пропорционально квадрату понижения налога, т. е. если мы понизим налог в 2 раза, то выгода производителя от сокращения предложения уменьшается в 4 раза).

В общем монополист теряет и от сокращения производства, и вследствие платежа налога; а потребители теряют от возвышения цены и от сокращения потребления. Общ. стороны теряют гораздо больше, чем получают от налога фискс—в этом громадный минус обложения продукта (т. е. всех косвенных налогов и большей части реальных) по сравнению с налогами на чистый доход¹⁾.

В. Налог с чистого дохода монополиста теоретически переложим, так как не отражается на спросе и предложении.

С. Среднее место занимает обложение по ценности всего продукта, т. е. обложение валового дохода. В противоположность Селигману Виксель считает такой налог переложимым, так как издержки все-таки возрастают с увеличением количества продукта, и, следовательно, необходимо повысить цену продукта для получения максимальной прибыли, но это возвышение меньше, чем при обложении по количеству продукта.

II. Переложение при условии свободной конкуренции и равенстве условий производства.

Равное обложение всех отраслей промышленности, при свободной конкуренции и равенстве условий производства, по мнению Graziani, не переложимо: возможно лишь сокра-

¹⁾ Kn. Wicksell. Finanztheoretische Untersuchungen 1896, S. 10—17.

шение производства, вздорожание продуктовъ и *evasione*— уклонение отъ налога путемъ сокращенія его (объектовъ) базиса. Если эти измѣненія не имѣютъ мѣста, равный налогъ падаетъ на прибыль предпринимателей, притомъ независимо отъ соотношенія въ производствѣ труда и капитала ¹⁾ Съ этими положеніями нельзя согласиться: во-первыхъ, никогда нельзя такъ установить обложеніе продуктовъ, оборота или валового дохода различныхъ отраслей производства, чтобы оно одинаково обременяло прибыль, такъ какъ слишкомъ различно и измѣнчиво въ нихъ соотношеніе труда и капитала, затратъ и количества продукта и т. д.; но если бы оно и было возможно, то все-таки равновѣсіе не сохранилось бы, такъ какъ одинаковое (°/о-ное) повышеніе цѣны различно отражается на спросѣ и потребленіи различныхъ продуктовъ. Съ другой стороны, равное обложеніе чистой прибыли различно отразилось бы на цѣнѣ единицы продукта, слѣд., на спросѣ и т. д. Слѣдовательно, даже равное обложеніе нарушило бы прежнее равновѣсіе и привело бы къ частичному переложенію налога въ нѣкоторыхъ отрасляхъ.

Тѣмъ болѣе переложение имѣетъ мѣсто, если налогъ падаетъ на какую-либо специальную отрасль производства, т. е. если обложеніе ея выше, чѣмъ другихъ отраслей; налогъ или перелажается на потребителя, или теряется (*evasione*) въ зависимости отъ эластичности спроса; наиболѣе переложимы налоги на предметы первой необходимости или крайней роскоши, спросъ на которые мало зависитъ отъ цѣны.

При свободной конкуренціи безразлично, говоритъ Граціани (341—2), растутъ ли или падаютъ издержки съ ростомъ производства; и это положеніе вѣрно лишь при условіи неизмѣннаго соотношенія между факторами производства; между тѣмъ налогъ производитъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя перемѣны.

Итакъ не только специальный налогъ на какую-либо отрасль производства, но и равное обложеніе всѣхъ отраслей

¹⁾ Graziani, ib. 339—40.

переложимо при свободной конкуренціи въ большей мѣрѣ, чѣмъ при монополіи.

Но полное равенство условій производства въ дѣйствительной жизни не наблюдается. Здѣсь нормально нѣкоторое различіе условій производства: одни предпріятія пользуются природными или иными преимуществами, другія не имѣютъ ихъ.

III. Переложеніе при параллельномъ существованіи предпріятій въ благоприятныхъ и менѣе благоприятныхъ условіяхъ производства.

Цѣна продукта устанавливается въ зависимости отъ издержекъ производства при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ, напримѣръ, на самыхъ отдаленныхъ или наименѣе плодородныхъ участкахъ земли.

Обложеніе разницы въ продуктѣ или доходѣ, напримѣръ, чистой земельной ренты, не могло бы отразиться на предложеніи и цѣнахъ и легло бы всецѣло на собственниковъ „привилегированныхъ“¹⁾ предпріятій (земельныхъ участковъ). Еще Рикардо доказывалъ непереложимость налога на земельную ренту—остается только обобщить понятіе ренты.

Но вѣдь въ современномъ оборотѣ всякій источникъ доходовъ длящагося характера капитализируется, и рента, и вообще всякій устойчивый доходъ, являющійся результатомъ благоприятной конъюнктуры, получаетъ выраженіе въ продажной цѣнѣ источника дохода; для покупателя земли или предпріятія этотъ конъюнктурный доходъ представляетъ уже нормальное вознагражденіе на затраченный капиталъ; спрашивается, не подчиняется ли, въ виду этого, обложеніе ренты или ей подобныхъ доходовъ общимъ законамъ переложенія налоговъ на прибыль? На этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно, такъ какъ сокращеніе затрачиваемыхъ на покупку земли капиталовъ, какъ результатъ обложенія ренты, не можетъ сократить продукта и повысить цѣнъ.

¹⁾ Терминъ Граціани.

Въ дѣйствительности налоги на чистую ренту почти не встрѣчаются, за исключеніемъ site value rates—налоговъ на цѣнность земли безъ улучшеній.

Наиболѣе приближаются къ обложенію ренты налоги на чистый доходъ или на капитальную цѣнность земли, но они включаютъ уже обложеніе improvements, т. е. производительныхъ затратъ (построекъ, меліорацій), и поскольку они выше нормальнаго обложенія прибыли, они могутъ отразиться на сокращеніи построекъ и меліорацій, вліяютъ на цѣны, слѣдовательно, переложимы.

По отношенію къ нимъ возникаетъ довольно трудный вопросъ: можно ли представить себѣ налогъ съ недвижимости, какъ сумму двухъ налоговъ—съ земли (земельной ренты) и съ производительной затраты капитала, причемъ отношеніе между этими налогами было бы равно отношенію между цѣнностью земли и цѣнностью производительныхъ затратъ? Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ литературѣ по поводу подомоваго налога: проф. Визеръ и др., доказывая возможность такого дѣленія налога, разсуждаютъ такъ: если за домъ А на окраинѣ города даютъ 1000 р., а за такой же точно домъ В въ центрѣ города даютъ 1200 р. въ годъ, то надбавка въ 200 р. (Ueberbietung) выражаетъ преимущества центральнаго положенія (доходъ съ земли) и должна оставаться неизмѣнной и послѣ введенія налога. Предположимъ, что оба дома обложены въ размѣрѣ 20% ихъ чистаго дохода; тогда налогъ съ 1-го дома составитъ 200 р., а со 2-го 240 р. Но разница въ удобствахъ остается неизмѣнной и, слѣдовательно, нельзя повысить наемную цѣну 2-го дома больше, чѣмъ на 200 р. Поэтому рента собственника дома (земли) въ центрѣ города сократится на 40 руб., остальные 200 руб. упадутъ на квартиронанимателя; слѣдовательно, налогъ распредѣлится между ними пропорціонально отношенію между доходностью земли и построекъ

$$40 : 200 = 200 : 1000 \text{ руб.}$$

Обобщая указанную теорію и понятіе ренты, спросимъ себя, можно ли раздѣлить налогъ съ чистаго дохода пред-

пріятій, находящихся въ различныхъ условіяхъ производства, на два налога: а) съ рентнаго (конъюнктурнаго) элемента дохода находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ предпріятій и б) съ дохода предпріятій, производящихъ при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ (дома на окраинѣ города),—пропорціонально сравнительной цѣнности рентнаго фактора и производительныхъ затратъ?

Противъ этой теоріи говоритъ вышеуказанное соображеніе, что на болѣе высокомъ уровнѣ цѣнь сокращается „потребительская рента“ и затрудняется возможность повышенія цѣны. Слѣдовательно, поскольку благопріятныя условія выражаются въ высшемъ качествѣ ¹⁾ продуктовъ однихъ предпріятій, мы должны предположить, что разница въ ихъ оцѣнкѣ (Uebersetzung) должна нѣсколько сократиться при введеніи налога и повышеніи цѣны, т. е. на рентный элементъ упадетъ большая (сравнительно съ его долей въ общей цѣнности) доля налога; такъ на примѣръ, на землю упадетъ большая доля подомоваго налога, чѣмъ приходится на земельную ренту въ подомовомъ доходѣ.

То же происходитъ и въ томъ случаѣ, если „благопріятныя условія“ заключаются въ большемъ количествѣ продукта въ однихъ предпріятіяхъ сравнительно съ другими при одинаковыхъ издержкахъ (поземельная рента). Иногда впрочемъ, результатъ обложенія чистаго дохода нѣсколько иной: налогъ, превышающій обложеніе прибыли въ другихъ отрасляхъ промышленности, можетъ повести косвенно къ сокращенію предложенія и повышенію цѣны, если нѣтъ иностранной конкуренціи. Только при указанныхъ двухъ условіяхъ мыслимо частичное переложеніе налога на потребителей. Легче перелажается налогъ на валовой доходъ, такъ какъ онъ не считается съ издержками производства и повышаетъ цѣну продуктовъ (находящихся въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ предпріятій).

Если ставка поземельнаго налога дифференцируется въ зависимости отъ качества почвы, то рента нѣсколько пони-

¹⁾ Въ частности, мѣстоположеніи дома.

жается и часть налога остается на собственникахъ лучшихъ участковъ. Наоборотъ, если налогъ взимается по площади владѣнія, то онъ не только ведетъ къ повышенію цѣнъ и переложенію, но даже, въ случаѣ сохраненія въ обработкѣ наименѣе плодороднаго участка, можетъ увеличить денежную ренту собственниковъ лучшихъ участковъ на сумму, превышающую уплаченный налогъ (Селигманъ, Граціани).

Амортизація н. а) Поскольку налогъ съ постоянного источника доходовъ не можетъ быть переложень на другихъ лицъ и б) поскольку онъ превышаетъ среднее обложеніе другихъ источниковъ дохода, онъ понижаетъ доходность облагаемаго имущества; пониженіе доходности капитализуется и понижаетъ цѣнность имущества.

При продажѣ собственникъ теряетъ, такимъ образомъ, всю капитализованную сумму налога, а новый собственникъ получаетъ нормальную прибыль на капиталъ покупки и какъ бы не чувствуетъ бремени налога. Описанное явленіе называется амортизаціей (погашеніемъ) налога. Въ литературѣ и политикѣ часто преувеличивали его роль, забывая о вышеуказанныхъ двухъ условіяхъ его возникновенія и основывая на немъ рядъ ошибочныхъ финансовыхъ мѣропріятій (выкупъ *landtax* въ Англіи и др.).

Все эти вопросы подлежатъ детальному анализу при изученіи отдѣльныхъ видовъ налоговъ, причемъ дедукція дополняется индуктивно-статистическимъ методомъ. Предшествующія страницы имѣли цѣлью лишь дать общую теоретическую основу, безъ которой изученіе фактовъ остается бесплодной тратой времени.

максимум
Таблица налогов по убывающей степени ихъ переложимости.

производителей:	специальн.	а) при усл. своб. конкуренции	а) обл. вѣсть провинц., вѣдочая "предельнаго" в) только "при видегирированнхъ"	при падающихъ пропорц.	облож. по количеству	по готов. прод.
производство товаровъ	общин.	в) при услов. монополии	—	растущихъ издержкахъ	по чистому доходу (Reinertrag)	въ промежуточн. стадияхъ произв.
" услуги						
потребителей	определенной категории товаровъ, не имѣющихъ суррогатовъ предметовъ потребления, имѣющихъ суррогаты пр. роскоши					
личнаго дохода (или имущества)	получшнне и др. нал. падающіе на зараб. плату работ. (перелож. на предприятие)					
	" " " на массу населенія (сокращ. спроса на изв. товары)					
	нал. на доходъ лицъ свободн. проф. и пр. (парциально-подходн.)					
общеподох. нал. съ высокими Existenzminimumомъ.						
налоги на простоту цѣнности имущества вообще						
" " " недвижимости						
налоги съ насильствъ.						

неперіодич.
minimum.

периодическое облож.

Глава 5.

Теоріи переложенія налоговъ.

(Историко-литературный очеркъ).

Теорія переложенія налоговъ—одинъ изъ самыхъ интересныхъ и трудныхъ отдѣловъ финансовой науки: тѣсно соприкасаясь съ теоретической экономіей, она испытала на себѣ вліяніе послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга теченій экономической мысли; съ другой стороны на ней отражались социально-политическія воззрѣнія и симпатіи отдѣльныхъ авторовъ и тенденціи различныхъ историческихъ эпохъ. Для того, чтобы разбраться среди безчисленныхъ теорій переложенія, необходима нѣкоторая систематизація ихъ: чисто хронологическое изложеніе, которымъ, напр., довольствуется Кайцль¹⁾, совершенно лишаетъ возможности уловить преемственность идей; врядъ ли можно признать удовлетворительной и ту классификацію, которую предлагаетъ Селигманъ въ своемъ выдающемся трудѣ²⁾: онъ дѣлитъ всѣ теоріи на первоначальныя и „современныя“ (?), къ числу которыхъ относитъ теорію физиократовъ, абсолютную (классиковъ-экономистовъ), т. разсѣянія (оптимистическую и пессимистическую), т. капитализаціи, эклектическія, агностическую, социалистическую и количественную или математическую. Въ этой пестрой группировкѣ теорій по случайному, наиболѣе рельефному, по мнѣнію автора, признаку, нѣтъ основнаго условія всякой классификаціи—единого критерія дѣленія: однѣ теоріи опредѣляются по теоретическимъ воззрѣніямъ ихъ авторовъ, по принадлежности къ определенной экономической школѣ, другія—по характеру выводовъ, третьи—по социально-политическимъ предпосылкамъ; большинство теорій переложенія можно было бы причислить къ нѣсколькимъ изъ намѣченныхъ Селигманомъ группъ; т. напр. абсолютность выводовъ характеризуетъ собой не

¹⁾ Kaizl. Die Lehre von der Ueberwälzung der Steuern. 1882.

²⁾ E. Seligman. The shifting and incidence of taxation. 3 ed. 1910.

только ученіе классиковъ, но и теорію разсѣянія, и новѣйшую количественную, вообще всѣ теоріи, строящія свои выводы чисто дедуктивнымъ путемъ изъ абстрактныхъ посылокъ. Въ исторіи ученія о переложеніи, тѣсно связаннаго съ теоріей цѣнности и цѣны, наблюдается та же смѣна отвлеченной дедукціи и эмпиризма, какъ и въ теоріи цѣнности; теоретическая экономія то пыталась построить „законы“ образованія цѣны на опредѣленныхъ исходныхъ посылкахъ, на томъ или иномъ ученіи о цѣнности, то отчаявалась въ рѣшеніи этой проблемы и обращалась къ индукціи, къ статистикѣ. Тѣ же этапы пережила теорія переложенія: за абсолютизмомъ абстрактныхъ теорій слѣдовалъ эклектизмъ и эмпиризмъ 40—70-хъ гг., затѣмъ снова періодъ господства дедукціи и абстракціи, который пока еще продолжается, хотя въ теоретической экономіи маятникъ движется, повидимому, уже въ противоположномъ направленіи.

Историческій анализъ теорій переложенія наиболѣе цѣлесообразно разбить на указанные періоды абстрактной дедукціи и индукціи, эмпиризма, по крайней мѣрѣ начиная съ физиократовъ.

До физиократовъ не было цѣльной экономической доктрины, не было, слѣдовательно, и систематической теоріи переложенія: о воззрѣніяхъ экономистовъ того времени на переложеніе мы узнаемъ изъ политическихъ сочиненій, памфлетовъ, проектовъ податныхъ реформъ. Поэтому Селигманъ классифицируетъ эти теоріи по тому налогу, который та или иная „теорія“ выдвигаетъ на первый планъ ¹⁾: такъ въ XVII в. рядъ писателей въ Англіи, начиная съ Гоббса, рекомендуютъ всеобщій акцизъ взаменъ всѣхъ другихъ налоговъ, доказывая, что налоги на потребление перелаживаются съ бѣдняковъ на богатыхъ путемъ повышенія заработной платы (Томасъ Мѣнъ) или что они равномерно распредѣляются между потребителями (В. Петти). Однако съ ростомъ

¹⁾ Эти теоріи подробно изложены Селигманомъ на основаніи изученія подлинныхъ сочиненій, особенно въ послѣднемъ изданіи его труда (р. 19—122).

акцизной системы, тормозившей развивавшуюся промышленность, усилились сомнѣнія насчетъ цѣлесообразности данной формы обложенія. Одни стали искать выхода въ налогахъ на роскошь (Госія Тѣкеръ), другіе—въ обложеніи имущества, владѣнія. Въмѣсто многихъ акцизовъ стали предлагать (М. Деккеръ) „единый акцизъ на дома“, иначе говоря, квартирный налогъ; рекомендуя всеобщій квартирный налогъ, сторонники его, въ сущности, идеализировали господствующую понынѣ въ англійскомъ мѣстномъ обложеніи систему. Происходившее въ XVIII вѣкѣ превращеніе общепомущественнаго land tax въ исключительное обложеніе земли вызывало въ литературѣ и жизни попытки вернуться къ general property tax, который бы захватывалъ и движимый капиталъ, но противъ этихъ попытокъ выдвинута была теорія переложенія, согласно которой все налоги въ концѣ концовъ падаютъ на землю, а потому должны быть замѣнены единымъ налогомъ на землю; эта теорія, предвосхищавшая ученіе физиократовъ, была наиболѣе полно развита Локкомъ и сильно повліяла на взгляды современниковъ, но во второй половинѣ XVIII в. она уступила мѣсто болѣе эклектическимъ воззрѣніямъ Юма и другихъ предшественниковъ классической школы, въ то время какъ во Франціи получила господство первая цѣльная теорія, охватившая всю экономическую жизнь съ т. зр. нѣсколькихъ общихъ принциповъ.

Физиократы. Общеизвѣстная теорія физиократовъ о переложеніи всехъ налоговъ на чистый доходъ земли (produit net, единственную richesse disposable, по выраженію Тюрго) вела къ требованію единаго налога на землю, какъ единственнаго непереложимаго. Она повліяла отчасти на классическую школу въ ученіи о переложимости поземельнаго налога; въ основѣ физиократической доктрины лежало туманное представленіе объ особомъ доходѣ, создаваемомъ не трудомъ получателя, а внѣшними условіями его хозяйственной жизни; этотъ produit net они приурочили къ земледѣлію, какъ въ послѣдствіи Рикардо ограничилъ понятіе ренты земельнымъ доходомъ.

„Классики“. У Смита и Рикардо нѣтъ общей теоріи переложенія, но отдѣльные налоги подробно изслѣдуются именно съ т. зр. ихъ переложимости, и „выводы ихъ отличаются категоричностью“¹⁾, какъ и у физиократовъ; ихъ воззрѣнія тоже нужно отнести къ „абсолютнымъ“ теоріямъ. А. Смитъ считаетъ большую часть налоговъ переложимыми²⁾: подомовый падаетъ на землевладѣльца и квартирнанимателя; изъ доходовъ съ капитала предпринимательской прибыли нельзя обложить, т. к. предприниматели повысятъ ее за счетъ землевладѣльца или потребителя или понизятъ процентъ на ссудные капиталы, а послѣдніе въ случаѣ обложенія уходятъ за границу, понижая ренту и заработную плату. Налоги на отдѣльныя категоріи промышленности (промысловый налогъ) перелагаются обыкновенно на потребителя, если пропорціональны затраченному капиталу, а обложеніе земельныхъ арендаторовъ падаетъ на ренту. Налоги на переходъ собственности настигаютъ самый капиталъ и падаютъ на приобрѣтателя (наслѣдника) или продавца (при возмездномъ переходѣ). Обложеніе заработной платы при неизмѣнныхъ условіяхъ рынка повышаетъ ее и, слѣдовательно, перелагается на предпринимателя, а въ концѣ концовъ на потребителя или землевладѣльца. Налоги на роскошь остаются на плательщикѣ. Т. о. Смитъ считаетъ переложимыми только поземельный налогъ, налогъ на переходъ собственности и на роскошь. Относительно перваго налога выводъ Смита основанъ на его несостоятельной теоріи земельной ренты, которую онъ считалъ продуктомъ особой производительности земледѣльческаго труда (вліяніе физиократовъ).

Рикардо далъ законченную теорію земельной (дифференціальной) ренты, изъ которой логически выведены имъ условія переложенія поземельнаго налога: если бы этотъ налогъ взимался съ чистой ренты, то онъ былъ бы непереложимъ, но разъ онъ взимается со всѣхъ земель, включая наихудшіе безрентные участки, онъ ведетъ къ повышенію

¹⁾ Falck. Kritische Rückblicke auf die Entwicklung der Lehre von der Ueberwälzung 1882, S. 27—29.

²⁾ Wealth of nations, V, p. 372—8. . . .

цѣнъ и, слѣдовательно, перелagается на потребителя (ср. XI, р. 104, 107). Выводы Рикардо подверглись впоследствии серьезнымъ поправкамъ: онъ не учелъ вліянія иностранной конкуренціи (Милль), трудности сокращенія запасекъ, а главное амортизаціи поземельныхъ налоговъ путемъ уменьшенія цѣнности земли ¹⁾; къ тому же онъ не различалъ вліянія разнообразныхъ формъ и основаній поземельнаго налога. Согласно со Смитомъ Рикардо признавалъ переложимость налоговъ на заработную плату и косвенныхъ налоговъ на предметы необходимости, но, въ противоположность Смигу, онъ полагалъ, что всѣ эти налоги падаютъ на прибыль капиталиста. Селигманъ объясняетъ различіе выводовъ тѣмъ, что Рикардо—защитникъ интересовъ движимаго капитала, тогда какъ Смигу ближе интересы недвижимой собственности ²⁾.

Взгляды Смита и Рикардо на переложеніе повторялись послѣдовавшими англійскими экономистами, кончая Дж. Ст. Миллемъ, хотя у послѣдняго теорія потеряла свой абсолютный характеръ и подверглась нѣсколькимъ существеннымъ поправкамъ: налогъ на прибыль, по его мнѣнію, рѣдко падаетъ на капиталиста; въ странѣ, какъ Англія, гдѣ накопленіе капиталовъ происходитъ быстро и процентъ достигаетъ минимума, налогъ на прибыль вытѣснить капиталъ за границу или побудить къ неблагоразумнымъ спекуляціямъ, слѣдовательно, онъ вреденъ. Остаются подоходный, налогъ на роскошь, обложеніе квалифицированнаго труда и ренты, особенно быстро растущей подомовой ренты.

Т. диффузіи. Во Франціи получила широкое распространеніе теорія диффузіи, которую впервые развилъ въ 1800 г. (слѣд., еще до Рикардо) Канаръ въ блестящей работѣ „Principes d'économie politique“, написанной на конкурсную тему Института; „правда ли, что въ земледѣльческой странѣ всякій налогъ падаетъ на земельного собственника?“—Авторъ приходитъ къ отрицательному выводу, со-

¹⁾ Falck, ib., 59.

²⁾ Seligman, 151.

вершенно противоположному физиократической доктринѣ, на основаніи слѣдующихъ любопытныхъ разсужденій: всякій трудъ человѣка доставляетъ ему большей частью, кромѣ необходимыхъ для существованія предметовъ, нѣкоторый избытокъ (*accumulation de travail superflu*)—источникъ веѣхъ „рентъ“ или *produits nets*; будучи приложенъ къ приобрѣтенію познаній, этотъ избытокъ даетъ *rente industrielle*—доходъ отъ квалифицированнаго труда, будучи употребленъ на покупку земли, онъ даетъ *rente foncière* (земельную ренту), а въ торговлѣ—*rente mobilière*. Между этими тремя видами рентъ устанавливается путемъ конкуренціи извѣстное равновѣсіе выгодъ, но въ предѣлахъ каждой отрасли труда есть различія: одни получаютъ большую ренту, другіе—меньшую, третьи—никакой; эти „крайнія ступени“ при ухудшеніи условій труда покидаютъ данную отрасль, такъ что каждая отрасль укорачивается или удлиняется въ зависимости отъ условій рынка.

Обложеніе *salaires nécessaires* (доли заработка, покрывающей необходимыя издержки существованія) повело бы къ исчезновенію „крайней ступени“, т. е. производителей, выручающихъ лишь необходимыя средства къ жизни; слѣдовательно, налогъ долженъ падать лишь на *produit net*—ренту. Распредѣленіе налога происходитъ путемъ обмѣна, а обмѣнъ предполагаетъ колебаніе цѣнъ въ предѣлахъ между издержками производства или „естественной заработной платой“ и монопольной цѣной въ зависимости отъ числа и „трудоуспособности“ покупателей и продавцовъ. Первое дѣйствіе налога—сокращеніе числа потребителей и прибыли продавцовъ; „крайніе производители“ исчезаютъ поэтому изъ обложенныхъ отраслей промышленности и переходятъ въ другія, увеличивая въ нихъ конкуренцію и понижая прибыль, пока убытокъ отъ налога не распространится на всѣ отрасли. „Напрасно капиталисты скрываютъ свои портфели, напрасно экономисты ищутъ способовъ достигнуть скрытые доходы; налогъ похожъ на кровопусканіе: онъ распредѣляется по всему организму“. То же происходитъ и при обложеніи потребленія: оно сокращается, и налогъ перелagается;

поэтому налоги на предметы необходимости не могутъ достигнуть простыхъ рабочихъ, по крайней мѣрѣ на продолжительное время (даже Канаръ дѣлаетъ эту оговорку).—Итакъ, предположеніе нѣкоторыхъ экономистовъ, что въ земледѣльческой странѣ всякій налогъ падаетъ на земельную собственность, неправильно: налогъ падаетъ на всѣ виды дохода. Бремя его становится съ теченіемъ времени нечувствительнымъ, такъ какъ съ уменьшеніемъ средствъ уменьшаются и потребности, а лишившіеся труда бѣдняки переходятъ въ „громадную отрасль труда (sic) для усиленія государства“, т. е. въ армію (не забудемъ, что Канаръ писалъ во время консульства Наполеона).—Но равновѣсіе наступаетъ не сразу, а послѣ періода „трения“, вызываемаго тяжелой борьбой интересовъ; каждый новый налогъ приноситъ новыя тренія и колебанія цѣнъ. Вредъ приносится не самимъ налогомъ, а вызываемымъ имъ нарушеніемъ равновѣсія. Поэтому всякій старый налогъ хорошъ, всякій новый налогъ вреденъ.

Вотъ основной выводъ Канара, ведущій къ оправданію всѣхъ существующихъ, хотя бы и крайне неравномѣрныхъ, налоговъ; поэтому Селигманъ называетъ его теорію оптимистической. — Она построена на поверхностной теоріи спроса и предложенія; авторъ не знаетъ еще о возможности избѣжать налога безъ переложенія, онъ не упоминаетъ ничего объ амортизаціи, о подоходномъ обложеніи и т. д.; но вѣдь книга написана въ 1800 году; между тѣмъ она предвосхищаетъ въ туманной, правда, формѣ нѣкоторыя новѣйшія экономическія построенія (всеобщая рента). Классовый интересъ сквозитъ во всей книгѣ: всѣ налоги падаютъ въ концѣ концовъ на богатыхъ, и потому (sic) обложеніе роскоши бесполезно—необходимо облагать предметы всеобщаго потребленія; таможенныя пошлины и нал. на окна и двери авторъ порицаетъ, а соляной налогъ совѣтуетъ возстановить, т. к. онъ „не потерялъ еще качествъ стараго налога“; авторъ, видно, чувствуетъ, что грѣшитъ противъ своего основного положенія.

Теорія Канара, оправдывая существующіе налоги, была

на руку буржуазнымъ классамъ; мы встрѣчаемъ ее поэтому еще долгое время, напр. у Тьера съ его *diffusion de l'im-pôt*. Въ Германію ее пересадила Приттвицъ въ двухъ легковѣсныхъ сочиненіяхъ—*Theorie der Steuern und Zölle* 1842 и *Kunst reich zu werden*: каждый классъ имѣетъ, молъ, свой *standard of life*, пониженіе котораго вызываетъ уменьшеніе его численности; онъ даже можетъ при сильномъ желаніи этимъ способомъ повысить свое благосостояніе. На этомъ положеніи, которое, по справедливому замѣчанію Фалька ¹⁾, кажется насмѣшкой надъ теоріей Рикардо, основана теорія переложенія Приттвица. Гофмана, Содена и Мальхуса можно тоже причислить къ послѣдователямъ „оптимистической“ теоріи, но важнѣйшимъ ея представителемъ въ Германіи былъ Л. Штейнъ ²⁾: теорія переложенія—самое слабое мѣсто его курса финансовой науки; обѣщавъ „озарить дневнымъ свѣтомъ господствовавшіе до того сумерки“, онъ лишь возвратился, говоритъ Кайцль, къ старымъ ошибкамъ Канара ³⁾; отъ послѣдняго онъ отличается лишь тѣмъ, что считаетъ налогъ не жертвой, а производительной затратой: каждый налогъ входитъ въ издержки производства товаровъ и т. о. перелажается на всѣхъ потребителей, но государственныя услуги, увеличивая производительность труда, возвращаютъ гражданамъ уплоченный налогъ. — Еще легкомысленнѣе сужденія нѣкоторыхъ американскихъ представителей оптимистической школы, к. напр. Уэльса ⁴⁾.

Столь же абсолютный и поверхностный характеръ носить пессимистическая теорія диффузіи Прудона: онъ полагаетъ, что всякій налогъ перелажается на потребителя, а главная масса потребителей—бѣдняки; слѣд., налогъ обременяетъ гл. обр. бѣдныхъ и потому по необходимости несправедливъ; съ другой стороны Прудонъ не вѣритъ въ

¹⁾ Falck, *ib.*, 131.

²⁾ *Lehrb. d. Fin.* II.

³⁾ *Kaizl. Die Lehre von der Ueberwälzung der Steuern* 1882, S. 54; ср. также Falck, S. 145—55, Seligman, p. 165 и ироническій отзывъ Wagner'а въ его *Finanzw.* II, S. 260.

⁴⁾ Ср. уничтожающую критику у Селигмана (1910), p. 167—9.

благодѣтельное вліяніе государственныхъ расходовъ на производительность труда; поэтому все налоги приносятъ бѣднѣйшимъ классамъ только вредъ.

Къ тѣмъ же приблизительно выводамъ приходитъ Ласаль въ своей блестящей рѣчи „о косвенныхъ налогахъ и положеніи рабочаго класса“ (1863): за исключеніемъ подоходнаго (и общепоимущественнаго) налога, все остальные онъ называетъ косвенными; они падаютъ на заработную плату, а поскольку послѣдняя не достигла предѣльной точки голоданія ирландскаго рабочаго или индусскаго кули, постольку она не возрастаетъ подъ вліяніемъ обложенія, и налоги остаются на рабочемъ классѣ.

Обѣ теоріи диффузіи налоговъ, и оптимистическая, и пессимистическая, отличаются общимъ характеромъ: въ противоположность экономистамъ-классикамъ, анализировавшимъ вліяніе на цѣны каждаго отдѣльнаго налога, Канаръ, Прудонъ и др. не детализируютъ проблемы, а пытаются построить теорію переложенія налоговъ вообще. Съ другой стороны, ихъ объединяетъ съ физиократами и классиками абсолютный характеръ ихъ выводовъ: проблема переложенія отвлекается отъ конкретныхъ условій, длинный и сложный процессъ переложенія игнорируется, теорія не знаетъ исключеній, не учитываетъ всей сложности реальной жизни.

Эклектическія теоріи.

Отвлеченный характеръ теоріи переложенія подвергся уже въ началѣ 19-го вѣка критикѣ со стороны ряда экономистовъ: Ж. Б. Сэ, возражая Канару, указывалъ: 1) на сокращеніе спроса при повышеніи цѣнъ, препятствующее полному переложенію; 2) на неравномѣрность косвенныхъ налоговъ и 3) особую переложимость налоговъ на сырые продукты. Отвергая абсолютныя общія правила, онъ утверждаетъ однако полную непереложимость поземельнаго налога—явная непослѣдовательность!

¹⁾ J. B. Say. Elements d'économie politique.

Сисмонди нападалъ на ученіе классической экономіи о переложимости налога съ заработной платы на прибыль предпринимателей. Изъ остальныхъ французскихъ экономистовъ мало кто занимался серьезно вопросомъ о переложении (я оставляю пока въ сторонѣ Курно и Вальраса); можно лишь указать на установленную Парьё (Parieu) „аксіому“ о зависимости переложения отъ возможности сокращенія спроса: „налогъ уплачивается, если предметъ обложенія не способенъ къ изъятію изъ оборота“; отсюда онъ выводитъ „относительную“ непереложимость поземельнаго налога и н. на роскошь. Несомнѣнно, сокращеніе предложенія или спроса является основнымъ условіемъ переложения, но суть вопроса, какъ указываетъ Кайцль, глубже: необходимо выяснитъ, когда налогъ неперемѣнно ведетъ къ ограниченію предложенія или спроса? Этому вопросу Парьё даже не ставитъ...

Сравнительно большее вниманіе, чѣмъ во Франціи, удѣлили переложенію налоговъ нѣмецкіе писатели, но отсутствіе ясной теоріи цѣнности придаетъ большинству теорій эклектической характеръ; съ другой стороны, отказъ отъ абсолютныхъ отвлеченныхъ положеній привелъ къ большому эмпиризму.

Такъ „отецъ“ финансовой науки Рау выводитъ изъ наблюденія дѣйствительности свои опытные законы: 1) переложеніе возможно лишь при измѣненіи цѣны; 2) переложеніе отъ покупателя къ продавцу затруднительно, т. к. измѣненія спроса незамѣтно распредѣляются на всей совокупности товаровъ; 3) переложеніе отъ продавца легче тамъ, гдѣ налогъ взимается съ цѣны товаровъ; 4) почти невозможно переложеніе налога съ опредѣленныхъ личныхъ доходовъ (жалованій); 5) мало переложимы налоги, которые не опредѣляются по количеству товаровъ; 6) налогъ съ источника дохода перелажается, если его можно иначе использовать. Кайцль остроумно называетъ приведенные „законы“ переложения „полуфабрикатами индукціи“²⁾; общаго принципа пере-

1) *Ив.*, S. 46.

2) *О. с.*, 29.

ложенія Рау не даетъ, что объясняется отсутствіемъ точнаго понятія дохода, но все-таки эти законы—большой прогрессъ въ теоріи переложенія; они являются продуктомъ гармоническаго сочетанія у Рау дедукціи и индукціи, хотя послѣдняя не облечена въ статистическую форму, а представляетъ плодъ личныхъ наблюденій.

Болѣе дедуктивный характеръ носить изслѣдованіе Гельфериха о введеніи налога на капиталъ въ Баденѣ ¹⁾: съ цѣлью выясненія его вѣроятнаго вліянія авторъ послѣдовательно анализируетъ четыре случая: 1) исключительное обложеніе одного земельного участка ведетъ къ капитализаціи налога при продажѣ; 2) высокое обложеніе одной отрасли промышленности можетъ лечь на капиталъ производителей или на потребителей въ зависимости отъ возможности сокращенія производства; 3) если обложено только земледѣліе, переложеніе обусловлено отсутствіемъ иностранной конкуренціи; иначе происходитъ амортизація налога; наконецъ, 4) если всѣ промысловые доходы обложены, и только свободна отъ обложенія прибыль на ссудные капиталы, то введеніе налога на эти капиталы понизитъ процентъ или увеличитъ доходъ другихъ предпріятій; предпріятія, въ которыхъ преобладаетъ оборотный капиталъ, сократятся въ числѣ и размѣрѣ и повысятъ цѣны своихъ продуктовъ, пока прибыль не уравнивается снова. Періодъ выравниванія прибыли будетъ тѣмъ короче, чѣмъ выше налогъ и подвижнѣе оборотъ. Если въ разныхъ предпріятіяхъ страны произошло уже до налога выравниваніе прибыли, то введеніе налога породитъ новыя неравномѣрности, слѣд., нежелательно; если же неравенство прибыли имѣло мѣсто до налога, если переходъ капиталовъ изъ одной отрасли въ другую не вполне свободенъ, то налогъ на капиталъ вообще справедливъ (хотя, по мнѣнію автора, онъ былъ въ то время—въ 1846 г.—несвоевременно вслѣдствіе нужды въ деньгахъ).—Мы замѣчаемъ и у Гельфериха нѣкоторое вліяніе теоріи диффузіи, но онъ

¹⁾ Helferich. Ueber die Einführung einer Kapitalbesteuerung in Baden. Zt. f. d. ges. Staatsw. 1846.

не придаетъ ей абсолютнаго характера: заслуга его заключается именно въ томъ, что онъ указалъ границы теоріи и фактическихъ условій, далѣе онъ привлекъ теорію переложенія къ разрѣшенію практической задачи, обратилъ вниманіе на стороннія причины, ведущія помимо налога къ повышенію цѣнъ, и на альтернативу переложенія или амортизаціи налога ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи финансовая литература въ Германіи мало дала для теоріи переложенія: эклектизмъ въ основныхъ экономическихъ предпосылкахъ лишалъ теорію прочнаго базиса, руководящаго принципа и созидательной силы; ограничиваясь критикой абсолютныхъ теорій и гл. обр. теоріи диффузіи, нѣмецкіе теоретики ввели нѣкоторыя частныя поправки, дали терминологию переложенія (Hock: Fortwälzung—переложеніе отъ продавца къ покупателю, Rückwälzung—отъ потребителя къ продавцу—и Abwälzung—избѣжаніе налога путемъ отказа отъ потребленія объекта), нѣкоторые изъ нихъ отмѣтили разницу переложенія при конкуренціи и при монополіи производства (Prince—Smith)²⁾, хотя это различіе до сихъ поръ неясно для большинства нѣмецкихъ изслѣдователей.—Но цѣльной, ясной теоріи переложенія не могло быть, пока не было ясной теоріи цѣнности и пока экономика довольствовалась грубымъ эмпиризмомъ теоріи „издержекъ производства“. Даже наиболѣе выдающіеся финансисты, какъ Шефле и Вагнеръ, не дали въ этомъ вопросѣ много новаго. Первый противопоставилъ ³⁾ переложеніе, какъ частнохозяйственную борьбу плательщика съ фискомъ, борьбѣ публично-правовой (борьбѣ различныхъ публичныхъ союзовъ между собой за право обложенія, борьбѣ

¹⁾ Ср. Kaizl, S. 35—6.

²⁾ Prince-Smith уже въ 66 г. (Gesammelte Schriften. III. Ueber die Abwälzung), анализируя вліяніе налога на пиво въ большомъ городѣ, различалъ случай своб. конкуренціи и монополіи, при наличности которой считалъ налогъ „непереложимымъ“, т. к. монополистъ достигъ уже выгодныхъ цѣнъ; то же онъ доказывалъ и по отнош. къ подомовому налогу.

³⁾ A. Schäffle. Die Steuern. T. I, §§ 212—19.

классовъ или сословій и прочимъ Verteilungskämpfe. — „Явленія переложенія, говорить Шефле, такъ же сложны и запутаны, какъ и великій національный и міровой хозяйственный оборотъ“; поэтому они не допускають общихъ формулъ; современная литература показала неправильность положеній Канара о всеобщемъ разсѣяніи налоговъ, трудность передвиженія капитала и т. д.“. Переходя къ отдѣльнымъ видамъ налоговъ, авторъ признаеть переложимость хлѣбныхъ пошлинъ на потребителя „почти на всю сумму пошрины“, примыкая въ этомъ вопросѣ къ взглядамъ Дитцеля, Брентано и др. Интересно его замѣчаніе о косвенныхъ налогахъ, что переложеніе ихъ тѣмъ легче, чѣмъ ближе моментъ взиманія налога къ моменту потребленія. Вмѣстѣ съ большинствомъ современниковъ Ш. признаеть непереложимымъ подоходный налогъ, т. е., молъ, плательщику „при условіи равномѣрности“, нѣтъ выгоды въ перемѣщеніи капитала и труда. Личное обложеніе можетъ послужить толчкомъ къ повышенію или пониженію цѣнъ, возможному и безъ налога, но такія измѣненія нельзя назвать переложеніемъ. (Этѣ вѣрное и мѣткое замѣчаніе Ш. можно отнести и ко всѣмъ другимъ налогамъ). Въ реальныхъ налогахъ происходятъ частыя и продолжительныя колебанія между прямымъ и обратнымъ переложеніемъ, что является однимъ изъ многихъ другихъ ихъ недостатковъ. — Прочіе выводы Шеффле не представляють особаго интереса.

Вагнеръ ¹⁾ выяснилъ соціальныя условія переложенія и показалъ, что „законъ уравниенія прибыли“ не объясняетъ еще явленій переложенія: равное обложеніе объективнаго дохода (Ertrag) не ведетъ еще къ равенству обложенія субъективнаго дохода (Einkommen), и обратно; стремленіе къ переложенію податнаго бремени существуетъ и при равномѣрномъ подоходномъ налогѣ (хотя средства различны при разныхъ источникахъ дохода).

Такимъ образомъ Вагнеръ нанесъ ударъ довольно распространенному въ 70-хъ гг. воззрѣнію о полной неперело-

¹⁾ Finanzwissenschaft II, S. 332—69.

жимости лично-подходнаго налога, которое мы встрѣчаемъ у Кайцля, у такого скептика, какъ Гельдъ, и у социалистическихъ писателей.

Вагнеръ еще и тѣмъ отличается отъ большинства своихъ нѣмецкихъ современниковъ, что онъ признаетъ громадное значеніе дедуктивнаго метода: статистическое изслѣдованіе, говоритъ онъ, можетъ показать, что та или иная теорія переложения неприложима къ данному случаю, что въ самой исходной посылкѣ или дальнѣйшихъ умозаключеніяхъ кроется ошибка; но во всякомъ случаѣ на томъ, кто отрицаетъ приложимость теоріи къ конкретному случаю, лежитъ бремя доказательства—онъ не можетъ ссылаться на неметодическія „наблюденія“..., не имѣющія никакого значенія. Анализъ отдѣльныхъ налоговъ приводитъ, однако, автора къ выводу, что въ области переложения можно лишь говорить о тенденціяхъ, а не о точныхъ законахъ; сложность и неопредѣленность переложения требуютъ особой осторожности въ выборѣ налоговъ; изъ нихъ онъ отдаетъ предпочтеніе налогамъ наслѣдства, какъ непереложимому, личнымъ налогамъ предъ реальными, въ виду ихъ трудной переложимости, а изъ формъ косвеннаго обложенія—монополіямъ въ виду того, что здѣсь непосредственно настагается искомый плательщикъ-потребитель.

Изложенные взгляды Вагнера свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не повиненъ въ грѣхахъ исторической школы съ ея высокоумно-презрительнымъ отношеніемъ къ „рикардовской“ экономіи, но для теоріи переложения онъ ничего собственно новаго не далъ. Къ тому же онъ способствовалъ распространенію взгляда, что переложеніе—„вопросъ экономической силы“—eine Machtfrage, что экономически сильнѣйшій, напр., капиталистъ, имѣетъ возможность перебросить бремя на слабѣйшаго контрагента. Это пессимистическое положеніе въ столь общей формѣ невѣрно; оно ведетъ, въ сущности, къ отказу отъ анализа, отъ детальнаго изученія вліянія каждаго налога на образованіе цѣнъ; за эту распространенную формулу прячется незнаніе законовъ переложения и нежеланіе отыскивать ихъ.

Слабость теоретической мысли въ Германіи привела къ скептицизму и разочарованію: многіе находили, что нельзя установить никакихъ общихъ законовъ переложенія; къ этому „агностическому“ направленію причисляютъ нерѣдко Гельда ¹⁾.

Статистическія изслѣдованія.

Малая продуктивность отвлеченныхъ построений вызвала попытку отыскать другой путь къ изученію переложенія — путь статистической индукціи: сравнивая среднія цѣны на продукты до и послѣ обложенія или въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ налога и подлежащихъ ему, опредѣляютъ вліяніе косвеннаго обложенія; таковы: работа Ласпейреса ²⁾ о вліяніи отѣны налоговъ на помоль и убой въ городахъ Силезіи, въ которой ясно доказано пониженіе цѣнъ благодаря этой реформѣ, далѣе изслѣдованія Шанца, Конрада и др.

Шанць ³⁾ изслѣдовалъ вліяніе акциза на пиво (на солодь) въ Баваріи на цѣны пива: для этого онъ сравнивалъ цѣны въ мѣстностяхъ съ различными ставками мѣстныхъ сборовъ (опредѣлить цѣны до установленія налога не было возможности); оказалось, что въ Мюнхенѣ при высокому налогѣ цѣны ниже, чѣмъ, напр., въ Мурнау при вдвое меньшемъ налогѣ; слѣд. мѣстный налогъ, казалось бы, не отражается на цѣнѣ. Но это было бы поспѣшнымъ заключеніемъ: соединивъ мѣста съ одинаковыми ставками и взявъ въ каждой группѣ среднія цѣны пива, авторъ получилъ иной результатъ: распивочныя цѣны ниже при болѣе низкомъ налогѣ, и обратно; мало того, распивочныя цѣны возрастаютъ на сумму

¹⁾ Селигманъ нѣсколько преувеличиваетъ скептическіе выводы Гельда, относя его къ „агностической“ школѣ; въ дѣйствительности, у Гельда есть опредѣленные, даже черезчуръ категорическія положенія, напр. о непереложимости подоходнаго налога.

²⁾ Oesterreichische Statistische Monatschrift 1877.

³⁾ G. Schanz. Zur Frage von der Ueberwälzung indirekter Verbrauchssteuern auf Grund d. Bayerischen Malzaufschlags. Schmoller's Jahrb. 1882 H. 2.

большую, чѣмъ налогъ; и оповыя цѣны сравнительно меньше (!) зависятъ отъ различія ставокъ. -- Повышеніе государственнаго акциза въ 79 г. не отразилось на цѣнахъ, испытавшихъ даже пониженіе. Выводъ автора: дѣйствіе налога крайне разнообразно и затемняется рядомъ другихъ условій. Какъ видите, довольно мизеренъ результатъ сложныхъ статистическихъ изысканій!

Къ болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ пришли нѣкоторые изслѣдователи въ вопросѣ о вліяніи хлѣбныхъ таможенныхъ пошлинъ на цѣны, поднятомъ въ Германіи въ связи съ развитіемъ аграрнаго протекціонизма (раньше въ началѣ XIX в.—онъ служилъ предметомъ дебатовъ въ Англіи, но тамъ разрѣшался преимущественно дедуктивнымъ путемъ). Вводя пошлины на хлѣбъ, Бисмаркъ выдвинулъ между прочимъ въ защиту ихъ положеніе, что ихъ несетъ главнымъ образомъ не нѣмецкій потребитель, а русскій производитель, т. к. пошлина понижаетъ цѣну на хлѣбъ въ экспортирующей странѣ; второе положеніе Бисмарка заключалось въ томъ, что цѣна зерна и муки не отражается на цѣнѣ испеченнаго хлѣба, т. ч. если бы даже пошлина перелagалась на нѣмецкаго торговца или булочника, она не достигаетъ потребителя. — Оба тезиса подверглись оживленной критикѣ и статистической провѣркѣ въ работахъ Конрада, Brentano, Лексиса и др.

Вліяніе пошлины на оповыя цѣны пшеницы, по крайней мѣрѣ послѣ возвышенія пошлины въ 1885 году, вполне ясно обнаружилось изъ сравненія цѣнъ въ Лондонѣ и Берлинѣ или Кельнѣ; разница рѣзко увеличилась съ 86-го г. Дальнѣйшія изысканія показали, что пошлины на рожь, для которой Германія служитъ главнымъ рынкомъ экспорта, тоже не падаютъ на русскихъ производителей: то обстоятельство, что цѣна ея въ Германіи не повысилась въ 85-мъ году, несмотря на повышеніе пошлины, объясняется значительнымъ урожаемъ ея въ Россіи, рѣзко увеличившимъ предложеніе (Lexus. Festgabe für Hansen). Впослѣдствіи—въ 90-хъ и 900-хъ годахъ—сравненія хлѣбныхъ цѣнъ за 78—95 годъ въ Берлинѣ и Амстердамѣ (Brentano), а также данцигскихъ цѣнъ за

1888—91 годы на оплаченный и не оплаченный пошлиной хлѣбъ (Vogelstein) обнаружили полную переложимость пошлины.

Такъ же былъ опровергнутъ и второй тезисъ Бисмарка: Hirschberg и Roncador доказали, что измѣненія въ цѣнѣ зерна и муки отражаются и на печеномъ хлѣбѣ—не въ цѣнѣ, а въ вѣсѣ его; со вздорожаніемъ муки пекари, оставляя прежнюю цѣну, уменьшаютъ вѣсъ продаваемого хлѣба.

Такимъ образомъ индуктивное статистическое изслѣдованіе разрушило апіорные доводы аграрныхъ протекціонистовъ, и теперь даже сторонники хлѣбныхъ пошлинъ (Diehl, Wagner), признавая ихъ переложимость на нѣмецкаго потребителя, опираются на совершенно иные доводы, защищая необходимость „жертвы“ населенія въ пользу сельскаго хозяйства.

Признавая полезную роль, сыгранную въ приведенномъ спорѣ статистикой, нужно замѣтить, однако, что наиболѣе убѣдительныя изслѣдованія появились сравнительно не давно, тогда какъ въ 80-хъ годахъ поднятый Бисмаркомъ „научный“ споръ далеко не могъ считаться рѣшеннымъ; выясненію истины много способствовала блестящая, чисто дедуктивная аргументація Дитцеля; наконецъ, въ данномъ вопросѣ индуктивно-статистическій методъ встрѣчаетъ благоприятныя условія примѣненія въ наличности оптовыхъ биржевыхъ цѣнъ и всемірнаго рынка.

Гораздо труднѣе была задача по отношенію къ прямымъ налогамъ, особенно къ поземельному и подомовому, гдѣ образованіе цѣнъ совершенно необъяснимо на основаніи теоріи издержекъ производства, а статистическихъ данныхъ было очень мало; здѣсь особенно рѣзко сказывался недостатокъ теоретическаго базиса.

Въ вопросѣ о переложимости налоговъ на потребленіе, на заработную плату преобладалъ взглядъ, что дѣло рѣшаетъ „экономическая сила“, что налогъ всегда падаетъ на слабѣйшаго и т. д.

Эмпиризмъ экономической науки размѣнялся на частности, индуктивный методъ приводилъ къ весьма неопредѣленнымъ

выводамъ, а въ предпосылкахъ дедукціи чувствовалось шатаніе. Въ теоріи переложенія господствовалъ релятивизмъ, сводившій всё условія переложенія къ „соотношенію силъ“, или скептицизмъ, отрицавшій вообще возможность выяснить переложимость налоговъ. Историческіе очерки теорій переложенія Кайцля и Фалька, появившіеся въ 80-ыхъ г.г., показываютъ намъ, какъ слаба была теоретическая мысль въ этой области.

I. Kaizl (D. Lehre v. d. Ueberwälzung d. Steuern 1882) посвящаетъ догматическую часть своей книги точному установленію понятій переложенія и вопросу о переложимости подоходнаго налога, который онъ считаетъ непереложимымъ при условіи всеобщности и равномерности: всё плательщики, молъ, одинаково (?) сокращаютъ удовлетвореніе своихъ потребностей, но сокращеніе спроса на товары со стороны частныхъ лицъ возмѣщается (?) усиленіемъ спроса со стороны государства; равномерный налогъ не создаетъ стимула къ перемѣнѣ источника дохода (занятія) и т. о. ничего не измѣняетъ въ динамическомъ отношеніи спроса и предложенія (стр. 102—3).—Эти сужденія, въ которыхъ правильные взгляды перемѣшаны съ преувеличеніями и гдѣ не разграничиваются субъективный и объективный доходъ, проникнуты вѣрой въ равномерный подоходный налогъ, непереложимый, совершенный. Ту же вѣру мы встрѣчаемъ у Kleinwächter'a (Zwei steuertheoretische Fragen. Fin. — Archiv 1886): „если налоги падаютъ на личный доходъ и взимаются „благоразумно“, т. е. съ чистаго дохода, то всякое переложеніе a priori (!) исключается“.

Falck (Kritische Rückblicke auf die Entwicklung der Lehre von der Ueberwälzung 1882), критикуя Кайцля, совершенно справедливо возражаетъ противъ распространеннаго мнѣнія о непереложимости подоходнаго налога, что необходимое для переложенія условіе—измѣненіе мѣновыхъ отношеній между плательщиками—можетъ имѣть мѣсто и при самомъ равномерномъ обложеніи личнаго дохода. Съ другой стороны, Фалькъ напрасно упрекаетъ Кайцля въ примѣненіи термина „переложеніе“ къ частнохозяйственнымъ отношеніямъ; самъ

онъ черезчуръ расширяетъ понятіе и, слѣдуя за Вагнеромъ, признаетъ зависимость переложенія отъ „экономической силы“ плательщиковъ. А такъ какъ при существованіи хозяйственной свободы нельзя уничтожить рыночной борьбы, то вызываемыя налогами потрясенія оборота могутъ быть смягчены лишь путемъ расширенія хозяйств. дѣятельности государства, при переходѣ въ руки государства жел. дорогъ, лѣсовъ, страхованія и нѣкоторыхъ другихъ орудій производства. Таковы государственно-соціалистическіе выводы автора, далеко выходящіе за рамки вопроса о переложеніи налоговъ въ томъ тѣсномъ значеніи, при которомъ только и возможенъ научный анализъ его.

Теорія предѣльной полезности и новый періодъ въ развитіи ученій о переложеніи.

Лишь за послѣднія 2—3 десятилѣтія мы замѣчаемъ новый подъемъ въ теоріи переложенія; она возвратилась къ абстрактнымъ конструкціямъ и дедуктивному методу, слѣдуя въ этомъ отношеніи за общимъ теченіемъ экономической мысли. Теорія предѣльной полезности дала новую попытку объясненія цѣнности и цѣны, что должно было повлечь пересмотръ теоріи переложенія. Уже первые представители означенной теоріи занялись этой проблемой: Курно еще въ 1838 г. ¹⁾ приложилъ свою теорію цѣнъ и математическія формулы къ анализу переложенія налоговъ при условіяхъ монополіи: налогъ, независимый отъ количества продукта или пропорціональный чистому доходу монополиста, не оказываетъ прямого вліянія на цѣну, а, слѣд., и на количество продукта и поэтому не обременитъ потребителя. (Онъ уменьшитъ доходъ производителя, капитализуется и при продажѣ имущества будетъ амортизованъ). Налогъ, пропорціональный количеству продукта („взимаемый съ единицы продукта“), увеличивая издержки, сократитъ по-

¹⁾ Cournot. Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses 1838 и послѣд. изд.—Principes de la théorie des richesses 1863.

требление или производство; въ цѣнѣ, уплачиваемой потребителемъ, заключается не только сумма налога, но и проценты на нее, и прибыль посредниковъ; поэтому лучше всего облагать продукты въ послѣдней стадіи—у самого потребителя.

Налогъ, соразмѣряемый съ цѣной продукта, тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ меньшую долю въ цѣнѣ составляетъ прибыль монополиста. Этотъ интересный выводъ полученъ авторомъ съ помощью очень простыхъ алгебраическихъ формулъ.

Къ тѣмъ же выводамъ въ 70-хъ годахъ пришелъ нѣсколько инымъ путемъ (геометрическаго доказательства) современникъ Вальраса и Джевонса инженеръ Fleeming Jenkin ¹⁾: всякій налогъ, по его мнѣнію, беретъ часть выгодъ при обмѣнѣ продавца и покупателя, причѣмъ потери ихъ больше суммы налога, и чѣмъ выше налогъ, тѣмъ больше разница между потерей нар. хозяйства и суммой поступленийъ отъ налога. То же и при международномъ обмѣнѣ: пошлина въ 2 пенса, установленная на ввозимый изъ Америки хлопокъ, сократитъ ввозъ, скажемъ, съ 500 до 300 м. б., и понизитъ цѣну хлопка въ Америкѣ, скажемъ, на 2 пенса; слѣд., налогъ дастъ $300 \cdot 2 = 600$ м. шилл. или 30 м. ф., а потеря американскихъ продавцовъ и англійскихъ покупателей составитъ $600 + 200 = 800$ м. шилл. или 40 м. ф. Тѣ же принципы Jenkin прилагаетъ къ анализу подомоваго, поземельнаго налога и др.

Проблема переложения въ Англійи сосредоточилась въ дальнѣйшемъ почти исключительно около полувѣкового спора о распредѣленіи мѣстныхъ налоговъ—rates: еще съ 60-хъ г.г. раздались требованія о томъ, чтобы возложить половину этихъ сборовъ, уплачиваемыхъ исключительно нанимателями недвижимости, на собственниковъ; центральнымъ вопросомъ, который, казалось бы, долженъ былъ опредѣлить отношеніе къ реформѣ, былъ слѣдующій: не перелагаются ли и безъ того мѣстные сборы съ нанимателя на собственника? большинство членовъ созданной Гошеномъ въ 1870 г. комиссіи признавали переложимость сборовъ на собственниковъ, причѣмъ одни

¹⁾ Fleeming Jenkin. On the principles which regulate the incidence of taxes.—Papers literary and scientific II, p. 107—121.

(Вахтер...) заключали отсюда о бесполезности реформы, другие (Гошень, Грей...) настаивали на „раздѣленіи“ сборовъ въ интересахъ долгосрочныхъ арендаторовъ, заключившихъ контракты давно, когда мѣстные сборы были невелики; т. о. теоретическій вопросъ вызывалъ мало споровъ. Гораздо детальнѣе онъ обсуждался въ комиссіи о городскихъ арендахъ — Town holding Committee 1886—91 г., разсматривавшей между прочимъ проектъ обложенія земельной ренты, а также въ знаменитой комиссіи 1900 г. о мѣстномъ обложеніи; богатѣйшій матеріалъ этихъ комиссій, заключающій въ себѣ отзывы всѣхъ лучшихъ знатоковъ вопроса, и вызванныя ими монографіи Blunden'a, Sargent'a (Urban rating:) и мн. др., представляютъ большой интересъ для изученія вопроса ¹⁾: къ сожалѣнію, матеріалъ недостаточно систематизированъ, въ теоретическомъ спорѣ слишкомъ рѣзко сказывается борьба интересовъ и поражаетъ почти полное отсутствіе статистическаго обоснованія и вообще индуктивнаго изслѣдованія. Извѣстный экономистъ Edgeworth подвергъ данный вопросъ объективному научному анализу ²⁾ и попытался изъ часто кажущагося многообразія

¹⁾ См. R. Com. on loc. taxation, особ. Memoranda 1899 (С. 9528), Sel. Com. on town hold, Evid. 1890—91 и Draft Report. и мою книгу „Облож. гор. недвиж.“ Т. II, §§ 30—32.

²⁾ Edgeworth. The incidence of urban rates. The econ. journal 1900 (Vol. X).—June—Aug. Налогъ по наемной платѣ дома подчиняется, по его мнѣнію, тѣмъ же законамъ (переложенія), что и всѣ налоги на потребление: понижая удовлетвореніе жилищной потребности, онъ сокращаетъ спросъ на дома и, слѣд., на землю; пониженіе земельной ренты тѣмъ больше, чѣмъ больше эластичность жилищной потребности; если нѣкоторые отрицаютъ указанную переложимость англійскаго подомоваго налога, то лишь въ силу легкости его (Bastable) или потому, что считаютъ рентный элементъ въ подомовомъ доходѣ исключеніемъ (Blunden); авторъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Блэндена и др., будто жилищная потребность во всѣхъ слояхъ населенія неэластична и что весь налогъ падаетъ на нанимателя, но съ другой стороны отвергаетъ и распространенную формулу Смита, по которой налогъ распределяется между землевладѣльцемъ и нанимателемъ пропорціонально отношенію цѣнности земли къ стоимости постройки. Переходя отъ государственныхъ налоговъ къ мѣстнымъ, Э. признаетъ вліяніе конкуренціи сосѣднихъ городовъ и селеній, облегчающее высе-

и разнорѣчія взглядовъ выдѣлать по вопросамъ переложенія нѣкоторое *communis opinio doctorum*.

Много вниманія было удѣлено въ отзывахъ Комиссіи вліянію тренія (инерціи, привычки). Большіе споры вызвали проекты обложенія земельной ренты (*site values*), причемъ наиболѣе интересныя соображенія представлены Маршалемъ въ его отзывѣ и въ курсѣ Политич. Экономіи (Book III).

Описанный споръ о конечномъ плательщикѣ мѣстныхъ сборовъ нѣсколько оживилъ интересъ и къ общей теоріи переложенія: Эджуорсъ²⁾ приложилъ къ анализу проблемы методъ (дедуктивныхъ) комбинацій своего учителя Джевонса, опредѣливъ альтернативныя условія обмѣна, отражающіяся на переложеніи: происходитъ ли оно при свободной конкуренціи (*A*) или монополіи (*a*), при растущихъ издержкахъ производства (*B*) или нѣтъ (*b*), принимается ли въ соображеніе подвижность капитала и труда (*C*) или не принимается (*c*), наконецъ, взимается ли налогъ по количеству товаровъ (*D*) или съ чистаго дохода (*surplus*)—(*d*).— При свободной конкуренціи, подвижности капитала... (*ABCD*) налоги съ продукта (напр. таможенные пошлины) перелажаются на покупателя, но вредятъ и продавцу; налогъ на чистый доходъ — *surplus* (*ABCd*) не нарушаетъ экон. равновѣсія, слѣд., непереложимъ, но трудно не задѣтъ отчасти издержекъ производства (*intramarginal income*)...; монополистъ (*aBCD*) несетъ налогъ всецѣло лишь въ 2 случаяхъ: если онъ не можетъ уменьшить количества товара или если онъ — единственный покупатель; въ остальныхъ случаяхъ налогъ и здѣсь ведетъ къ возвышенію цѣнъ.—Главная заслуга Эджуорса заключается въ примѣненіи описаннаго метода комбинацій и въ изслѣдованіи переложимости налоговъ на монопольные и конъюнктурные доходы. Другіе

леніе жителей изъ высоко обложенныхъ мѣстъ, но онъ все-таки полагаетъ, что вызываемое этимъ пониженіе земельной ренты значительно меньше, чѣмъ кажется на первый взглядъ; къ тому же выгоды, приносимыя мѣстными расходами, часто вполне окупаютъ повышение сборовъ, и спросъ на дома не сокращается.

²⁾ Edgeworth. The pure theory of taxation. Econ. Journ. VII (1897).

англійскіе и американскіе экономисты (Бастэбл...) не прибавили ничего существеннаго и оригинальнаго къ приведеннымъ теоріямъ.

Въ 92-мъ г. американскій профессоръ Селигманъ ¹⁾ выпустилъ интересное историческое и систематическое изслѣдованіе о переложеніи налоговъ съ богатѣйшимъ литературнымъ матеріаломъ, но своего онъ ничего почти въ теорію не внесъ; въ послѣдующихъ изданіяхъ (1899 и 1910-й г.г.) онъ значительно дополнилъ свою работу, включивъ общую теорію.

Можно прослѣдить на послѣдовательныхъ изданіяхъ его труда прогрессъ теоріи: въ 2-омъ и особенно въ 3-емъ изд. (1910 г.) видно громадное вліяніе Эджуорса и италіанскихъ работъ; глава объ „общихъ принципахъ“ переложенія, о подомовомъ нал. и др. совершенно переработаны подъ вліяніемъ Эйнауди. Но собственныя воззрѣнія автора мало оригинальны и свидѣтельствуютъ о слабости аналитическаго мышленія. Общіе выводы его слѣдующіе: чѣмъ долговѣчнѣе облагаемый предметъ, тѣмъ тяжелѣе бремя (амортизація) будущихъ платежей, падающее на первоначальнаго собственника (при продажѣ); налогъ на монопольное производство труднѣе перелажается, чѣмъ при свободной конкуренціи; чѣмъ болѣе общій характеръ имѣетъ налогъ, тѣмъ труднѣе миграція (капиталовъ, труда) и переложеніе налога; налогъ на неподвижные капиталы перелажается съ трудомъ; переложеніе облегчается устойчивостью спроса (*persistent demand*), и обратно; если издержки различныхъ производителей значительно разнятся, производители, работающіе при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ, могутъ не выдержать налога, свободно уплачиваемаго болѣе (жизне)способными производителями; при падающихъ издержкахъ переложеніе легче чѣмъ при пропорціональныхъ или растущихъ издержкахъ (? см. выше, стр. 73); обложеніе чистой прибыли (*surplus*) надъ средними издержками мало подвержено переложенію; чѣмъ

¹⁾ E. Seligman. On the shifting and incidence of taxation 1892 (2d ed. 1899; 3d ed. 1910).

меньше налогъ, тѣмъ меньше производимое имъ нарушеніе равновѣсія въ условіяхъ спроса и предложенія (вотъ открытіе!); прогрессивный (graduated) характеръ налога... усиливаетъ или ослабляетъ тенденцію переложенія въ зависимости отъ степени прогрессивности или регрессивности (совершенно неясно выраженное положеніе: авторъ хочетъ, вѣроятно, сказать, что прогрессія затрудняетъ переложеніе); ...если облагаемый предметъ служить для дальнѣйшаго производства, то, въ зависимости отъ разныхъ условій, процессъ переложенія можетъ продолжиться вплоть до потребителя конечнаго блага.

Приведенные теоретическіе выводы или не новы, или мало содержательны.—Интереснѣе главы, гдѣ авторъ анализируетъ отдѣльные налоги, но и здѣсь онъ б. ч. излагаетъ взгляды италіанскихъ изслѣдователей, особенно въ главахъ о поземельномъ и подомовомъ налогахъ.

Во французской литературѣ ни Курно, ни Вальрасъ—этотъ самый оригинальный представитель теоріи предѣльной полезности—не оставили школы; ихъ продолжатель Парето имѣетъ учениковъ и послѣдователей гл. обр. въ Италіи; въ извѣстномъ курсѣ Леруа-Больё и др. теоріи переложенія удѣлено мало вниманія, а интересныя построенія основателей „математической“ школы остались безъ всякаго вліянія.

Гораздо большее вліяніе оказала на теорію переложенія австрійская школа.

Въ то время, какъ Кайцль, Фалькъ, Клейнвехтеръ вращались еще въ кругу господствовавшихъ въ нѣмецкой литературѣ эклектическихъ воззрѣній, Р. Мейеръ построилъ свое ученіе о переложеніи на базисѣ теоріи предѣльной полезности, постепенно завоевавшей отдѣльную область экономической науки. М. разсматриваетъ переложеніе, какъ частный случай вліянія налога на частное хозяйство, т. е. реакціи послѣдняго на дѣйствія финансовой власти. Непосредственное дѣйствіе налога заключается въ уменьшеніи оборотнаго капитала (нал. на издержки производства) или личнаго дохода. Сокращеніе дохода 1) лишаетъ плательщика удовлетворенія наименѣе настоя-

тельныхъ потребностей, 2) увеличиваетъ интенсивность всѣхъ остальныхъ потребностей (стр. 203). Такое же вліяніе оказываютъ и налоги на потребление: хотя кажется на первый взглядъ, что каждымъ налогомъ стѣняется удовлетвореніе опредѣленной потребности (въ подлежащихъ налогу объектахъ), но въ дѣйствительности слѣдствіемъ обложенія однихъ предметовъ можетъ быть неудовлетвореніе совершенно иной потребности (менѣе важной).— Налогъ оказываетъ дѣйствіе и тогда, когда не уплачивается, т. к. заставляетъ сократить и измѣнить характеръ потребления. На ряду съ этими непосредственными слѣдствіями налога, онъ оказываетъ и производныя. Вообще, „если подъ словомъ переложеніе понимать вліяніе налога на хозяйственные круги, лежащіе за областью обложенія, то можно сказать: всякій налогъ переложимъ (277); если же подъ этимъ терминомъ понимать освобожденіе плательщика отъ дѣйствія налога, то можно сказать: нѣтъ вполнѣ переложимыхъ налоговъ (269). Эти совершенно вѣрные выводы Мейера свидѣтельствуютъ только о томъ, что не слѣдуетъ придавать понятію „переложеніе“ столь обширное значеніе, т. к. оно становится непродуктивнымъ, бесплоднымъ съ эвристической точки зрѣнія.

Рядъ обстоятельствъ можетъ нарушать, по словамъ М., нормальное дѣйствіе налоговъ: остатки натурального хозяйства, отсутствіе точныхъ расчетовъ въ мелкихъ хозяйствахъ, гдѣ объективный и субъективный доходъ недостаточно разграничены, принудительныя взыскаія и т. д. Но при нормальныхъ условіяхъ денежнаго оборота налогъ, сокращая предложеніе облагаемыхъ товаровъ, ведетъ къ повышенію цѣнъ; однако есть извѣстная максимальная граница для повышенія: оно всегда (?) меньше налога, т. к. наиболѣе слабыя предпріятія исчезаютъ и, слѣд., средний уровень издержекъ производства падаетъ (243).

Болѣе спорны сужденія Мейера насчетъ измѣненія %о-наго уровня подъ вліяніемъ налоговъ: исходя изъ ошибокъ

1) R. Meyer. Die Principien der gerechten Besteuerung 1884. II Abschn Die Wirkung der Steuer auf die Privatwirtschaft.

ной теоріи Гельда ¹⁾, согласно которой „реальный“ уровень прибыли есть средняя арифметическая прибылей всѣхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, М. полагаетъ, что отливъ капиталовъ изъ обложенной отрасли промышленности ведетъ къ пониженію средняго („реальнаго“) уровня прибыли, а, слѣд., и %-наго уровня; слѣдов., часть налога падаетъ на капиталы и не перелagается на покупателей товаровъ; чѣмъ больше облагаемая отрасль промышленности, тѣмъ больше понижается средній уровень %, и обратно: чѣмъ меньше данная отрасль, тѣмъ полнѣе переложение налога. Поскольку невѣрна теорія „средней арифметической прибыли“, постольку вмѣстѣ съ ней падаютъ, по моему мнѣнію, и тѣ логическіе выводы, которые дѣлаетъ изъ нея Мейеръ.

Въ заключеніе авторъ ставитъ вопросъ, столь интересовавшій всѣхъ писавшихъ о переложении: способствуетъ ли оно выравниенію податнаго бремени? Нѣкоторое выравниеніе несомнѣнно, но оно вовсе не приводитъ къ распредѣленію бремени пропорціонально доходу; и обратно, переложение далеко не всегда имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ налогъ не пропорціоналенъ доходу. „Переложение само по себѣ не имѣетъ никакого отношенія ни къ пропорціональному, ни къ прогрессивному подоходному обложенію“ (271); „оно—не лекарство противъ уклоненій налоговъ отъ этого масштаба и не злой врагъ, парализующій всякое стремленіе къ равномѣрности обложенія“. Таковы выводы Мейера, далекіе какъ отъ оптимизма Канара, такъ и отъ пессимизма Прудона и безнадежной теоріи „побѣды сильнѣйшаго“, столь популярной въ Германіи. Работа Мейера представляетъ значительный шагъ впередъ въ теоріи переложения, несмотря на неудачную теорію „реальнаго“ уровня прибыли и недостатокъ точнаго опредѣленія „переложения“.

Книга Мейера мало обратила на себя вниманіе въ нѣмецкой литературѣ, а взгляды его не получили дальнѣй-

¹⁾ См. критику ея у Фалька, S. 157—163.

шаго развитія: въ 90-ыхъ г.г. Knut Wicksell ¹⁾ справедливо жалуется на недостатокъ вниманія къ вопросу о переложеніи въ нѣмецкой литературѣ, несмотря на чрезвычайную практическую важность его. „Переворотъ“ въ ученіи о цѣнности и цѣнѣ, произведенный трудами Джевонса, Менгера, Вальраса, и ученіе Бёмъ-Баверка о прибыли на капиталъ разрушили, по мнѣнію автора, тотъ заколдованный кругъ „издержекъ производства“, изъ котораго не могли выбраться Гельдъ и другіе экономисты, и побуждаютъ къ пересмотру господствующей теоріи переложенія въ трехъ отношеніяхъ: 1) необходимо замѣнить понятіе переложенія болѣе общимъ—паденія (бремени) налога (Incidenz), т. к. жертва, приносимая плательщикомъ, далеко не ограничивается переложенной на него долей налога (врядъ ли указанное расширеніе цѣлесообразно. В. Т.); 2) не слѣдуетъ смѣшивать вопроса о бремени (Incidenz) налога съ вопросомъ о назначеніи, расходованіи полученныхъ государствомъ средствъ; 3) нельзя говорить о переложеніи исключительно между производителемъ и потребителемъ, т. к. каждый производитель вмѣстѣ съ тѣмъ является потребителемъ. (Ничего новаго тутъ нѣтъ. В. Т.).

Свое изслѣдованіе В. начинаетъ съ анализа переложенія при условіи монопольной прибыли: монополистъ не можетъ произвольно повышать цѣны, т. к. это сокращаетъ спросъ; онъ стремится къ такой цѣнѣ, при которой получаетъ максимальный чистый доходъ. Налогъ, падающій на чистый доходъ монополиста, не можетъ вліять на цѣну продукта; обложеніе, пропорціональное количеству продукта, увеличиваетъ издержки производства и побуждаетъ къ повышенію цѣнъ (т. е. переложенію), но чистая прибыль монополиста уменьшается съ повышеніемъ цѣнъ, т. ч. въ результатѣ и онъ теряетъ сумму, равную налогу (а то и болѣшую), и потребители теряютъ отъ повышенія цѣнъ или отъ сокращенія потребленія; потери обѣихъ сторонъ значительно превышаютъ

¹⁾ Knut Wicksell. Finanztheoretische Untersuchungen. Jena, 1896. Zur Lehre von der Steuerincidenz.

сумму поступлений; отсюда, по мнѣнію В., ясно вытекаетъ преимущество налога на чистый доходъ (лично-подходнаго). Третья форма—обложение по цѣнѣ объекта или, иначе, по валовому доходу—занимаетъ среднее мѣсто между двумя предшествующими: она тоже вызываетъ повышение цѣны (переложение), но въ меньшей степени, чѣмъ при обложеніи по количеству продукта¹⁾.

Переходя къ распредѣленію налога (Steuerincidenz) при условіи свободной конкуренціи, В. начинаетъ съ анализа гипотетическаго хозяйственнаго союза, въ которомъ производится только одинъ продуктъ W , и гдѣ, слѣд., налогъ можетъ выразиться лишь въ измѣненіяхъ доходовъ производителей; какъ онъ распредѣляется между капиталистомъ и рабочимъ?

Отвѣтъ даетъ, по мнѣнію В., только одна теорія—Бѣмъ-Баверка: измѣненія заработной платы и прибыли зависятъ отъ возможности и выгодности удлиненія производственнаго („инвестиціоннаго“) періода, способствующаго увеличенію производительности труда и доли капиталиста въ продуктѣ (прибыли). Налогъ, взимаемый съ личнаго дохода, не измѣняетъ соотношенія зар. платы и прибыли, но налогъ съ валового продукта дѣйствуетъ такъ же, какъ уменьшеніе производительности труда, т. е. побуждаетъ къ удлиненію инвестиціоннаго періода (къ исканію новыхъ, болѣе окольныхъ способовъ производства, болѣе длительныхъ затратъ капитала); если каждое такое удлиненіе приноситъ

¹⁾ Авторъ даетъ (S. 19—21) математическую формулу зависимости чистаго дохода отъ общихъ (K) и переменныхъ (k) издержекъ монополиста: при цѣнѣ p и спросѣ $= F'(p)$, т. е. функціи p , чистая прибыль $= (p - k) F'(p) - K$. Максимумъ эта величина достигаетъ при $\frac{F'(p)}{F''(p)} = p - k$; слѣд., общія издержки (K) не вліяютъ на установленіе цѣны; наоборотъ, при обложеніи по количеству наивыгоднѣйшая цѣна будетъ при $\frac{F'(p)}{F''(p)} = p - k - s$ (налогъ).. Такимъ же математич. путемъ можно, по его мнѣнію, доказать, что выгода монополиста отъ повышения цѣны сокращается пропорціонально квадрату уменьшенія ставки налога.

одинаковое увеличеніе производительности труда, то капиталистамъ удастся переложить значительную долю налога на рабочихъ, если же каждое дальнѣйшее удлиненіе періода (производства) приноситъ все меньше выгодъ, то налогъ упадетъ главнымъ образомъ на капиталиста.—Разсматривая земельную ренту, какъ вознагражденіе за затраченный капиталъ (?), В. распространяетъ приведенные выводы на поземельное обложеніе.

Авторъ выражаетъ ихъ въ математическихъ формулахъ, съ помощью которыхъ, по его мнѣнію, можно при извѣстныхъ данныхъ (срокъ, прибыли, зар. платъ) точно вычислить распредѣленіе налога между участниками производства.

Но если перейти отъ гипотетическаго случая производства, единственнаго продукта W къ пестрому разнообразію современной промышленности, то всѣ эти выводы и формулы примѣнимы лишь при двухъ условіяхъ: равномерности налога и одинаковомъ обложеніи отдѣльныхъ факторовъ производства въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Эти условія въ дѣйствительности не встрѣчаются (55). Каково же практическое значеніе всѣхъ предшествующихъ сужденій? В. утѣшаетъ читателя тѣмъ соображеніемъ, что для практики достаточны приблизительныя рѣшенія.

Но къ чему въ такомъ случаѣ точные математическіе подсчеты съ фикціями, если въ дѣйствительности приходится довольствоваться приближеніями? Къ тому же „и для приблизительныхъ рѣшеній нѣтъ почти никакихъ данныхъ“ (56). Печальное признаніе!

Работа В. служитъ примѣромъ бесплодности абстрактныхъ построеній, оторванныхъ отъ дѣйствительности, гипотезъ, отъ которыхъ нѣтъ моста къ реальнымъ фактамъ жизни. За исключеніемъ интереснаго анализа обложенія монополиста, его работа не внесла чего-либо цѣннаго въ теорію переложенія; главная интересующая его мысль о зависимости распредѣленія налога отъ длины періода производства построена на теоріи прибыли Бѣмъ-Баверка, встрѣтившей въ литературѣ основательныя возраженія.

Книга Висселя не встрѣтила отклика въ дальнѣйшей нѣмецкой литературѣ. Впрочемъ, послѣдняя вообще не интересуется проблемой переложения (кромѣ таможенныхъ пошлинъ).

Между тѣмъ въ разныхъ областяхъ финансовой жизни чувствовалась настоящая потребность въ выясненіи основныхъ вопросовъ переложения налоговъ.

Примѣромъ можетъ служить австрійская анкета 1903 г. о подомовомъ налогѣ ¹⁾.

Она явилась слѣдствіемъ многолѣтнихъ жалобъ домовладѣльцевъ на чрезвычайную высоту австрійскаго подомоваго налога (Hauszinssteuer); домовладѣльцы требовали пониженія ставокъ, единовременнаго или постепеннаго („контингентированія“), ссылаясь между прочимъ на интересы квартиронанимателей, несущихъ значительную часть налога. Въ устроенной, наконецъ, м-вомъ финансовъ анкетѣ приняли между прочимъ участіе всѣ наиболѣе извѣстные австрійскіе экономисты, а въ искусно составленной подъ руководствомъ Р. Мейера обширной программѣ вопросъ о вліяніи и переложении налога былъ центральнымъ пунктомъ; понятно, что матеріалъ этой анкеты не могъ пройти безслѣдно и для теоріи переложения: онъ систематичнѣе и объективнѣе, чѣмъ плоды англійскихъ анкетъ. Въ Австріи налогъ платятъ домовладѣльцы, и спрашивалось, перелажается ли онъ на квартиронанимателей или понижаетъ цѣнность земли (или задерживаетъ ростъ земельныхъ цѣнъ)? Мирбахъ еще въ 80-ыхъ годахъ доказывалъ, что вся сумма налога, превышающая среднее обложеніе (строительныхъ) капиталовъ, падаетъ на квартиронанимателей ²⁾. Эта теорія совершенно не учитывала земельной ренты, какъ самостоятельнаго элемента подомоваго дохода и источника налога, и была отвергнута всѣми остальными изслѣдователями. Коморжинскій, Менгеръ и др. установили различіе между центральными частями городовъ, гдѣ квартирныя цѣны имѣютъ „монопольный“ ха-

¹⁾ Sten. Protokoll d. Enquête über die Reform der Gebäudesteuer. Wien 1904. См. мою кн. „Облож. гор. недвиж.“ Т. I (1906 г.), гл. V, стр. 167—207.

²⁾ Zt. f. d. ges. Staatsw. 1885.

раक्टरъ и достигаютъ безъ налога возможнаго максимума, и окраинами городовъ, гдѣ земельная рента ничтожна и главную долю цѣнности домовъ составляетъ стоимость постройки: въ центрѣ налогъ почти переложимъ и падаетъ на ренту; на окраинахъ онъ перелagается на нанимателей; Р. Мейеръ возражалъ, что рента имѣется и на окраинахъ городовъ, слѣд., налогъ и тамъ мало перелagается, а пониженіе его только повыситъ земельныя цѣны ¹⁾).

Если переложимость налога зависитъ отъ роли ренты въ подомовомъ доходѣ данной мѣстности, то она должна измѣняться и во времени, ослабѣвая съ усиленіемъ земельной дороговизны въ городахъ; поэтому небольшія измѣненія существующаго налога не отражаются на квартирныхъ цѣнахъ ²⁾. Отсюда давленіе налога на земельныя цѣны и сравнительно медленный ихъ ростъ въ австрійскихъ городахъ.

Я не стану останавливаться на деталяхъ вопроса, обсуждавшихся въ анкетѣ: о вліяніи на цѣны временнаго освобожденіи новыхъ построекъ, конкуренціи городовъ съ класснымъ подомовымъ налогомъ и др.—Подомовый налогъ и вообще обложеніе городскихъ недвижимостей является вмѣстѣ съ таможенными пошлинами и обложеніемъ цѣнныхъ бумагъ ³⁾ однимъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ вопросовъ, практическое рѣшеніе которыхъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ рѣшенія теоретической проблемы переложенія. Наболѣе полный и глубокий анализъ этихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ въ италіанской литературѣ.

Италія.

Въ Италіи абстрактная теорія переложенія нашла многихъ изслѣдователей и достигла наибольшаго развитія; въ то время, какъ германская литература не дала за 30 лѣтъ ни одной почти серьезной работы по данному наболѣе инте-

¹⁾ Пренія въ общ. австр. экономистовъ. См. Volksw. Wochenschr. 1903, № 1014.

²⁾ См. моя таблицы, *ib.*, стр. 200—208.

³⁾ См. Petritsch. Zur Lehre v. d. Ueberwälzung d. Steuern Graz 1903 и Natoli Studi sugli effetti econ. dell'imposta 1909.

ресному въ финансовой наукѣ вопросу, итальянскіе ученые создали, можно сказать, современную теорію переложенія.

Первыми крупными трудами въ этой области были двѣ работы М. Pantaleoni: *Teoria della traslazione dei tributi* 1882 и отчасти дополняющая ее *Teoria della pressione tributaria*.

Въ предисловіи къ первой изъ нихъ авторъ защищаетъ примѣненіе дедуктивнаго метода къ изученію переложенія. Установивъ заранѣе точное опредѣленіе понятія и терминологию (*percussione—traslazione—incidenza; evasione*)¹⁾, онъ отграничиваетъ его отъ прочихъ разнообразныхъ экономическихъ послѣдствій налоговъ, какъ-то: увеличеніе производства и проч., чѣмъ устраняются многочисленныя недоразумѣнія; такъ же основательно онъ протестуетъ противъ смѣшенія объективнаго изученія переложенія съ проблемой справедливаго обложенія.

„Динамическій законъ переложенія совпадаетъ съ проблемой вліянія налога на цѣны“ (т. к. переложеніе возможно лишь въ процессѣ обмѣна). Анализъ этого вліянія авторъ начинаетъ съ монопольнаго производства благъ безъ ограниченія количества (*producibili ad libitum*) при неизмѣняющихся издержкахъ на единицу продукта. Цѣна продукта устанавливается на уровнѣ, при которомъ монополистъ получить максимальный чистый доходъ; уровень этотъ опредѣляется эмпирически.

Налоги вліяютъ на цѣны въ качествѣ издержекъ производства, причѣмъ нал. на матеріалы, предметы потребленія должны быть приравнены къ „спеціальнымъ“ издержкамъ, пропорціональнымъ количеству продукта, а налоги на общій расходъ или доходъ монополиста, на орудія, жилища... рассматриваются, какъ „общія“ издержки, относительно понижающіяся съ расширеніемъ производства. Монополистъ теряетъ, если даже повысить цѣну подъ вліяніемъ налога, т. к. сокращается потребленіе, и прежняго наиболѣе выгоднаго сочетанія цѣны и сбыта ему не добиться; слѣд., и въ этомъ случаѣ налогъ падаетъ на монополиста и не перелажается.

¹⁾ Взиманіе нал.—переложеніе—окончательное паденіе (распредѣленіе) нал.; уклоненіе.

Для иллюстраціи П. приводитъ слѣд. примѣръ: собственникъ знаменитой картины сбываетъ ежегодно 500 копій ея по 1 ф. стерл.; подѣ влияніемъ налога въ 3 ф. съ копій онъ повышаетъ цѣну до 5 ф., но сбываетъ всего 20 экземпляровъ; т. о. его чистый доходъ понизился съ 500 до 40 ф.; налогъ уплачивается имъ, а не потребителями, т. к. и до налога онъ могъ бы установить цѣну въ 5 ф. и получать 100 ф. дохода.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую монструозность гипотезы (налогъ въ 3 ф. съ копій въ 1 ф. и т. п.), нужно замѣтить, что до налога цѣна въ 5 ф. была бы экономическимъ абсурдомъ, разъ она уменьшила бы прибыль съ 500 ф. до 100 ф., а при налогѣ она, слѣдующая гипотезѣ, наиболѣе выгодная (иначе зачѣмъ ее устанавливать?), слѣд. повышение явилось слѣдствіемъ налога. Но авторъ правъ, отрицая въ данномъ случаѣ переложеніе: это вытекаетъ изъ принятаго имъ (стр. 9) опредѣленія, согласно которому „переложеніе—процессъ, съ помощью котораго плательщикъ вознаграждаетъ себя полностью или частью за уплату налога“.

Здѣсь же и плательщикъ теряетъ, и потребители облагаемаго продукта терпятъ отъ повышения цѣнъ и сокращенія потребленія. Отсюда, по мнѣнію П., слѣдуетъ невыгодность налога при монополіи и необходимость для обложенія к.-л. блага предварительно освободить его отъ монополіи (*demonopolizzare*)! Виксель впоследствии развивалъ тѣ же положенія насчетъ налоговъ съ монополиста, но только по отношенію къ одной формѣ ихъ—налогамъ по количеству продукта, противопоставляя ихъ обложенію чистаго дохода. Въ той же общей формѣ, въ какой это положеніе выдвинуто Панталеони, оно совершенно ошибочно и приводитъ его къ странному выводу (р. 78) о вредѣ обложенія земельной ренты и монопольныхъ производствъ.

Налогъ съ монопольныхъ благъ, производство которыхъ не можетъ быть произвольно увеличено (78—80), по мнѣнію П. тоже непереложимъ и падаетъ на монополиста съ той лишь разницей, что ему невозможно расширить сбытъ путемъ пониженія цѣнъ.

Переходя къ переложенію налоговъ при условіи свободной конкуренціи, П. подвергаетъ предварительно критикѣ „ортодоксальную“ теорію, согласно которой цѣнность всѣхъ благъ опредѣляется издержками производства, но съ другой стороны не согласенъ и съ теоретиками, совершенно отрицающими вліяніе издержекъ на цѣну: „различныя производства представляютъ градацію съ незамѣтными переходами отъ условій свободной конкуренціи и равенства прибыли къ условіямъ временной монополіи, при которыхъ къ обычной прибыли присоединяется особая надбавочная прибыль (*sopra-redditi*), и къ условіямъ абсолютной и постоянной монополіи, доставляющей, кромѣ обычной и надбавочной прибыли, еще ренту“.

Если налогъ при условіяхъ свободной конкуренціи падаетъ на одну отрасль промышленности, то 1) повысившіяся вслѣдствіе налога издержки производства и цѣна продукта даютъ возможность тѣмъ производителямъ, которые создали продуктъ до введенія налога, получить временную добавочную прибыль (*sopra-reddito*) по сравненію съ производителями, застигнутыми налогомъ;

2) поскольку не удается переложить налогъ на потребителей, капиталы эмигрируютъ въ другія отрасли, понижая общую прибыль тѣмъ больше, чѣмъ больше роль (удѣльный вѣсъ) обложенной индустріи въ общей экономикѣ страны (113).

При равномъ обложеніи всѣхъ видовъ индустріи, происходитъ пониженіе прибыли или переложеніе на покупателей въ зависимости отъ оцѣнки благъ потребителями (часть которыхъ выступаетъ изъ обмѣна) и... отъ корпоративнаго духа продавцовъ“. Эти трузизмы мало подвигаютъ насъ.

Гораздо интереснѣе анализъ переложенія при условіи *sopra-redditi* и ренты; слѣдую за Лоріа, П. проводитъ различіе между *sopra-reddito* и земельной рентой въ томъ, что послѣдняя вызывается присущимъ добывающей промышленности закономъ убывающаго плодородія, тогда какъ *sopra-redditi* (сверхнормальные доходы) вызывается иными факторами, присущими всѣмъ отраслямъ промышленности:

недостаткомъ капиталовъ, физическимъ или умственнымъ превосходствомъ производителя, усовершенствованными орудіями, а также благоприятнымъ положеніемъ и вообще конъюнктурой; *sopra-redditi* слѣдуютъ законамъ спроса и предложія, „входятъ въ цѣну продукта“ (?) и имѣютъ б. ч. временный характеръ.—Авторъ, къ сожалѣнію, ставитъ на одну доску прибавочные доходы, вызванные превосходствомъ предпринимателя (рента Шеффле), и конъюнктурные доходы, почему-то противопоставляемые рентѣ. Впрочемъ, это неудачное разграниченіе мало отражается на анализѣ переложенія, т. к. въ обоихъ случаяхъ налогъ, падающій только на предпріятія „привилегированныя“, получающія сверхнормальный доходъ (или ренту), непереложимъ ¹⁾). Налогъ съ валового продукта переложимъ, если спросъ не сокращается; а если онъ выбиваетъ изъ строя „непривилегированныя“ предпріятія (получавшія до тѣхъ поръ обычную прибыль), то онъ можетъ способствовать увеличенію добавочнаго дохода (или ренты) привилегированныхъ (р. 150).

Установивъ въ III главѣ точныя условія амортизаціи налога при продажѣ „плодоносныхъ имуществъ“ (если бремя налога извѣстно, выше средняго обложенія другихъ имуществъ и поскольку оно непереложимо), авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ налогамъ: поземельному, домовому и др. Относительно перваго его анализъ не даетъ ничего новаго; по поводу домоваго налога онъ пытается противопоставить городскую ренту сельско-хозяйственной, т. к. она вызывается положеніемъ земельного участка, приближается къ постоянству конъюнктурнаго дохода и представляетъ разницу въ цѣнѣ продукта, а не въ издержкахъ (208—13). Но критики П. давно указали, что тѣ же признаки часто присущи и сельско-хозяйственной рентѣ ²⁾.—Налогъ на собственника

¹⁾ р. 149 и 152. „Привилегирован.“ предпріятіямъ не только невыгодно повышать цѣну, но часто вдвойнѣ выгодно понижать ее: 1) привлекая новыхъ потребителей и 2) отвлекая кліентовъ у „непривилегированныхъ“ предпріятій, выбиваемыхъ изъ строя (р. 142—3).

²⁾ См. Seligman, р. 278, примѣч.

земли, по его мнѣнію, переложимъ, нал. на собственника постройки перелажается на квартиры нанимателей или на собственника земли; если населеніе растеть, а застройка не поспѣваетъ за нимъ изъ-за налога, то повышеніе квартирныхъ цѣнъ есть переложеніе (226). Нал. на квартиронаимателей переложимъ, если они эмигрируютъ... Значительную роль авторъ отводитъ эмиграціи и въ налогахъ на капиталъ.—Я не стану останавливаться на анализѣ отдѣльныхъ налоговъ. Нѣкоторыя сужденія въ этомъ анализѣ основаны на ошибочныхъ экономическихъ теоріяхъ. И тѣмъ не менѣе работа П. до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе: отказъ отъ наивной теоріи издержекъ производства и признаніе роли потребности и спроса въ образованіи цѣнъ (хотя П. зналъ изъ теоретиковъ предѣльной полезности одного только Девонса), точная терминологія, тонкій анализъ обложенія монопольныхъ продуктовъ и „сверхнормального“ дохода и много другихъ интересныхъ замѣчаній вошли въ качествѣ прочнаго достоянія въ теорію переложенія. Дальнѣйшіе итальянскіе изслѣдователи исходили изъ положеній П., критикуя или развивая ихъ.

Изъ нихъ (Конильяни) Conigliani обращаетъ на себя вниманіе двумя трудами: *Teoria generale degli effetti economici delle imposte 1890* и *La riforma delle leggi sui tributi locali 1898*: первый изъ нихъ страдаетъ черезчуръ общей постановкой вопроса, которая подчасъ приводитъ, по вѣрному замѣчанію Селигмана (р. 211), къ слишкомъ неопредѣленнымъ выводамъ. Но наряду съ ними мы находимъ въ этой книгѣ блестящій анализъ вліянія налоговъ на производство, построенный на теоріи предѣльной полезности¹⁾: сокращеніе дохода плательщика повышаетъ субъективную цѣнность всѣхъ благъ, а т. к. производительная дѣятельность человѣка продолжается до тѣхъ поръ, пока тягость труда не превыситъ полезность его продукта, то повышеніе оцѣнки послѣдняго ведетъ къ усиленію дѣятельности. Но прежній уровень удовлетворенія потребностей не возстановли-

¹⁾ См. слѣдующую главу.

вается въ силу трехъ причинъ: 1) усиленія тягости послѣдовательницъ единицъ работы, 2) закона инерціи, затрудняющаго первое усиліе и 3) уменьшенія производительности послѣдоват. затратъ труда и капитала. Его вторая книга, представляющая, по-моему, самый глубокий и цѣнный трудъ по мѣстному обложенію, затрагиваетъ и вопросъ о переложеніи мѣстныхъ налоговъ: гл. обр. съ недвижимости.

Послѣднему вопросу особенно повезло въ Италіи, вѣроятно, вслѣдствіе чрезвычайной высоты реальныхъ налоговъ: на немъ особенно останавливается Graziani въ своихъ статьяхъ (*Di alcune questioni intorno alla natura e agli effetti economici delle imposte.—Studi Senesi 1889...*) и въ курсѣ, ему посвящены замѣчательныя работы Einaudi и др.

Въ главѣ курса, посвященной переложенію ¹⁾, Граціани излагаетъ въ сжатой формѣ достигнутые теоріей результаты, кое въ чемъ дополняя и исправляя выводы Панталеони, Селигмана и др.: онъ опровергаетъ мнѣніе Селигмана, будто обложеніе валового продукта при монопольномъ производствѣ непереложимо. Останавливаясь на вліяніи на переложеніе возрастающихъ съ увеличеніемъ производства и падающихъ издержекъ, онъ доказываетъ, опять-таки вопреки Селигману, что при свободной конкуренціи этотъ моментъ не отражается на переложеніи, а при монополіи возрастаніе издержекъ облегчаетъ переложеніе, пониженіе—затрудняетъ его.

Въ вопросѣ о поземельномъ и подомовомъ налогѣ онъ б. ч. повторяетъ Панталеони, но не согласенъ съ положеніемъ П., что налогъ на собственника постройки перелажается на собственника земли: переложить его на застроенные участки нельзя (?), а остановка въ спросѣ на новые строительные участки приведетъ къ переложенію на нанимателей путемъ повышенія квартирныхъ цѣнъ; къ тому же возможна перемѣна назначенія участка (р. 362—3).—Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду только города съ растущимъ населеніемъ,

¹⁾ A. Graziani. *Istituzioni di scienza delle finanze 1897* (2-е изд. 1912 почти безъ перемѣнъ). L. IV: *La ripercussione delle imposte.*

въ которыхъ и Панталеони не отрицаетъ переложенія на нанимателей; въ остальныхъ случаяхъ (или при большой высотѣ нал.) несомнѣнно переложеніе на землю: примѣръ Австріи вполне подтверждаетъ мнѣніе Панталеони.

Вышедшій чрезъ нѣсколько лѣтъ трудъ Эйнауди, специально посвященный обложенію городскихъ недвижимостей¹⁾, оставляетъ за собой по полнотѣ анализа сужденія Панталеони и Граціани. Въ длинномъ введеніи авторъ останавливается на методологіи вопроса: основная ошибка Панталеони заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что онъ разсматриваетъ явленія переложенія, какъ послѣдовательный рядъ причинъ и слѣдствій, между тѣмъ какъ они находятся во взаимной зависимости; отсюда недостаточность „нормальной“ терминологіи П. и необходимость изученія разнообразныхъ условій и экон. послѣдствій (effetti) налога во всемъ ихъ сложномъ взаимодействіи. Налогъ—одно изъ условій, нарушающихъ экономическое равновѣсіе; требуется выяснитъ законъ равновѣсія и выдѣлить вліяніе налога. Для этого авторъ рекомендуетъ методъ „послѣдовательныхъ приближеній“: сначала устанавливаются абстрактные законы переложенія, затѣмъ вводится въ анализъ моментъ оцѣнки (характеръ ея основанія нал.), 3-мъ приближеніемъ служитъ изученіе частныхъ соглашеній между плательщиками, тормозящихъ или модифицирующихъ дѣйствіе налога (напр., договоры объ уплатѣ подомоваго нал. квартиронанимателемъ и т. п.), 4-ая стадія—изученіе конкретного законодательства.

Примѣняя указанный методъ къ анализу подомоваго обложенія, авторъ изучаетъ сначала экономическія условія—строительную промышленность, спросъ и предложеніе, издержки и взаимодействіе этихъ факторовъ цѣны (гл. I), затѣмъ переходитъ къ разнообразнымъ условіямъ обложенія земельной ренты съ застроенныхъ участковъ при „статическихъ“ условіяхъ, т. е. при состояніи равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Слѣдуя отчасти за Эджуорсомъ

¹⁾ L. Einaudi. Studi sugli effetti delle imposte. Torino 1902.

и дополняя его „комбинаціи“ (см. выше), Эйнауди указывает слѣдующія возможныя альтернативы: свободная конкуренція (*A*) или монополія (*a*), налогъ равенъ другимъ (*B*) или выше прочихъ (*b*), одинаковъ для всей территоріи (*C*) или различенъ (*c*), ему сопутствуетъ обложеніе прироста цѣнъ свободныхъ участковъ (*D*) или нѣтъ (*d*), нал. постояненъ (*E*) или измѣнчивъ (*e*), собственникъ земли есть вмѣстѣ съ тѣмъ собственникъ постройки (*F*) или это различныя лица (*f*); земельная рента есть „настоящая“ рента (*public value* (*G*) или можетъ быть разсматриваема, какъ прибыль основателя города или квартала, обязанная его предпринимательской инициативѣ (*g*).

Авторъ начинаетъ съ „комбинаціи“ *ABCDEFG* и признаетъ налогъ при этихъ условіяхъ непереложимымъ, т. к. „онъ не нарушаетъ ни экономического, ни юридическаго равновѣсія“; не признаетъ онъ переложенія и въ случаѣ монополіи при прочихъ прежнихъ условіяхъ (*aBCDEFG*); если монополія существовала до налога, то цѣны раньше достигли максимума (?), стачка же собственниковъ, вызванная налогомъ (*Pantaleoni*), мало вѣроятна, т. к. налогъ дѣйствуетъ неодинаково на отдѣльныхъ собственниковъ (?); вліяніе сравнительной высоты подомоваго налога (*AbCDEFG*) на переложеніе авторъ тоже отрицаетъ въ силу рѣдкости случая (?) и несоизмѣрности цѣнъ городскихъ и сельскихъ участковъ; такъ же мало отражаются, по его мнѣнію, различія въ высотѣ налога по мѣстностямъ...

Авторъ останавливается на интересномъ вопросѣ объ обложеніи „прироста цѣнности“ незастроенныхъ участковъ и находитъ, что при отсутствіи такового подомовый налогъ перелажается на жильцовъ, обложеніе же свободныхъ участковъ понижаетъ квартирныя цѣны.

Къ тѣмъ же послѣдствіямъ обложеніе „прироста цѣнностей“ свободныхъ участковъ ведетъ и при „динамическихъ“ условіяхъ, т. е. при постоянныхъ измѣненіяхъ въ условіяхъ спроса и предложенія.

Авторъ не различаетъ налоговъ на реализованный приростъ при переходѣ недвижимостей и періодическаго обло-

женія вѣроятнаго (или оцѣночнаго) прироста цѣнности; отсюда неясность дальнѣйшихъ выводовъ относительно обложения прироста цѣнности застроенныхъ недвижимостей.

Разбирая затѣмъ гипотетическій случай обложения чистаго дохода съ капитальной затраты на постройку, онъ различаетъ города съ падающимъ, стаціонарнымъ и растущимъ населеніемъ... Приближаясь постепенно къ реальнымъ условіямъ обложения, авторъ переходитъ къ обложению чистаго и, наконецъ, валового дохода съ дома.

Интересна критика распространеннаго современнѣе А. Смита взгляда, будто часть налога, пропорціональная земельной рентѣ, падаетъ на собственника дома, а доля, пропорціональная проценту на строительный капиталъ, падаетъ на нанимателя ¹⁾. Затѣмъ авторъ снова обращается къ методу комбинацій, изучая обложение исключительно жилыхъ домовъ (*A*) или также промышленныхъ помѣщеній (*a*), нал. съ собственника (*B*) и нанимателя (*b*) и т. д.—Въ III главѣ онъ вводитъ техническія и юридическія условія, оказывающія пертурбаціонное вліяніе на налогъ (незнаніе, договоры, техническія затрудненія) и подробно останавливается на трудностяхъ оцѣнки земли безъ построекъ (*site value*), обложение которой въ то время оживленно обсуждалось въ Англии. Знакомство съ англійскою литературою и трудами знаменитой Комиссіи 1900 г. значительно расширяетъ его анализъ и ставитъ его впереди прежнихъ итальянскихъ, а тѣмъ болѣе нѣмецкихъ изслѣдователей: трудъ Э.—лучшій трудъ о подомовомъ налогѣ.—Но и въ общей теоріи переложенія онъ занялъ почетное мѣсто: его поправки къ „нормальной“ терминологіи Панталеони воспринимаются послѣдующими писателями, какъ напр., Натоли.

Небольшая работа послѣдняго „объ экономическихъ послѣдствіяхъ налога“ ²⁾ наполовину посвящена анализу понятій и поправкамъ къ терминологіи Панталеони; онъ раз-

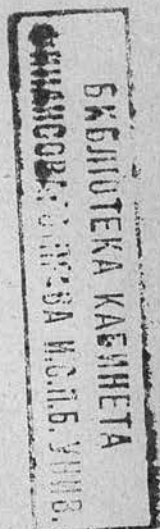
¹⁾ Любопытно, что въ 1903 г. во время австрійской анкеты Визеръ развивалъ эту теорію А. Смита, словно нѣчто новое.

²⁾ F. Natoli. Studi sugli effetti economici dell'imposta 1909.

граничиваетъ (субъективное) бремя обложения („давление“—*pressione*) и объективный моментъ „паденія“ (*incidenza*) налога на данное лицо; извѣстное „давление“ налогъ можетъ оказывать и тогда, когда онъ не уплачивается въ силу переложения или уклонения; сокращеніе уплачиваемаго налога путемъ усиленія производительности онъ называетъ *remozione* и противопоставляетъ переложенію; уклонения отъ налога (*evasione*) онъ дѣлитъ на противозаконныя („*antigiuridica*“—неудачный терминъ!) и законныя („*giuridica*“), связанныя б. ч. съ отказомъ въ потребленіи облагаемаго предмета, слѣд., съ извѣстной жертвой (■) (*evasione costosa*); въ свою очередь „законныя“ уклонения могутъ быть „случайныя“—не предвидимыя законодателемъ при установленіи налоговъ — и „систематическія“, желаемыя законодателемъ, к. напр. при установленіи покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ и т. п. ¹⁾). Во второй части своей книжки Натоли изучаетъ связь переложения налога съ денежнымъ обращеніемъ: онъ признаетъ, вопреки Рикардо, что налогъ увеличиваетъ спросъ на денежные знаки и не ускоряетъ ихъ обращенія; не согласенъ онъ и съ мнѣніемъ Р., будто налогъ на драгоценныя металлы повышаетъ цѣнность денегъ и ни на кого не падаетъ; наконецъ, въ послѣдней главѣ, разбирая вліяніе всеобщаго налога на прибыль, доказываетъ, что онъ не отражается на цѣнахъ.—Эта часть труда Н. представляетъ нѣкоторый интересъ, тогда какъ первая страдаетъ гипертрофіей новыхъ терминовъ и „тонкихъ разграниченій“, иногда совершенно ненужныхъ.

Новѣйшее изслѣдованіе о переложеніи (въ италіанской литературѣ) мы находимъ въ недавно вышедшей книгѣ извѣстнаго представителя „математическаго“ направленія Enrico Barone *Studi di economia finanziaria* 1912. Отмѣчая сложность явленія, авторъ ограничиваетъ свою задачу изученіемъ ближайшихъ непосредственныхъ вліяній налоговъ на цѣну обложенныхъ предметовъ. Въ противополож.

¹⁾ Впрочемъ, Н. указываетъ на частое совпаденіе протекціонныхъ и фискальныхъ задачъ при установленіи тамож. пошлинъ (р. 55).

ность другимъ изслѣдователямъ, онъ начинаетъ съ анализа переложенія при условіяхъ свободной конкуренціи и затѣмъ переходитъ къ монополіи. Его выводы не отличаются новизной: налоги поземельный и съ личныхъ услугъ б. ч. переложимы, нал. съ движимыхъ капиталовъ и сбереженій (спеціальные) переложимы; даже подходящий нал. переложимъ, если уменьшаетъ сбереженія... Не всякій налогъ падаетъ на издержки производства, не всегда налоги перелажаются на потребителя и никогда не перелажаются равномерно; слѣд., теорія диффузіи невѣрна; какъ оптимизмъ, такъ и агностическій пессимизмъ въ данной области не обоснованъ.

Новыя работы, какъ мы видимъ, вносятъ въ анализъ мало новаго: общая теорія переложенія, построенная на дедуктивномъ методѣ, исчерпала себя и ожидаетъ практическаго приложенія къ конкретнымъ условіямъ дѣйствительности.

Построеніе общей теоріи получило болѣе или менѣе законченную форму, по крайней мѣрѣ впродъ до новаго теоретическаго синтеза въ экономической наукѣ, который бы выступилъ на смѣну теоріи предѣльной полезности: выработана точная терминологія (Панталеони), установлены исходныя послыки и основные принципы, примѣняются любопытные методы дедуктивнаго изслѣдованія (к. напр. методъ „комбинацій Эджуорса“ и др.). Остается примѣнять эти дедуктивные выводы къ новымъ формамъ обложенія (напр., къ обложенію прироста цѣнности) и дополнить ихъ индуктивнымъ изученіемъ переложенія. Въ 50-хъ—70-хъ годахъ полит. экономія, разочаровавшись въ дедукціяхъ классической школы, бросилась въ объятія индукціи и потерпѣла фіаско: теперь она можетъ, не отвергая „абстрактныхъ посылокъ“, а наоборотъ, базируясь на нихъ, снова искать въ статистикѣ конкретныхъ причинностей реальной дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что и статистика сдѣлала значительныя успѣхи, и методъ корреляцій даетъ въ руки изслѣдователя болѣе тонкое орудіе (для выясненія сопутствующихъ измѣненій и пр.), чѣмъ техническіе приемы статистики прошлаго вѣка. По этому пути уже идутъ италянскіе эконо-

мисты, искусно сочетая дедукцію съ индукціей. Вообще, италянская и англо-американская научная литература обнаруживаютъ гораздо большую жизнеспособность, чѣмъ застывшая въ своемъ самодовольствѣ германская экономическая наука, доказывая старую истину, что только взаимное общеніе различныхъ народовъ обеспечиваетъ непрерывное развитіе научныхъ идей.

Глава 6.

Вліяніе налоговъ на экономическую жизнь ¹⁾

Въ предшествующихъ двухъ главахъ переложеніе налоговъ было выдѣлено, какъ самостоятельная проблема, изъ болѣе общей—объ экономическихъ послѣдствіяхъ налоговъ. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть вопросъ о дальнѣйшемъ вліяніи налога: непосредственный плательщикъ можетъ избѣжать налога, уплатить его или переложить на другихъ; спрашивается, какъ отразится сокращеніе потребленія въ первомъ случаѣ и платежъ налога въ остальныхъ двухъ случаяхъ на непосредственномъ плательщикѣ или конечномъ дестинатарѣ (Steuerträger)?.

Изученіе близкихъ и отдаленныхъ послѣдствій обложенія должно быть центральнымъ пунктомъ податной теоріи и основной посылкой податной политики. Для того, чтобы выяснитъ вліяніе налога, какъ одного изъ многочисленныхъ взаимодействующихъ факторовъ экономической жизни, необходимо изучитъ ту „экономическую среду“, въ которой налогъ дѣйствуетъ, а затѣмъ тѣ политическія, соціальныя и юридическія условія, которыя опредѣляютъ конкретную обстановку его взиманія ²⁾.

Налоги оказываютъ значительное вліяніе на всю экономическую жизнь страны, и чѣмъ большую роль играютъ они

¹⁾ См. Изв. СПб Политехническаго Института Т. XIV.

²⁾ Ср. Einaudi. Studi sugli effetti delle imposte 1902. Introduzione VII.

въ государственномъ хозяйствѣ, чѣмъ обширнѣе дѣятельность государства и разнообразнѣе его функціи, тѣмъ глубже и сложнѣе воздѣйствіе обложенія на всѣ области экономическихъ отношеній: на обмѣнъ, производство, распредѣленіе и потребление. Вліяніе всякаго налога на народное хозяйство двоякое: 1) какъ одинъ изъ видовъ государственныхъ доходовъ, налогъ расширяетъ дѣятельность государства и, слѣдовательно, косвенно отражается на народномъ хозяйствѣ, поскольку на немъ отражаются расходы государства; 2) какъ принудительный сборъ съ частныхъ хозяйствъ, онъ отнимаетъ у нихъ часть богатства, изымаетъ извѣстную сумму цѣнностей изъ сферы свободнаго обращенія.

Изученіе налога съ каждой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія можетъ и должно быть совершенно самостоятельнымъ: „производительность“ обложенія, т. е. полезность производимыхъ изъ его поступленій расходовъ, никакого отношенія не имѣетъ къ вліянію налоговъ, какъ платежей, на производящія ихъ частныя хозяйства; правда, болѣе или менѣе цѣлесообразное расходованіе средствъ государствомъ отражается на благосостояніи плательщиковъ, но это не есть вліяніе налоговъ, какъ таковыхъ. Точка зрѣнія на налоги, какъ на „издержки коллективнаго производства“, развиваемая послѣдователями такъ называемой „экономической школы“ (Заксъ, Рикка-Салерно, Конильяни и др.), вводитъ совершенно излишнюю аналогію государственнаго хозяйства съ частнымъ: сравнивать расходы на войско, флотъ съ издержками, необходимыми „для обезпеченія производства“, можно лишь съ большою натяжкой; такъ называемыя „коллективныя“ потребности человѣка совершенно несоизмѣримы съ жертвами плательщиковъ для обложенія. Но если бы даже такое сравненіе и было возможно, смѣшеніе вопроса о „производительности“ налога съ вопросомъ о вліяніи платежа только запутываетъ изслѣдованіе. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ первую проблему, какъ часть болѣе общей — о вліяніи на хозяйственную жизнь государственныхъ расходовъ вообще, займемся второй.

Итакъ, спрашивается, какое вліяніе оказываетъ на эконо-

номическую жизнь одностороннее пожертвование, къ которому принуждаются частныя хозяйства въ пользу государства?

Возьмемъ сначала простѣйшій случай прямого налога, взимаемаго съ опредѣленнаго лица: онъ лишаетъ плательщика части имущества или дохода (мы оставляемъ пока въ сторонѣ различіе между обложеніемъ имущества и дохода), изъ котораго всякій хозяйствующій субъектъ удовлетворяетъ свои потребности. А это влечетъ за собой перераспредѣленіе его средствъ. Въ изолированномъ хозяйствѣ человѣкъ распределяетъ свой трудъ между различными потребностями въ зависимости отъ ихъ интенсивности; но при раздѣленіи труда въ мѣновомъ хозяйствѣ качественное распределеніе дѣятельности между различными потребностями смѣняется количественнымъ распределеніемъ производимыхъ даннымъ лицомъ однородныхъ благъ (путемъ обмена на другія блага) между его потребностями. Земледѣлецъ, скажемъ, отдѣливъ изъ урожая количество хлѣба, нужное для пропитанія семьи и для засѣва, ассигнуетъ 100 чтв. на жилище. 20—на приобрѣтеніе одежды, 10—на угощеніе гостей и т. д.¹⁾ Чѣмъ больше доходъ, тѣмъ менѣе настоятельныя потребности могутъ быть удовлетворяемы имъ, иначе говоря, тѣмъ ниже опускается скала удовлетворенныхъ потребностей и грань, гдѣ начинаются неудовлетворенныя; и обратно: чѣмъ меньше доходъ, тѣмъ выше эта грань. Богатый человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности полнѣе, онъ можетъ приобрѣсти каждое благо въ большемъ количествѣ, чѣмъ бѣдный, и удовлетворить съ его помощью менѣе настоятельныя потребности. Слѣдовательно, предѣльная полезность и субъективная цѣнность каждой единицы какого-либо блага для богатаго ниже, чѣмъ для бѣднаго. — Налогъ, уменьшая доходъ и потребленіе, повышаетъ субъективную оцѣнку благъ.

Это основное положеніе даетъ намъ ключъ къ пониманію

¹⁾ Cp. Conigliani Teoria generale degli effetti economici delle imposte. 1890, и Barone. Studi di economia finanziaria 1912.

вліянія налога на самыя разнообразныя стороны хозяйства. Начнемъ съ производства.

Вліяніе налога на производство. По этому вопросу взгляды различныхъ изслѣдователей рѣзко расходятся: одни утверждаютъ, что налоги способствуютъ производству, такъ какъ побуждаютъ плательщиковъ къ бережливости и къ болѣе энергичной работѣ, другіе находятъ, что они оказываютъ противоположное дѣйствіе, уменьшая продуктъ труда и, слѣдовательно, стимуль къ работѣ. Исторія показываетъ, что, дѣйствительно, высокіе налоги часто оказывали такое дѣйствіе. Но если мы отвлечемся отъ размѣра и формы обложенія и поставимъ проблему въ самой общей формѣ (о вліяніи налоговъ вообще), то должны признать правильнымъ первый отвѣтъ.

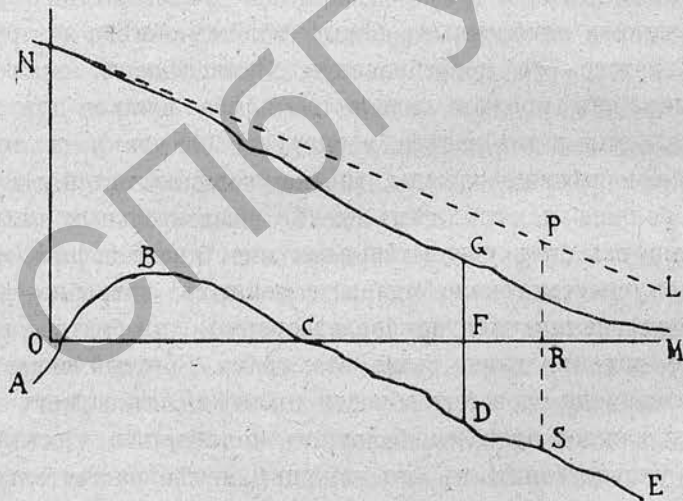

Рис. 1.

Въ самомъ дѣлѣ: человекъ затрачиваетъ трудъ на производство до тѣхъ поръ, пока наслажденіе, доставляемое продуктомъ или результатомъ труда (т. е. благами, производимыми имъ или получаемыми въ обмѣнъ на свои), больше, нежели причиняемое трудомъ страданіе (Джевонсъ).

Указанное соотношеніе можно представить въ формѣ слѣдующихъ двухъ кривыхъ (OM —линія безразличія):

NM —кривая удовольствія (или полезности), вызываемаго послѣдовательно единицами даннаго блага; она падаетъ съ увеличеніемъ его количества.

$ABCDE$ —кривая труда: вызывая въ 1-й моментъ чувство неудовольствія, работа затѣмъ доставляетъ удовольствіе, которое при однообразномъ трудѣ вскорѣ быстро понижается и смѣняется страданіемъ.

Производство прекращается, когда $GF = FD$.

Если теперь вслѣдствіе налога доходъ производителя понижается, то предѣльная полезность всѣхъ благъ повысится, и производитель для одного и того же блага готовъ будетъ затратить больше труда, чѣмъ до налога. Выразимъ эту мысль геометрически: кривая полезности благъ становится болѣе отлогой (NL), и пунктъ прекращенія труда ($PR = RL$) отодвинется дальше.

[Можно иначе, нѣсколько неточно, выразить ту же мысль: уплативъ налогъ, человѣкъ становится бѣднѣе, а чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, тѣмъ дешевле цѣнить онъ свой трудъ и тѣмъ больше готовъ трудиться для полученія одного и того же количества благъ, что и богатый]. Итакъ, налоги увеличиваютъ количество труда и производства каждаго плательщика, поскольку, конечно, они не оказываютъ и другихъ второстепенныхъ дѣйствій, могущихъ парализовать описанное ихъ общее дѣйствіе.

Уменьшивъ потребленіе, налогъ зато усиливаетъ производство и, слѣдовательно, вторичное его дѣйствіе противоположно первоначальному, парализуя его. Однако прежній уровень удовлетворенія потребностей не возстановляется въ силу двухъ причинъ: 1) усиленія тяжести каждой новой единицы труда и 2) уменьшенія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала. Плательщикъ будетъ стремиться сохранить тотъ *standard of life*, къ которому онъ привыкъ до введенія налога: чиновникъ станетъ искать вечернихъ занятій, адвокатъ примется за болѣе мелкія дѣла, рабочій возьметъ сверхурочную или ночную работу, домовладѣлецъ или помѣщикъ попробуетъ обойтись безъ управляющаго, самъ занявшись своимъ имуще-

ствомъ, и т. д. Но большей частью прежній уровень не достигается, и въ конечномъ счетѣ налогъ поведетъ къ нѣ-которому сокращенію потребления или сбереженій.

Сокращеніе потребления направляется прежде всего на наименѣе настоятельныя потребности, но въ зависимости отъ высоты налога и величины доходовъ можетъ захватить и болѣе насущныя нужды, менѣе эластичныя потребности.

Сокращеніе спроса на различныя блага подъ вліяніемъ налога на доходъ можетъ быть значительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если налогъ падаетъ на многочисленный классъ населенія; слѣдовательно, вліяніе налога на цѣны товаровъ зависитъ отъ того, какіе слои населенія онъ достигаетъ, какъ высокъ Existenzminimum. Налогъ съ высокимъ минимумомъ отражается лишь на товарахъ съ ограниченнымъ рынкомъ — на предметахъ роскоши; да и то только при условіи, если ихъ потребление распространено среди высшихъ классовъ, т. е. если они стали предметомъ моды. Иначе сокращеніе касается слишкомъ разнообразныхъ объектовъ, индивидуализуется и потому на цѣнахъ не отражается.

Измѣненія въ доходѣ, вызываемыя налогами, однородны съ послѣдствіями колебаній товарныхъ цѣнъ, но они большей частью значительно менѣе рѣзки, чѣмъ послѣднія. И тѣмъ не менѣе налоги оказываютъ большее вліяніе на хозяйственную жизнь: плательщикъ разсматриваетъ ихъ, какъ фактъ длящійся, окончательный, къ которому нужно приспособить свой бюджетъ, тогда какъ колебанія цѣнъ имѣютъ преходящее значеніе; поэтому налоги могутъ вести къ эмиграціи рабочихъ или капиталовъ, къ бунтамъ, революціямъ, въ то время какъ столь же значительныя измѣненія цѣнъ, заработка, процента, создаваемая рыночной конъюнктурой, переносятся сравнительно легко (Панталеони)¹⁾.

¹⁾ M. Pantaleoni. L'identità della pressione teorica di qualunque imposta a parità di ammontare e la sua semiotica. Giorn. d econ. 1910 marzo.

Давленіе податного бремени вызывало въ исторіи не только бунты и революціи — оно достигало въ инныя эпохи такой степени, что заставляло населеніе разбѣгаться въ разныя стороны, какъ это было въ Московской Руси, особенно при Петрѣ, вслѣдствіе чего прибѣгали къ мѣрамъ прикрѣпленія его къ опредѣленному мѣсту — такъ создавалась съ подушной податью круговая порука и паспортная система, а крѣпостная система получала новую — фискальную — задачу.

Въ другую эпоху еще болѣе страшное бремя налоговъ вырождавшейся государственности Рима приводило къ постепенному разложенію рабско-капиталистическаго хозяйства, къ созданію колоната, крѣпостного строя; зародыши феодальнаго хозяйства появились еще въ Римской имперіи (см. Петрушевскій „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства). Т. о. бремя налоговъ можетъ вести къ коренной ломкѣ социальныхъ, политическихъ и экономическихъ отношеній, къ паденію имперій, разложенію созданнаго вѣками хозяйственнаго уклада...

Мы говорили до сихъ поръ о вліяніи налоговъ, взимаемыхъ непосредственно съ дохода или имущества лица (реальные, подушныя, подоходный и т. п.).

Каково же вліяніе налога, взимаемаго не съ дохода, а съ опредѣленныхъ предметовъ потребленія, съ того момента, когда они уже переложены производителемъ на конечнаго destinatара?

Панталеони старался доказать, что съ точки зрѣнія „чистой экономіи“ безразлично, облагается ли предметъ потребленія или непосредственно доходъ. Исходной посылкой его разсужденій служитъ извѣстное положеніе психологической школы, что homo oeconomicus распределяетъ свой доходъ такъ, чтобы для всѣхъ категорій расходовъ отношеніе полезности предѣльнаго количества каждаго блага къ его цѣнѣ было одинаковымъ или, иначе говоря, цѣны „предѣльныхъ дозъ“ потребляемыхъ благъ пропорціональны ихъ полезностямъ. Отсюда-де слѣдуетъ, что для „экономическаго человѣка“ безразлично, увеличивается или умень-

шается цѣна какого-либо изъ потребляемыхъ благъ: результатомъ будетъ новое распредѣленіе дохода между всѣми благами. Безразлично также, облагается ли предметъ роскоши или необходимости: всякое „предѣльное“ благо (послѣдняя „доза“) — предметъ роскоши (?). Публика этого не понимаетъ, такъ какъ вѣрять въ существованіе специфическихъ потребностей роскоши, которыя, молъ, полезно ограничивать съ помощью высокихъ налоговъ“. [Авторъ беретъ для примѣра налогъ на папирсы: повышение его должно вызвать сокращеніе потребленія и нѣкоторое уменьшеніе расхода на нихъ, такъ какъ ихъ предѣльная полезность и отношеніе ея къ другимъ потребляемымъ благамъ остается безъ измѣненія]. — Авторъ ограничиваетъ, правда, свои выводы рядомъ условій: они вѣрны лишь при полной власти лица распредѣлять свои средства (между тѣмъ уже отецъ семьи долженъ считаться со вкусами и желаніями родныхъ) и при отсутствіи рѣзкихъ измѣненій въ доходѣ плательщика (внезапное обогащеніе или разореніе) или въ цѣнѣ блага; онъ не отрицаетъ экономическихъ невыгодъ измѣненія цѣнъ и исключаетъ изъ разсмотрѣнія верхи богатства и низы нищеты, гдѣ исчезаетъ экономической расчётъ, гдѣ нѣтъ мѣста „экономическому человѣку“.

Вагоне, излагая его теорію, приписываетъ ему еще одну оговорку ¹⁾: если для индивида безразлично, облагается ли его доходъ или потребленіе, то это не безразлично съ точки зрѣнія распредѣленія податного бремени между различными классами дохода, такъ какъ одинъ и тотъ же объектъ потребленія поглощаетъ въ разныхъ по величинѣ бюджетахъ разныя доли ихъ. Послѣдняя поправка (если она была сдѣлана самимъ Панталеони), значительно ограничиваетъ практическое значеніе развиваемыхъ имъ взглядовъ: съ точки зрѣнія финансовой политики важно именно распредѣленіе податного бремени между различными

¹⁾ Op. cit., p. 24. Въ цитированной статьѣ Панталеони я не встрѣтилъ этой поправки.

классами населенія, а не вліяніе на индивидуальныя бюджеты. Однако и при всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя согласиться съ теоріей Панталеони: странно утверждать, что всякая „предѣльная доза“ потребляемыхъ благъ является роскошью! Вѣдь массы населенія во многихъ странахъ не могутъ потреблять нѣкоторыхъ предметовъ необходимости даже въ потребномъ для здоровья количествѣ, а косвенные налоги падали и кое-гдѣ до сихъ поръ падаютъ на такіе предметы. Авторъ далѣе забываетъ, что цѣна благъ б. ч. не соотвѣтствуетъ ихъ субъективной цѣнности для отдѣльныхъ потребителей, которые получаютъ при потребленіи т. н. потребительскую ренту ¹⁾, а при отказѣ отъ потребленія теряютъ эту ренту: расходъ ихъ сокращается на сумму, равную цѣнѣ потреблявшихся благъ, между тѣмъ какъ субъективная потеря часто значительно больше. — Да и перераспредѣленіе дохода совершенно иное при косвенномъ, чѣмъ при прямомъ обложеніи: въ приводимомъ II. примѣрѣ повышения налога на папиросы послѣдствіемъ его будетъ во всякомъ случаѣ большее или меньшее сокращеніе потребленія, но ассигнуемая доля расхода можетъ увеличиться, уменьшиться или остаться прежней въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій (Вагопе р. 25). Чѣмъ настоятельнѣе потребность въ облагаемомъ акцизомъ благѣ, тѣмъ рѣзче сказывается разница между вліяніемъ прямого и косвеннаго обложенія.

Налогъ на потребленіе ²⁾ повышаетъ цѣну облагаемаго продукта и, слѣд., расходъ на него, что должно отразиться въ бѣльшей мѣрѣ на остальныхъ расходахъ плательщика, чѣмъ при взиманіи прямого налога и болѣе равномерномъ сокращеніи всѣхъ расходовъ. Если же обложенный продуктъ не является предметомъ крайней необходимости, то его потребленіе должно сократиться значительно рѣзче, чѣмъ въ случаѣ прямого обложенія. Т. о. распредѣленіе потребленія и дохода подъ вліяніемъ косвеннаго налога значительно

¹⁾ Т. е. разницу между субъективной оцѣнкой блага даннымъ лицомъ и рыночной цѣнкой его, устанавливаемой „предѣльнымъ“ покупателемъ.

отличается от того, которое вызывается прямым обложением.

Бремя косвенныхъ налоговъ часто было еще болѣе невыносимымъ, чѣмъ бремя подушныхъ податей; они вызывали еще чаще народные бунты и приносили неизмѣримыя страданія: вспомнимъ только соляную конскрипцію въ Пруссіи XVIII в. и во Франціи, налоги на помоль и убой, хлѣбныя пошлины въ Англіи и т. п.

Не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ: современные косвенные налоги б. ч. падаютъ на предметы не первой необходимости и бремя ихъ не столь тягостно, какъ въ былыя времена. Но вліяніе ихъ на экономическую жизнь еще глубже и разнообразнѣе, чѣмъ прежде.

Обложение сосредоточилось на немногихъ предметахъ распространеннаго потребленія и въ значительной мѣрѣ опредѣлило характеръ и развитіе соотвѣтственныхъ отраслей промышленности, обуславливая измѣненія въ ихъ техникахъ и организаціи. Такъ обложение по емкости заторныхъ чановъ побуждало къ лучшему использованию матеріала и къ увеличенію выходовъ (сахарный акцизъ въ Австріи и др.), налогъ по вѣсу матеріала сосредоточивалъ производство его въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, дающихъ наиболѣе подходящій сырой матеріалъ (напр., сахарный акцизъ во Франціи до 1903 г.). Иногда та или иная форма налога принималась ради опредѣленнаго экономическаго эффекта, внѣ фискальныхъ соображеній или наряду съ ними: введеніе винной монополіи въ Германіи и Россіи мотивировалось не только необходимостью усиленія средствъ, но и интересами сельскихъ хозяевъ; сельскохозяйственное винокурение даетъ сбытъ продукту бѣдныхъ почвъ—картофелю, а отбросы производства служатъ кормомъ скоту; свеклосахарная промышленность связана съ интенсификаціей сельскаго хозяйства, интересы котораго опредѣляютъ отчасти и податную политику въ этой области. Но важнѣйшимъ и общимъ слѣдствіемъ современныхъ акцизовъ является содѣйствіе концентраціи производства: если развитіе и доходность акцизовъ обусловлены концентраціей соотвѣтствен-

ныхъ отраслей промышленности, то въ свою очередь акцизы еще болѣе ускоряютъ означенный процессъ: накладные расходы по содержанию контроля иногда непосильны мелкимъ предпріятіямъ, иногда законодательство устанавливаетъ опредѣленный минимальный предѣлъ размѣровъ предпріятій, напр., минимальную сумму выбираемыхъ табачными фабриками бандеролей, или косвенно содѣйствуетъ тому же, требуя опредѣленнаго соотношенія въ производствѣ высшихъ и низшихъ сортовъ (табака).

Концентрація производства приводитъ къ образованію синдикатовъ; и дѣйствительно мы замѣчаемъ, что послѣдніе развиваются особенно часто въ обложенныхъ акцизами отрасляхъ промышленности: сахарной, нефтяной, табачной, спичечной и пр.

Не буду останавливаться на вліяніи таможенныхъ пошлинъ на промышленность и торговлю, подомоваго налога на строительную дѣятельность, различныхъ формъ поземельнаго обложенія на землевладѣніе (австралійская земельная политика и прогрессивный поземельный налогъ!). Все это—конкретные вопросы, тогда какъ цѣль настоящаго очерка—намѣтить основныя черты экономическаго вліянія налоговъ и показать разносторонность ихъ экономическихъ и социальныхъ послѣдствій. Эти вѣроятныя послѣдствія каждаго налога нужно тщательно изучать при планированіи практическихъ мѣропріятій и при оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія двухъ вышеприведенныхъ принциповъ: фискальной продуктивности и наименьшаго препятствованія развитію производительныхъ силъ.

Глава 7.

О реформѣ прямыхъ налоговъ въ Россіи ¹⁾.

Подъ громъ пушекъ, въ моментъ нашествія врага, у насъ проведенъ чрезъ Гос. Думу и Гос. Совѣтъ подоходный налогъ, проектъ котораго ждалъ восемь лѣтъ своего осуществленія.

¹⁾ См. Вып. II. изданія о-ва имени А. И. Чупрова „Вопросы финансовой реформы въ Россіи. 1916.

Сдѣлано, по обыкновенію, съ опозданіемъ то, что слѣдовало сдѣлать еще осенью 1914-го г., въ началѣ войны, и на чемъ давно настаивали почти всѣ финансисты и все прогрессивное общество. Введеніемъ подоходнаго налога правительство признало то, что оно отрицало годъ тому назадъ: война не препятствуетъ финансовымъ (и прочимъ) давно назрѣвшимъ реформамъ; наоборотъ, въ минуту національнаго подъема отбрасывается рутинна и ослабѣваетъ сопротивление заинтересованныхъ группъ политическому прогрессу и оздоровленію страны. Подоходный налогъ—первый шагъ и необходимое условіе дальнѣйшихъ податныхъ реформъ, нѣкоторыя изъ которыхъ столь же неотложны, другія требуютъ предварительно выясненія результатовъ проведенной реформы.

При отсутствіи подоходнаго налога обложеніе военной прибыли должно поневолѣ ограничиться промышленной прибылью, тогда какъ есть и другія обширныя категоріи населенія, получающія благодаря войнѣ значительные барыши. Если бы налогъ былъ введенъ въ 1914 г., мы имѣли-бы уже теперь точныя данныя о размѣрахъ указанныхъ барышей, и проведеніе проектируемаго налога не представляло бы трудностей.

Еще важнѣе подоходный налогъ для правильной организаціи налога на лицъ, освобожденныхъ отъ воинской повинности: послѣдній долженъ быть построенъ въ видѣ дополнительнаго обложенія личнаго дохода—иначе онъ будетъ неравномѣрнымъ и ничтожнымъ по финансовымъ результатамъ: потому-то отъ него отмахивались министры финансовъ Германіи въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, какъ отъ наивной и бесполезной затѣи. Реформа реальныхъ налоговъ, замѣна ихъ поимущественными и пр. немислимы, пока нѣтъ подоходнаго налога.

Налогъ проведенъ въ той приблизительно формѣ, какую проектировало правительство въ 1907 году и финансовая комиссія IV Госуд. Думы въ прошломъ году: онъ служитъ дополненіемъ къ системѣ реальныхъ, взимается со всего дохода (*impôt global*) какъ физическихъ, такъ и юридическихъ лицъ.

Критическое состояніе финансовъ служить достаточнымъ оправданіемъ сохраненія нынѣшнихъ высокихъ реальныхъ налоговъ на ряду съ подоходнымъ: всякому понятно, что государство не можетъ въ переживаемое время отказаться отъ столь крупнаго дохода. Признавая это, финансовая комиссія, а за ней и Дума, сочли однако нужнымъ отмѣтить необходимость коренной реформы прямого обложенія, разграниченія государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ и усиленія послѣднихъ путемъ передачи имъ реальныхъ налоговъ. Какъ ни относиться къ послѣднему пожеланію, на которомъ я остановлюсь въ дальнѣйшемъ, необходимость коренной реформы обложенія не вызываетъ сомнѣній.

Дополнительный характеръ вводимаго налога предрѣшилъ ту форму — обложеніе дохода цѣликомъ, — которая принята въ законопроектѣ. Англійская — шедулярная — форма обложенія дохода по отдѣльнымъ источникамъ имѣеть, правда, рядъ серьезныхъ доводовъ въ свою пользу: она позволяетъ 1) достигать доходъ у источника; 2) дифференцировать ставки для фундированныхъ и нефундированныхъ доходовъ; 3) устанавливать общинныя надбавки къ частямъ государственнаго подоходнаго налога, падающимъ на недвижимость или предпріятія, собственники которыхъ не живутъ въ данной общинѣ; этимъ вводится коррективъ къ мѣстно-подоходному обложенію, устраняющій основное возраженіе противъ него; 4) при шедулярной формѣ задача органовъ фиска легче, и отъ нихъ не требуются „инквизиціонныя“ приемы провѣрки декларацій, практикующіеся въ Пруссіи и столь пугающіе французскихъ и англійскихъ финансистовъ и законодателей. Въ силу приведенныхъ соображеній англійскіе и американскіе (Селигманъ) писатели высказываются большею частью въ пользу шедулярной формы; Соединенные Штаты, вводя подоходный налогъ въ 1913 году, и Кайо, проектируя его въ 1909 году, сдѣлали шедулярное обложеніе основнымъ элементомъ, оставивъ за „глобальнымъ“ налогомъ (съ дохода цѣликомъ) роль дополнительнаго. Съ помощью указаннаго дополнительнаго налога (super tax) достигается прогрессія на высшихъ ступеняхъ дохода, а убы-

вающей съ ростомъ дохода вычетъ Existenzminimum'a (въ Англіи) создаетъ прогрессію для низшихъ ступеней облагаемыхъ доходовъ.

Несомнѣнно, однако, что послѣдовательная прогрессія при этой системѣ неосуществима, а сложенеіе доходовъ для установленія Existenzminimum'a и возвратъ излишне уплаченнаго подоходнаго налога представляютъ существенныя затрудненія.

Возможность проведенія послѣдовательной прогрессіи и Existenzminimum'a — серьезное преимущество германскаго типа подоходнаго обложенія. Съ другой стороны, взиманіе у источника не представляетъ столь значительныхъ выгодъ въ странахъ, какъ Россія, со слабо развитымъ кредитомъ, а дифференціація ставокъ съ фондируемыхъ и нефондируемыхъ элементовъ дохода можетъ быть достигнута и при германской системѣ: въ деклараціяхъ доходъ показывается по источникамъ, и возможно, обложивъ весь доходъ цѣликомъ, подвергнуть его фондируемые элементы (доходъ съ имущества) дополнительной ставкѣ. Но есть и другіе способы повышеннаго обложенія фондируемыхъ доходовъ: сохраненіе, на ряду съ подоходнымъ налогомъ, системы реальныхъ или введеніе общепоимущественнаго налога. Первая система примѣняется въ Австріи, Баваріи, нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ и во Франціи, гдѣ изъ проекта Кайо принятъ лишь дополнительный общеподоходный налогъ. Она неизбежна пока и у насъ, такъ какъ реформировать нынѣ же реальные налоги въ общеподоходный англійскаго типа или въ общепоимущественный немыслимо, а отказаться отъ нихъ государство теперь не можетъ. Поэтому, каковы бы ни были сравнительныя преимущества англійскаго или германскаго типа подоходнаго обложенія, оно должно было получить у насъ характеръ дополнительнаго къ реальнымъ обложенія дохода цѣликомъ.

Въ задачу моей статьи не входитъ критика проведеннаго закона—остановлюсь лишь вкратцѣ на двухъ моментахъ: на Existenzminimum'ѣ и на обложеніи акціонерныхъ компаній.

Въ комиссіи и Думѣ много спорили по вопросу о томъ, съ какой суммы дохода начинать обложеніе, при чемъ правые настаивали на цифрѣ 600 руб., правительство защищало минимумъ въ 700 руб., большинство Думы остановилось на 1000 руб., а крайніе лѣвые требовали еще болѣе высокой цифры, однимъ словомъ, цифра Existenzminimum'a повышалась въ направленіи справа налѣво. Это—довольно странно: казалось бы, именно тѣ, кто желаетъ сдѣлать подоходный налогъ основнымъ элементомъ нашей податной системы, должны настаивать на пониженіи Existenzminimum'a; вѣдь въ Пруссіи онъ равенъ 900 мар., т.-е. 410 рублямъ, а Пруссія богаче Россіи; если жизнь въ Россіи стала дорогًا, то „съ точки зрѣнія справедливости“ слѣдовало бы понизить нѣкоторые косвенные налоги, а не повышать минимумъ подоходнаго обложенія. Весь вопросъ, на мой взглядъ, былъ поставленъ большинствомъ ораторовъ неправильно: высокій Existenzminimum необходимъ, но вовсе не по соображеніямъ „справедливости“, а по техническимъ соображеніямъ, правда, упоминавшимся обоими докладчиками, но какъ-то отбѣсненнымъ во время преній на второй планъ: пониженіе минимума незначительно увеличило бы поступления и сильно усложнило бы взиманіе налога, увеличивъ на миллионы число плательщиковъ и удороживъ издержки взиманія; вотъ почему при введеніи налога, когда нужно налаживать его аппаратъ, Дума правильно поступила, установивъ минимумъ въ 1000 руб.; въ Гос. Совѣтѣ онъ пониженъ до 700 р., а въ согласіи комиссіи до 850 р.

Главнымъ пунктомъ споровъ при обсужденіи подоходнаго налога въ финансовой комиссіи III Госуд. Думы было обложеніе акціонерныхъ компаній. IV Госуд. Дума рѣшила его, въ противоположность финансовой комиссіи III Госуд. Думы, въ положительномъ смыслѣ.

Въ переживаемую минуту нужно поскорѣе ввести подоходный налогъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже прошелъ. Но для будущаго мирнаго времени привлеченіе акціонерныхъ компаній къ подоходному обложенію вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія.

При обсужденіи этого вопроса мы оставимъ въ сторонѣ юридическій споръ о томъ, являются ли акціонерныя компании юридическими лицами или „учрежденіями, служащими для нашихъ интересовъ“ (Neumann) ¹⁾, такъ какъ юридическія опредѣленія не могутъ вообще служить основаніемъ для рѣшенія финансовыхъ или экономическихъ вопросовъ, а наоборотъ, сами служатъ для формулировки принятыхъ по соображеніямъ цѣлесообразности положеній.

Спрашивается, цѣлесообразно ли облагать акціонерныя компании подходнымъ налогомъ на ряду съ акціонеромъ?

Существующія законодательства различно рѣшаютъ эту проблему. Такъ, Соединенные Штаты взимаютъ подходный налогъ съ акціонерной компании и освобождаютъ акціонера, вычитывая изъ его дохода получаемый имъ дивидендъ; большинство законодательствъ, по примѣру Пруссіи, облагаютъ акціонера и акціонерную компанию, но вычитываютъ при обложеніи послѣдней нѣкоторый средній процентъ (3 или $3\frac{1}{2}\%$) дохода въ качествѣ корректива противъ двойного обложенія; у насъ отказались и отъ указаннаго вычета, облагая полностью компанию и ея участниковъ.

Въ пользу такого усиленнаго обложенія акціонерныхъ компаний выдвигаютъ ихъ экономическія преимущества предъ единоличными предпріятіями (ограниченную отвѣтственность, позволяющую собирать малыми долями громадныя капиталы) и легкость уклоненія предьявительскихъ акцій отъ наследственнаго налога; акціонерныя компании, дѣйствительно, болѣе устойчивы и платежеспособны, чѣмъ равныя имъ по доходу единоличныя предпріятія, и успѣшно конкурируютъ съ послѣдними даже тамъ, гдѣ обложены выше; слѣдовательно, онѣ выдерживаютъ болѣе высокое податное бремя. Тамъ и поскольку обнаруживается ихъ болѣе высокая платежеспособность, фискъ можетъ по отношенію къ нимъ надавить

¹⁾ Fr. Neumann, Die Aktien- u. ähnlichen Gesellschaften als Rechts- u. als Steuersubjekte. Annalen. d. deut. Reichs, 1905.

податной прессъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ на единоличныя предприятия, хотя съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ обѣ формы равно полезны, и государство должно соблюдать въ отношеніи обѣихъ „абсолютный нейтралитетъ“. Высота обложенія коллективныхъ предприятий сравнительно съ единоличными должна опредѣляться въ зависимости отъ условій времени и мѣста.

Не слѣдуетъ также дѣлать жупела изъ двойного обложенія: обложеніе одного и того же источника нѣсколькими различными налогами или однимъ налогомъ въ различныхъ стадіяхъ требуется иногда въ интересахъ контроля деклараций или учета различныхъ экономическихъ признаковъ одного и того же объекта. Одновременное обложеніе акціонера и акціонерной компаніи вполне допустимо, если того требуютъ финансово-техническія соображенія. Но должно ли обложеніе быть въ обоихъ случаяхъ подходнымъ?

Въ пользу подходнаго прогрессивнаго налога съ акціонерныхъ обществъ намъ говорятъ: необходимо поставить ихъ въ одинаковыя условія съ единоличными предприятиями равныхъ съ ними размѣровъ; крупный промышленникъ уплачиваетъ максимальную ставку подходнаго налога, а акціонеры компаніи, акціи которыхъ распредѣлились между множествомъ мелкихъ собственниковъ, уплатятъ ничтожный подходный налогъ или даже совсѣмъ освободятся; если компанія не будетъ обложена, сумма полученнаго съ акціонеровъ налога будетъ меньше налога, уплаченнаго единоличнымъ предприятиемъ.

Но, съ другой стороны, при обложеніи акціонерной компаніи подходнымъ налогомъ окажется, что мелкіе акціонеры будутъ (черезъ посредство компаніи) уплачивать высокую ставку, совершенно не соотвѣтствующую ихъ доходу. Мелкій акціонеръ крупной компаніи уплатитъ болѣе высокой налогъ, чѣмъ крупный акціонеръ менѣе значительной. Однимъ словомъ, куда ни кинь, все клинъ: если не облагать акціонерную компанію, создается неравнобѣрность между обложеніемъ коллективныхъ и единоличныхъ предприятий; если же облагать ее, то страдаетъ равнобѣрность

обложения отдѣльныхъ акціонеровъ. При американской системѣ (обложения только акціонерной компаніи) возможны злоупотребленія путемъ прилива предъявительныхъ акцій изъ-за границы въ періоды установленія окладовъ налога поэтому она требуетъ усиленнаго контроля, неудобна и для фиска и для плательщика.

Пруская система (вычета средняго % изъ облагаемой прибыли коллективныхъ предпріятій) не устраняетъ той неравномѣрности въ обложеніи акціонеровъ, о которой только-что говорилось.

Поэтому многіе рекомендуютъ отказаться отъ прогрессіи при обложеніи юридическихъ лицъ и подвергать ихъ пропорціональному налогу (ср. напримѣръ А. А. Соколовъ въ „Р. В.“ 1915 года, № 183). При пропорціональномъ налогѣ неравномѣрность по отношенію отдѣльныхъ акціонеровъ будетъ меньшей (хотя все-таки налогъ будетъ сильнѣе отягощать мелкаго акціонера), но остается неравномѣрность въ обложеніи коллективныхъ и единоличныхъ предпріятій. Отказъ отъ прогрессіи есть признаніе, „что подоходный налогъ, поскольку онъ простирается на паевыя предпріятія, уже утрачиваетъ свойство личнаго налога и начинаетъ функціонировать въ качествѣ реального“ (Соколовъ, *ib.*). Эта мысль (которую авторъ защищалъ осенью 1914 г. на докладѣ въ Чупровскомъ обществѣ) постепенно проникаетъ въ финансовую литературу: такъ, напримѣръ, Fr. Neumann (op. cit, стр. 632) рекомендуетъ облагать коллективныя предпріятія, вмѣсто подоходнаго налога, сходнымъ съ нимъ реальнымъ налогомъ (eine solcher persönlichen Steuer nachgebildete Ertragssteuer). Точно такъ же другой нѣмецкій писатель Dinglinger ¹⁾ настаиваетъ на особомъ налогѣ для акціонерныхъ компаній и командитъ, который бы учитывалъ не только размѣръ, но и уровень прибыли. Последнюю мысль я считаю чрезвычайно важной: дѣйствительно, платежеспо-

¹⁾ Fr. Dinglinger, Die staatliche u. Kommunale Einkommenbesteuerung d. Aktienges. u. Kommanditen in Preussen u. Baden. Berlin, 1905.

способность предприятия обуславливается не только величиной его прибыли, но и высотой ее. Въ единоличныхъ предприятияхъ высота прибыли зависитъ частью отъ внѣшнихъ причинъ, частью отъ инициативы и энергіи предпринимателя; та доля ее, которая превышаетъ нормальный средний уровень, представляетъ не только конъюнктурный доходъ, но и предпринимательскую „ренту“, какъ ее понималъ Шеффле, вознагражденіе за талантъ, за новые пути, за удешевленіе производства, изобрѣтенія и т. д. Но въ коллективныхъ предприятияхъ этотъ элементъ играетъ слабую роль, и главную причину повышенной прибыли составляетъ конъюнктура, т. е. совокупность внѣшнихъ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ причинъ, не зависящихъ отъ дѣятельности предпринимателя: ростъ населенія, развитіе путей сообщенія, новые рынки, таможенная охрана и т. п. У насъ въ Россіи конъюнктура играетъ громадную роль: населеніе растетъ очень быстро, земледѣліе переживаетъ рѣзкія перемѣны, но кромѣ этихъ не поддающихся учету моментовъ основной причиной высокихъ, подчасъ чудовищныхъ прибылей нашей промышленности является усиленный протекціонизмъ. Охраняя за счетъ всего населенія высокіе дивиденды промышленности, государство имѣетъ полное право болѣе высокаго ихъ обложенія. Вотъ почему въ Россіи особенно необходима прогрессія ставокъ въ зависимости отъ уровня прибыли.

Такой налогъ у насъ давно имѣется— его и выдумывать нечего: дополнительный промысловый налогъ съ прибыли подотчетныхъ предприятий какъ разъ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя Dinglinger предъявляетъ къ обложенію акціонерныхъ компаній; онъ является самымъ интереснымъ и плодотворнымъ элементомъ въ системѣ нашего промысловаго обложенія; особенно цѣлесообразны тѣ дополнительные ставки, которыя взимаются съ прибылей, превышающихъ опредѣленный уровень (20%), осуществляя въ зародышевой формѣ ограниченіе монопольныхъ дивидендовъ. Этотъ налогъ слѣдуетъ сохранить и даже развитъ заложенный въ немъ начала, а не сокращать, какъ это предполагается министерствомъ финансовъ въ связи съ проектомъ по-

доходнаго налога. Обложеніе прибыли начинается, правда, съ 3⁰%, и иностранные акціонеры малоходныхъ предприятий, не дающихъ и 3⁰% на капиталъ, были бы совершенно свободны отъ обложенія. Но это и хорошо: Россія крайне нуждается и будетъ нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ, которые потребуютъ послѣ войны большаго процента, чѣмъ нынѣ; нужно будетъ всѣми силами привлечь ихъ въ новыя, первое время малоходныя предприятия, и освобожденіе отъ налога низшихъ дивидендовъ будетъ служить серьезнымъ стимуломъ къ такимъ помѣщеніямъ.

Итакъ, вмѣсто подоходнаго обложенія акціонерныхъ компаній слѣдовало бы въ интересахъ развитія производительныхъ силъ страны и ограниченія конъюнктурныхъ и монопольныхъ прибылей сохранить въ нынѣшнемъ размѣрѣ дополнительный промысловый налогъ съ прибыли, а также необходимый коррелятъ его — налогъ на капиталъ, препятствующій искусственному разводненію (въ интересахъ сокрытія высокаго уровня прибыли) декларируемаго акціонернаго капитала.

На этихъ двухъ налогахъ должно и впредь базироваться обложеніе акц. К⁰.

Что касается подоходнаго нал., то лучше всего не подвергать ему подотчетныя компаніи. Если же онъ будетъ признанъ необходимымъ въ интересахъ равномерности обложенія акц. К⁰ и крупныхъ единоличныхъ предприятий (хотя прибыли послѣднихъ подлежатъ менѣе точному учету, и фактически они обложены обычно ниже подотчетныхъ), то во избѣжаніе тройнаго обложенія акц. К⁰ слѣдовало-бы прибѣгнуть къ прусской системѣ вычета изъ прибылей акц. К⁰ нѣкотораго процента, равнаго среднему подоходному обложенію акціонеровъ.

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что однимъ подоходнымъ налогомъ система прямого обложенія ограничиться не можетъ: идея „единаго подоходнаго“ налога, столь популярная когда-то, въ періодъ крайней его идеализаціи, относится къ области фантазій. Трудность декларацій для мелкихъ платель-

щиковъ, подвижность населенія и невозможность контроля заставляютъ отказаться отъ обложенія мелкихъ доходовъ и повышать Existenzminimum—отсюда неизбежность при нѣкоторомъ давленіи финансовыхъ потребностей косвеннаго обложенія массы населенія путемъ акцизовъ, монополій, пошлинъ и т. д.

Внѣшняя и внутренняя миграція населенія и капиталовъ создаетъ и въ другихъ отношеніяхъ необходимость въ коррективахъ и дополненіяхъ къ подоходному налогу: иностранцы подлежатъ обложенію лишь тѣхъ источниковъ дохода, которые находятся въ предѣлахъ данной страны—облагается не весь ихъ доходъ, а только имущества, предприятия, заработокъ ихъ въ пріютившемъ ихъ государствѣ; въ мѣстныхъ—особенно коммунальныхъ—финансахъ частое несовпаденіе мѣста жительства собственника съ мѣстонахожденіемъ недвижимости или предприятия заставляютъ сохранять для общинъ, въ которыхъ расположены источники дохода, обложеніе этихъ источниковъ, независимо отъ личности собственника. Наконецъ, и это самое главное, большая платежеспособность лицъ, получающихъ доходы съ имущества сравнительно съ лицами, живущими заработками, требуетъ дифференціаціи ставокъ подоходнаго налога (италианская система), принятая нынѣ и въ Англии, представляющей серьезныя техническія неудобства ¹⁾, или введенія на ряду съ подоходнымъ налогомъ общепоимущественнаго, или сохраненія въ томъ или иномъ видѣ реальныхъ. Итакъ, не говоря о неизбежности сохраненія реальныхъ налоговъ въ переживаемое тяжелое время, возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли сохранить реального обложенія нѣкоторыхъ источниковъ дохода и въ будущемъ?

Мы наталкиваемся въ этомъ вопросѣ на весьма распространенный лозунгъ, ставшій какъ бы аксіомой финансовой политики въ прогрессивныхъ общественныхъ кругахъ—о необходимости передачи реальныхъ налоговъ мѣстнымъ

¹⁾ См. о нихъ Fr. Neumann. Vermögenssteuern u. Wertzuwachssteuern als Ergänzung der Einkommensteuern. 1910. 2 Absch.

союзамъ—земствамъ и городамъ. Объ этомъ твердятъ резолюціи городскихъ и земскихъ съѣздовъ, партійныя программы и проекты реформъ (к.-д.), журнальныя и газетныя статьи и т. д. Источники государственнаго и мѣстнаго обложенія, по „общему убѣжденію“, должны быть разграничены, при чемъ государство должно основать свою податную систему на подоходномъ налогѣ, а земства и города—на реальныхъ; въ коммунальномъ обложеніи, молъ, въ отличіе отъ государственнаго, болѣе приложимъ „принципъ услуги и возмездія“, такъ какъ мѣстные расходы приносятъ болѣе осязаемыя выгоды опредѣленнымъ лицамъ или группамъ, а реальные налоги позволяютъ учесть эти выгоды.

Всѣ эти положенія, принимаемая большей частью на вѣру, вызываютъ серьезныя сомнѣнія въ ихъ правильности. Начнемъ съ требованія разграниченія источниковъ обложенія; оно издавна „исповѣдывается“ въ Англіи, составляетъ догматъ германской финансовой науки (а мы все еще находимся, къ сожалѣнію, въ вассальной зависимости отъ нея) и нынѣ стало лозунгомъ финансовой реформы въ Соед. Штатахъ ²⁾. Но если мы приемотримся къ практикѣ обложенія въ соответственныхъ государствахъ, то увидимъ, что она расходится съ указанной теоріей, а если отвѣчаетъ, то вызываетъ нареканія. Прусскіе коммунальные финансы и послѣ реформы 1893 года базируются столько же на подоходномъ налогѣ, сколько и на реальныхъ—надбавки къ подоходному налогу превышаютъ даже поступления отъ поземельнаго, подомоваго и промысловаго обложенія. У насъ забываютъ, повидимому, объ этомъ сторонники полнаго „разграниченія источниковъ обложенія“, вторящіе нѣмецкимъ учебникамъ. Англійская система мѣстныхъ налоговъ, совершенно отличныхъ отъ государственныхъ, объясняется своеобразными условіями историческаго развитія, она крайне нецѣлесообразна, вызываетъ въ теченіе столѣтія всеобщія нареканія, ожесточенную борьбу

²⁾ См. Seligman (Essays in taxation), доклады Lawson Purdy, Parker Willis и др. на 1-й національной конференціи въ 1907 г. (State and local taxation. Addresses and proceedings. N—J. 1908 и пр.

и требованія коренной реформы, которымъ суждено, вѣроятно, осуществиться послѣ войны и окончанія земельныхъ оцѣнокъ; нѣкоторымъ коррективомъ къ ней явилась широко развитая система государственныхъ пособій (то же крайне неудачная въ той ея части, которая была создана Гошеномъ въ 1888—90 гг.). Что касается Соед. Штатовъ, требованія разграниченія государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ объясняются недостатками существующей тамъ первобытной раскладочной системы, вызывающей борьбу мѣстныхъ союзовъ за падающіе на нихъ контингенты, стремленіе понизить оцѣнки и пр. злоупотребленія. Въ латинскихъ странахъ система надбавочныхъ сборовъ не вызываетъ нареканий: всѣ французскіе писатели признаютъ ее наиболѣе цѣлесообразной формой обложенія, значительная часть итальянскихъ финансистовъ—тоже. Государство захватило въ свои руки всѣ наиболѣе важные источники дохода, и мѣстнымъ союзамъ остается только воспользоваться тѣми же источниками (съ извѣстными ограниченіями).

Имъ нѣтъ никакого основанія отречься отъ подоходнаго налога: пора, наконецъ, отказаться отъ столь распространеннаго заблужденія, будто мѣстные расходы производятся въ интересахъ опредѣленныхъ группъ мѣстнаго населенія и что покрытіе ихъ должно, въ противоположность общегосударственнымъ расходамъ, покоиться на „принципѣ услуги и возмездія“. Вѣдь большая часть городскихъ и особенно земскихъ расходовъ имѣютъ общегосударственный характеръ: народное образованіе, медицина, даже дорожное дѣло—все это функціи самоуправленія, въ которыхъ заинтересовано не только все населеніе данной мѣстности, но и государство, и чѣмъ болѣе органы самоуправленія становятся органами мѣстнаго управленія, принимая на себя новыя функціи „вплоть до организаціи тыла на войнѣ и снабженія арміи снарядами“, тѣмъ болѣе звучитъ анахронизмомъ противоположеніе общегосударственныхъ задачъ задачамъ мѣстныхъ союзовъ. Если бы даже признать правильнымъ, что характеръ источниковъ дохода публичнаго союза долженъ опредѣляться характеромъ расходовъ, которымъ они

служать покрытіемъ, то все-таки пресловутому „принципу услуги и возмездія“ остается и въ мѣстныхъ финансахъ весьма скромное мѣсто (такое же, какъ и въ государственныхъ расходахъ на улучшеніе дорогъ, на меліораци, на различныя учрежденія, приносящія особенныя выгоды той или иной мѣстности).

Предположимъ, однако, что „услуга и возмездіе“ опредѣляютъ желательный характеръ мѣстнаго обложенія, и все-таки это—не доводъ въ пользу реальныхъ налоговъ: существующіе въ большинствѣ странъ реальные налоги не пропорціональны выгодамъ собственниковъ недвижимости или торговцевъ отъ дѣятельности мѣстныхъ союзовъ: интересно знать, въ чемъ пропорціоналенъ выгодамъ торговца уплачиваемый имъ промысловый налогъ или выгодамъ крестьянина оцѣночный сборъ? Но если бы и это положеніе было правильнымъ, неужто нужно ради этого наградить земства и города устарѣлыми, неравномѣрными и неподвижными реальными налогами въ современной ихъ формѣ? Вотъ ужъ истинѣ выйdetъ: „на тоби, небоже, що мини не гоже“. Поразительно, что наши городскіе и земскіе дѣятели такъ ухватились за этотъ лозунгъ: его можно только объяснить отчаяннымъ положеніемъ мѣстныхъ финансовъ.

Есть, впрочемъ, еще одинъ мотивъ разграниченія государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ, доминирующій у австрійскихъ, итальянскихъ и русскихъ сторонниковъ этого взгляда: это—стремленіе къ независимости мѣстныхъ союзовъ въ податномъ дѣлѣ, такъ какъ надбавки къ государственнымъ налогамъ связываютъ обѣ стороны и ограничены въ размѣрахъ. Нужно замѣтить, однако, что возможны надбавочные сборы безъ ограниченія ставокъ (Австрія—вредная система) и бывають ограниченія ставокъ самостоятельныхъ налоговъ (слишкомъ хорошо извѣстныя намъ въ Россіи); такимъ образомъ ограниченіе податной автономіи не связано непременно съ надбавочной системой. Къ тому же податная автономія далеко не можетъ считаться непреложнымъ постулатомъ коммунальной финансовой политики, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія технико-финансовой: надбавки къ эластичнымъ

налогамъ часто оказываются болѣе цѣлесообразнымъ источникомъ дохода, чѣмъ самостоятельныя, но устарѣлыя формы обложенія.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что нѣтъ особенной надобности въ строгомъ разграниченіи источниковъ государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ, что земства и города не могутъ обойтись безъ надбавокъ къ подоходному налогу, причемъ часть этихъ надбавокъ, по идеѣ, пропагандируемой проф. П. П. Гензелемъ въ его извѣстной работѣ, можетъ быть предназначена на образованіе особаго эквализаціоннаго фонда съ цѣлью выравниванія бремени между богатыми и бѣдными мѣстностями. Передача мѣстнымъ союзамъ нынѣшнихъ реальныхъ налоговъ теперь, въ качествѣ временнаго expédient, немыслима въ силу финансовой нужды государства, а впоследствии невозможна безъ коренной реформы всей системы реального обложенія.

А само государство—должно ли оно сохранить на ряду съ подоходнымъ налогомъ обложеніе отдѣльныхъ источниковъ дохода (реальное) въ реформированномъ видѣ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны установить прежде всего нѣкоторыя общія исходныя положенія: 1) основнымъ налогомъ, опорнымъ пунктомъ всей податной системы стать, по нашему предположенію, въ дальнѣйшемъ подоходный налогъ; если онъ пока вводится въ качествѣ дополнительнаго налога къ реальнымъ, то въ будущемъ всѣ прочіе прямые налоги займутъ второстепенное мѣсто, будутъ дополненіемъ къ подоходному. 2) Ихъ функція должна заключаться въ учетѣ тѣхъ моментовъ платежеспособности, которые не учитываются подоходнымъ налогомъ, а именно—различій въ источникахъ дохода: отличія фундированныхъ доходовъ отъ нефундированныхъ, рентныхъ и конъюнктурныхъ доходовъ отъ обычной прибыли на затраченный капиталъ. 3) Податная система должна отвѣчать основному принципу экономической и финансовой политики—развитія производительныхъ силъ страны. 4) Система налоговъ

должна представлять такое сочетаніе ихъ, которое давало бы возможность взаимной провѣрки показаній, уменьшало бы выгоду неправильныхъ декларацій.

Выше уже было указано, что дифференціація обложенія фундированныхъ и нефундированныхъ доходовъ возможна и въ подоходномъ налогѣ (даже германскаго типа). Однако эта система представляетъ рядъ неудобствъ ¹⁾: во многихъ видахъ доходовъ, особенно промысловыхъ, чрезвычайно трудно отдѣлить трудовой доходъ отъ нетрудового—приходится создавать, какъ, на примѣръ, въ Италіи, совершенно произвольныя различія ставокъ, при чемъ въ каждой категоріи все-таки не учитывается различное соотношеніе трудового и нетрудового элемента въ мелкихъ и крупныхъ доходахъ. А разъ эта система не годится, остается выборъ между общепоимущественнымъ налогомъ или системой реальныхъ.

Но первый падаетъ въ одинаковой мѣрѣ на всѣ имущества—движимыя и недвижимыя, денежные капиталы, предприятия, дома и земли и, слѣдовательно, не учитываетъ рентнаго характера доходовъ съ недвижимости. Между тѣмъ въ интересахъ роста производительныхъ силъ, особенно въ странахъ, какъ Россія, съ богатыми возможностями, но бѣдныхъ капиталомъ, знаніями и промышленной инициативой, необходимо особенно бережно относиться къ производительнымъ затратамъ, ко всякому начинанію, поощрять энергію и инициативу. Въ виду этого необходима дифференціація обложенія отдѣльныхъ источниковъ фундированнаго дохода. Россія ищетъ и будетъ искать денежныхъ капиталовъ, всячески привлекая ихъ изъ-за границы—странно было бы другою рукой отталкивать ихъ путемъ высокихъ налоговъ; точно такъ же высокое промысловое обложеніе на ряду съ подоходнымъ представляется нежелательнымъ. Главная тягость податнаго бремени въ интересахъ экономическаго развитія нашей родины должна пасть на пассивные элементы національнаго дохода—на ренту земельныхъ соб-

¹⁾ См. Neumann, о. с., Кар. II (стр. 18—31).

ственниковъ. Въ юныхъ демократіяхъ англосаксонскаго міра—въ Австраліи и Канадѣ—эта идея получила наиболѣе полное выраженіе: налогъ на „чистую цѣнность земли“ (site value), получаемую путемъ вычета изъ цѣнности недвижимости всякихъ производительныхъ затратъ (improvements), занимаетъ все болѣе видное мѣсто въ ихъ государственныхъ и мѣстныхъ финансахъ, осуществляя отчасти идею Генри Джорджа; тѣ же тенденціи одерживаютъ верхъ въ Соед. Штатахъ и даже въ старой консервативной Англій въ области мѣстнаго обложенія ¹⁾. Доходъ земельного собственника, какъ таковой, это—гиря, висящая на производительныхъ силахъ страны, это—тормазь технического прогресса, задерживающій сельскохозяйственные успѣхи, строительство въ городахъ, промышленность и т. д. Пусть же финансовый прессъ надавитъ всей своей тяжестью на этотъ паразитарный доходъ.

Нашъ поземельный налогъ прямо противоположенъ указанному требованію: взимаемый въ устарѣлой раскладочной формѣ, онъ поражаетъ ничтожностью контингента: расписание среднихъ подесятинныхъ окладовъ, принятыхъ въ основу исчисленія контингента ^(1/4—17 коп.), покоилось на пониженныхъ оцѣнкахъ 30—40 годовъ; охраняя интересы помѣстнаго дворянства, правительство не рѣшалось повысить его (а въ 1896 году почему-то понизило вдвое на 10 лѣтъ), и только нынѣ, въ минуту страшной нужды, рѣшилось послѣ долгихъ колебаній примѣнить новое расписание (по законопроекту 1908 года) окладовъ, повышающее ихъ приблизительно вдвое. Однако и новыя оцѣнки, положенныя въ основу нынѣшней раскладки, значительно ниже дѣйствительной цѣнности земли. Раскладка производится земствомъ большей частью тоже на основаніи устарѣлыхъ оцѣнокъ; земскія оцѣнки подвигаются весьма медленно ²⁾.

¹⁾ См. мою работу „Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ“ т. II.

²⁾ Къ 1 іюля 1911 г. онѣ были закончены только въ пяти губерніяхъ, и то не во всѣхъ уѣздахъ.

особенно въ отношеніи сельскихъ недвижимостей, и правительство усиленно торопитъ земства, грозя въ случаяхъ замедленія взять оцѣнки въ свои руки (законопроектъ о мѣрахъ къ скорѣйшему завершенію оцѣночныхъ работъ въ земскихъ губерніяхъ). Однако польза производимыхъ земствами оцѣнокъ представляется мнѣ чрезвычайно сомнительной.

Нужно замѣтить, что наши земскія оцѣнки лишены того прочнаго базиса, на которомъ произведены были знаменитый французскій, миланскій и др. кадастры, а именно точнаго геометрическаго измѣренія земли: указанная — самая дорогая — операція кадастровъ представляетъ и наибольшую цѣнность, притомъ самостоятельную цѣнность, независимую даже отъ полезности самого кадастра. Насчетъ послѣдней, какъ извѣстно, мнѣнія сильно расходятся, и многіе финансисты считаютъ кадастры громоздкой, дорогой и неоправдывающей издержекъ операціей. Во всякомъ случаѣ, служба для выясненія нормальной доходоспособности различныхъ земельныхъ угодій, кадастръ предполагаетъ устойчивыя экономическія условія (методы обработки земли, соотношенія угодій и прочія условія сельскохозяйственной культуры), а также прочно установившійся строй землевладѣнія. Франція къ моменту главныхъ работъ своего перваго кадастра (20—30 годы XIX вѣка) успѣла уже пережить революцію какъ въ системѣ полеводства, такъ и въ условіяхъ землевладѣнія — она перешла уже къ многополію и къ мелкой частной собственности; экономическія и правовыя условія ея земледѣлія кристаллизовались въ той формѣ, какую они сохранили въ общемъ до сихъ поръ. И, несмотря на это, какъ труденъ и продолжителенъ былъ ея кадастръ и какъ несовершенны его результаты! Теперь она повторила оцѣнки скорѣе и дешевле; но вѣдь Франція — застывшая страна со стаціонарнымъ и мало подвижнымъ населеніемъ, слабой мобилизаціей земельной собственности и медленно прогрессирующей (въ общемъ довольно высокой) техникой сельскаго хозяйства ¹⁾.

¹⁾ Переоцѣнка 1908—1913 г. обнаружила пониженіе доходности и вызвала уменьшеніе окладовъ поземельнаго налога съ 115 до 65 м. фр.

Совершенно иную картину представляет наша родина: она переживает революционный период перехода от трехполья къ плодоперемѣнной системѣ, и этотъ процессъ въ ней только начинается; землевладѣніе ея, отчасти естественно, отчасти насильственно, совершенно перестраивается — на мѣстѣ общины создается частная собственность, что въ свою очередь вызоветъ полную перетасовку культуръ и угодій, наконецъ, происходитъ усиленная мобилизація земли — переходъ ея отъ дворянъ къ купцамъ и крестьянамъ; война вызываетъ новую перемѣну — продажу земель нѣмецкихъ колонистовъ...

И въ такой моментъ полной неустойчивости экономическихъ и юридическихъ отношеній земскія оцѣнки пытаются закрѣпить на многіе годы, пожалуй, на десятки лѣтъ снимокъ текущей дѣйствительности, а правительство, понукая ихъ къ скорѣйшему завершенію оцѣночныхъ работъ, предполагаетъ базировать на нихъ государственное обложеніе земли! Правительственный проектъ объ ускореніи и централизаціи земскихъ оцѣнокъ имѣетъ *raison d'être*, если признать необходимость кадастра въ Россіи, но, по нашему мнѣнію, быстрый темпъ современной экономической эволюціи нашего отечества дѣлаетъ кадастръ бесполезнымъ, а обложеніе по средней доходоспособности нецѣлесообразнымъ.

Да и къ чему оно будетъ на ряду съ подходнымъ? въ качествѣ контрольнаго средства? Но устарѣлыя земельныя оцѣнки были бы весьма сомнительнымъ критеріемъ для повѣрки декларацій — органамъ фиска предоставляется возможность пользоваться для этой цѣли болѣе разнообразными и свѣжими данными и судить о цѣнности по ихъ совокупности, индивидуализируя оцѣниваемый источникъ дохода.

Если мы поставимъ дополнительному реальному обложенію вышеизложенную задачу усиленнаго нажима на ренту, то обложеніе всего дохода съ земельной собственности нужно отвергнуть: изъ суммы дохода слѣдуетъ вычитывать ту долю, которая представляетъ вознагражденіе за вложенный въ сельскохозяйственное предпріятіе капиталъ, за про-

изведенныя меліораціі, постройки, однимъ словомъ за все то, что англичане обнимають терминомъ „улучшенія“ (improvements); освобожденіе отъ налога этихъ элементовъ дохода крайне важно въ Россіи въ цѣляхъ поощренія столь необходимой намъ интенсификаціи сельскаго хозяйства: возьмемъ примѣръ съ англо-саксонскихъ юныхъ и быстро прогрессирующихъ демократій, дадимъ дорогу техническому прогрессу!

Осуществленіе указаннаго принципа при сохраненіи обложенія по (средней) доходности представляетъ серьезныя затрудненія въ оцѣнкѣ: въ доходѣ съ недвижимости часто немислимо выдѣлить рентный элементъ.

Какъ опредѣлить долю дохода сельскаго хозяина, обязанную меліорациямъ, инвентарю? Между тѣмъ капитальную (матеріальную) стоимость построекъ, инвентаря и тому подобное можно опредѣлить съ достаточной точностью и вычесть ее изъ продажной цѣнности. Правда, и такой методъ не всегда приводитъ къ опредѣленію дѣйствительной „чистой цѣнности земли“ (site value), такъ какъ иногда постройки и прочія „улучшенія“ не отвѣчаютъ возможной эксплуатаціи недвижимости и повышаютъ цѣнность недвижимости на сумму меньшую, чѣмъ они сто́ятъ (а иногда совсѣмъ не повышаютъ цѣнности); тогда приходится опредѣлять самостоятельно вѣроятную „чистую цѣнность“ земли. Но эти случаи, на которыхъ я еще останавлиюсь, составляютъ исключеніе среди сельскихъ недвижимостей. Во всякомъ случаѣ, какъ ни опредѣлять рентный элементъ — самостоятельно или путемъ вычета, его легче опредѣлить по капитальной цѣнности. Поэтому даже въ Англии, гдѣ мѣстная податная система построена на обложеніи доходности недвижимости (rateable value) и гдѣ поимущественнаго налога нѣтъ, проекты обложенія земельной ренты, какъ дохода (законопроекты 1901 и 1902 г. Бёрнса и Тревельяна), смѣнились уже съ 1903 года проектами налога по капитальной цѣнности, и нынѣшняя оцѣнка недвижимостей (земли) имѣетъ цѣлью установить капитальную (рыночную) цѣнность земли— site value.

Обложеніе по цѣнности.

Споръ о сравнительныхъ преимуществахъ оцѣнки и обложенія по рыночной (продажной) цѣнности и по доходности имущества давно ведется въ парламентахъ и финансовой литературѣ какъ по отношенію къ государственнымъ, такъ и по отношенію къ мѣстнымъ налогамъ.

Еще въ началѣ прошлаго вѣка кадастръ по цѣнности выдвигался въ Германіи въ противовѣсъ парцеллярнымъ кадастрамъ по доходности, какъ болѣе простой и рациональный методъ оцѣнокъ; онъ былъ удачно примѣненъ въ нѣсколькихъ южно-германскихъ государствахъ, но въ большинствѣ кадастровъ продажная цѣнность служила лишь контрольнымъ даннымъ для провѣрки оцѣнокъ дохода, напр., во Франціи. Цѣнность имущества, говорятъ защитники этого основанія оцѣнокъ, представляетъ собой капитализованную изъ средняго рыночнаго процента чистую доходность имущества; не проще ли, вмѣсто того чтобы вычислять расходы эксплуатаціи, убытки и такъ далѣе для опредѣленія чистаго дохода, воспользоваться данными рынка, производящаго указанныя вычисления и дающаго оцѣночнымъ органамъ готовый результатъ въ видѣ продажной цѣны? Если бы продажная цѣнность дѣйствительно равнялась капитализованной чистой доходности и вопросъ сводился лишь къ приѣмамъ оцѣнки, то рѣшеніе его зависѣло бы только отъ достаточности и достовѣрности оцѣночныхъ данныхъ: тамъ, гдѣ недвижимости часто переходятъ изъ рукъ въ руки и гдѣ имѣется, слѣдовательно, много документальныхъ данныхъ о продажныхъ цѣнахъ, какъ, на примѣръ, въ южной Германіи съ ея мелкимъ землевладѣніемъ, условія благопріятны для кадастровъ по рыночной цѣнности; наоборотъ, тамъ, гдѣ мобилизація земли еще въ зачаточномъ состояніи или гдѣ развита земельная аренда, преимущество остается за оцѣнками по доходности. Такъ, у насъ данныя о продажныхъ цѣнахъ земель недостаточно многочисленны, а имѣющіяся крайне недостовѣрны, такъ какъ показанныя въ купчихъ крѣпостяхъ и другихъ актахъ цѣны

часто совершенно не соответствуют действительности; поэтому наши земские статистики высказываются против принятия основаніемъ оцѣнокъ продажныхъ цѣнъ. Нужно замѣтить, однако, что происходящій нынѣ процессъ мобилизации земельной собственности значительно увеличиваетъ число документальныхъ данныхъ о продажныхъ цѣнахъ, дополняемыхъ залоговыми и прочими оцѣнками земли. Министерство финансовъ собрало къ законопроекту объ измѣненіи окладовъ поземельнаго налога и продолжаетъ собирать обильный матеріалъ о цѣнахъ на землю.

Но помимо всѣхъ этихъ соображеній въ пользу оцѣнокъ по рыночной цѣнности есть болѣе существенные доводы въ пользу обложенія по рыночной цѣнности вмѣсто дохода. Центръ спора не въ основаніи оцѣнки, а въ основаніи налога; вокругъ этого именно вопроса ведется борьба.

Борьба эта объясняется тѣмъ, что продажная цѣнность недвижимости большей частью превышаетъ капитализованный изъ средняго процента чистый доходъ. Указанная разница особенно замѣтна въ городахъ и еще больше въ пригородахъ и окрестностяхъ большихъ растущихъ городовъ, но отчасти наблюдается и въ отношеніи сельскихъ недвижимостей. Pistorius ¹⁾ вычислилъ доходность движимыхъ капиталовъ (*Kapitalvermögen*) для Пруссіи въ 4,47%, а для недвижимостей (*Grundvermögen*)—въ 3,5%. Въ мѣстностяхъ съ мелкимъ землевладѣніемъ (округи Эрфуртъ, Кобленць...) она падаетъ до 2,3—2,9%. Разница эта давно отмѣчена въ экономической литературѣ и объяснялась различно: одни объясняли болѣе низкимъ процентомъ капитализаціи дохода при опредѣленіи цѣнности недвижимости (Тукъ, Конрадъ), но это есть лишь констатированіе того же факта, требующаго объясненія; Писториусъ перечисляетъ слѣдующія причины разницы: 1) болшую прочность поземельнаго дохода, 2) монопольный характеръ его, 3) трудность точнаго подсчета, 4) игнорированіе нѣкоторыхъ эле-

¹⁾ Pistorius, *Vermögensteuer u. Landwirtschaft...* Fin. Arch., 1910, Kap. I.

ментовъ его покупателемъ и 5) социальныя мотивы, побуждающіе къ покупкѣ земли (общественная роль землевладѣльцевъ, почетъ, выборныя должности). Оставляя безъ вниманія 3-й и 4-й изъ приведенныхъ мотивовъ, совершенно не объясняющихъ постоянной разницы въ одномъ направленіи, замѣтимъ, что социально-психологическій мотивъ, позволяющій довольствоваться меньшимъ доходомъ съ вложеннаго въ землю капитала изъ-за почета и т. д., недостаточенъ для объясненія разбираемаго явленія; что касается „прочности“ дохода, она не больше, чѣмъ во многихъ другихъ помѣщеніяхъ капитала. Остается монопольный характеръ его, самъ по себѣ тоже не разъясняющій повышенной цѣнности земли. Основная причина ея заключается въ возможности роста доходности; этотъ моментъ справедливо выдвигаетъ на первый планъ итальянскій экономистъ G. de Francisci Gerbino ¹⁾: цѣнность недвижимости, какъ и всякаго имущества, являющагося источникомъ длящагося пользования, опредѣляется не только настоящимъ его доходомъ (или выгодами непосредственнаго пользованія), но и будущимъ; вѣроятность увеличенія дохода въ будущемъ (или превращенія изъ бездоходнаго въ доходное...) вызываетъ увеличеніе мѣншой цѣнности недвижимости, правда не вполне пропорціональное вѣроятному приросту дохода въ силу „элемента неизвѣстности, сопровождающаго все будущія блага“. Монополія землевладѣнія служитъ причиной повышенной сравнительно съ доходностью продажной цѣнности лишь постольку, поскольку она обусловливаетъ увеличеніе въ будущемъ получаемаго дохода. Тотъ же будущій возможный доходъ создаетъ цѣнность абсолютно или относительно „непроизводительныхъ“ (т. е. не дающихъ дохода) имуществъ, какъ, на примѣръ, бездоходныхъ участковъ, годныхъ для застройки. Однимъ изъ мотивовъ всехъ реформъ, преслѣдовавшихъ замѣну обложенія по доходу

¹⁾ G. de Francisci Gerbino, *Le imposte patrimoniali e la valutazione del patrimonio fondiario*, 1912, cap. I.

обложениемъ по цѣнности, и было стремленіе учесть и настичь этотъ будущій доходъ или приростъ дохода.

Въ пользу Wertsteuer въ Германіи выдвигались большая подвижность (?), опредѣленность и дешевизна (не всегда. В. Т.) его, облегченіе бремени, падающаго на дома съ дешевыми квартирами (такъ какъ доходность такихъ домовъ очень высока по сравненію съ домами съ дорогими квартирами), но главные доводы заключались въ возможности обложить незастроенные участки, настигнуть „спекулянтовъ“, „задерживающихъ предложеніе земли“, переложить на нихъ часть податного бремени, понизить обложеніе застроенныхъ недвижимостей и такимъ образомъ содѣйствовать застройкѣ городовъ и пониженію квартирныхъ цѣнъ ¹⁾).

Но если въ области коммунальнаго обложенія городскихъ недвижимостей принципъ Wertsteuer торжествовалъ, то въ государственномъ обложеніи сельскихъ недвижимостей онъ вызвалъ рѣзкое сопротивленіе; въ прусскомъ общепомущественномъ налогѣ послѣ долгой борьбы новелла 1909 года замѣнила рыночную цѣнность (gemeiner Wert) въ качествѣ основанія обложенія сельскохозяйственныхъ имуществъ капитализованной изъ 4% доходностью. Та же льгота была создана при обложеніи наслѣдства (законъ 1904 г.) и пр. Указанная перемѣна, вызвавшая ожесточенныя нападки въ парламентѣ и литературѣ (такого знатока, какъ Strutz), встрѣчаетъ принципиальныхъ защитниковъ въ лицѣ Neumann'a, Gerbino и др.

Оставляя даже въ сторонѣ техническія трудности обложенія сельскохозяйственныхъ недвижимостей по продажной цѣнности вслѣдствіе рѣдкости продажъ и недостаточности данныхъ, обложеніе по капитализованной доходности, по мнѣнію Neumann'a ²⁾, принципиально оправдывается низкой доходностью недвижимостей: купецъ получаетъ со 100 ты-

¹⁾ См. мою кн. Обложеніе городской недвижимости на Западѣ, т. II, стр. 141 и слѣд.

²⁾ Neumann, Vermögensteuern u. Wertzuwachssteuern. . . 1910, Kap. IV.

сячь 4—5 тыс. дохода, а землевладелецъ съ такого же имущества около 2—3 тыс.; справедливо ли, не взирая на разницу въ доходѣ, облагать обоихъ въ равной мѣрѣ?

Въ Швейцаріи тоже учитывается низкая доходность недвижимостей, и онѣ привлекаются къ военному налогу только въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ продажной цѣнности. Что касается строительныхъ участковъ, размѣръ которыхъ обычно приводится въ пользу обложенія по цѣнности, приростъ ихъ цѣнности слѣдуетъ обложить въ моментъ реализаціи налогомъ на приростъ, который долженъ дополнять поимущественное обложеніе, основанное на капитализованной доходности недвижимостей.

Гораздо любопытнѣе соображенія, развиваемыя г. Gerbino ¹⁾: онъ исходитъ изъ посылки, что нормальнымъ источникомъ удовлетворенія коллективныхъ потребностей является доходъ для покрытія настоящихъ коллективныхъ потребностей. Государство должно учитывать настоящую, а не будущую (потенціальную) платежеспособность гражданъ (р. 105); поимущественные налоги (оставляя въ сторонѣ налогъ съ наслѣдствъ) представляютъ собой повторное обложеніе дохода, лишь съ другимъ основаніемъ измѣренія, учитывающимъ большую платежеспособность фондированныхъ доходовъ или выгоды непосредственнаго пользованія бездоходнымъ имуществомъ (паркомъ, драгоценностями...).

Періодическій налогъ долженъ падать на періодическія поступления, т. е. на доходъ или стоимость пользованія (*valore di produttività*); „потенціальную“ платежеспособность, будущую доходность недвижимостей (находящую выраженіе въ повышенной ихъ рыночной цѣнности) слѣдуетъ привлечь въ тотъ моментъ, когда она превращается въ наличное богатство (*ricchezza effettiva*) — при переходѣ имущества въ другія руки: только въ моментъ продажи происходитъ реальное увеличеніе платежеспособности собственника. Налоги на переходъ собственности вос-

¹⁾ Op. cit., cap. IV—V.

полняютъ такимъ образомъ пробѣлы періодическаго обложения. Каждый обмѣнъ, по мнѣнію автора, создаетъ, а не только перемѣщаетъ, цѣнности, такъ какъ увеличиваетъ относительную полезность обмѣниваемыхъ благъ для обоихъ контрагентовъ (р. 124—5), а кромѣ того при продажѣ недвижимостей собственникъ учитываетъ будущій приростъ доходовъ. Поэтому налоги на переходъ должны быть двоякаго рода: умѣренный (*mite*) налогъ со всей продажной цѣны (какъ, на примѣръ, нѣмецкій *Umsatzsteuer*, *droits d'enregistrements*) и „налогъ съ дифференціальной цѣнности“ (*valore differenziale* или *divergente*, т. е. съ разности между продажной цѣной и капитализованной доходностью. Послѣдній налогъ не совпадаетъ съ распространяющимся нынѣ въ Германіи *Wertzuwachssteuer*: объектъ его шире — не только конъюнктурный („незаслуженный“) приростъ цѣнности, но весь приростъ, хотя бы созданный улучшениями и затратами собственника (но еще не отразившійся на увеличеніи дохода въ моментъ продажи), „дифференціальная цѣнность“ поглощаетъ въ себѣ конъюнктурный приростъ. Налогъ на конъюнктурный приростъ цѣнности (между двумя послѣдовательными продажами) могъ бы быть признанъ справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы взимался на ряду съ періодическимъ налогомъ по рыночной цѣнности, но послѣдній неправиленъ, такъ какъ настигаетъ нереализованную цѣнность. Ту же комбинацію налоговъ Gerbino предлагаетъ и для „непроизводительныхъ“ (бездоходныхъ) имуществъ (парковъ и т. п.): періодическое обложение непосредственно приносимой ими выгоды и неперіодическій налогъ на *valore divergente*: незастроенные участки, если они совѣмъ не эксплуатируются и не приносятъ никакой пользы, должны подлежать съ точки зрѣнія финансовой только неперіодическому налогу (со всей ихъ продажной цѣнности).

Итакъ, de Francisci Gerbino, какъ и Neumann, стремятся настичь приростъ цѣнности въ моментъ его реализаціи; исходя изъ принципа обложения по платежеспособ-

ности, Gerbino считаетъ неправильнымъ обложение будущихъ доходовъ въ настоящей цѣнѣ.

Доводы эти противъ налога по рыночной цѣнности представляются мнѣ недостаточно убѣдительными, а предлагаемая г. Gerbino система обложения прироста совершенно неудачной.

Если обложение по цѣнности (Wertsteuer) и падаетъ на недвижимости нѣсколько бѣльшимъ бременемъ, чѣмъ налогъ по капитализованной доходности, то это весьма цѣлесообразно: указанная разница служитъ отчасти средствомъ сильнѣе обложить рентный элементъ въ доходѣ съ недвижимостей, провести различіе между доходомъ землевладѣльца и прочими фундированными доходами. Если я получаю въ 1915 г. со своего участка 1.000 руб., а въ 1916 г. 1.100 руб., и т. д., то обложение по доходу не учтетъ конъюнктурнаго прироста моего дохода. Нельзя его учесть и впоследствии въ моментъ реализаціи: тамъ объектомъ налога будетъ приростъ капитальной цѣнности, а не дохода: продавъ свой участокъ въ виду увеличенія доходности дороже, чѣмъ онъ мнѣ обошелся, я получаю особую конъюнктурную выгоду, кромѣ прироста дохода¹⁾. Странно, что Gerbino не замѣчаетъ этого различія, голословно оспаривая столь ясное положеніе (р. 114).

Что касается обложения прироста, схема Gerbino совсѣмъ неудовлетворительна: онъ рекомендуетъ „умѣренный“ налогъ на переходъ недвижимостей, учитывающій-моль выгоды обмѣна, между тѣмъ какъ всякому извѣстно, что часто никакихъ выгодъ продажа продавцу не приноситъ (а налогъ упадетъ, вѣдь, на него); не стоить останавливаться на общепризнанныхъ отрицательныхъ сторонахъ всѣхъ этихъ Umsatzsteuern, droits d'enregistrement — на ихъ крайней неравномѣрности (зависятъ отъ частоты актовъ обмѣна) и, главное, на ихъ вредѣ съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ страны: падая на всю цѣнность недвижимости, включая производительныя затраты

¹⁾ Grizziotti, I principi distributivi... G. d. econ. 1909.

(постройки, меліораціи), они тормозятъ технической и хозяйственный прогрессъ, убиваютъ инициативу. Ихъ можно объяснить, какъ историческіе пережитки, оправдать финансовой нуждой, но странно рекомендовать ихъ, какъ это дѣлаютъ Gerbino и (для коммунальныхъ финансовъ) многіе нѣмецкіе экономисты. Чѣмъ меньше будутъ крѣпостныя пошлины, *droits d'enrégistrement*, тѣмъ меньше будетъ путь на развитіи и интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Между тѣмъ и второй неперіодическій налогъ, предлагаемый Gerbino — налогъ на разность между цѣнностью и капитализованной доходностью (*valore divergente*) падаетъ не только на „конъюнктурный“ приростъ цѣнности, но на весь приростъ, хотя бы и вызванный затратами и, слѣдовательно, долженъ быть отвергнутъ по тѣмъ же соображеніямъ ¹⁾.

Единственная правильная мысль въ разобранной теоріи та, что періодическій налогъ слѣдуетъ сочетать съ неперіодическимъ налогомъ на приростъ. Но облагать слѣдуетъ только конъюнктурный приростъ (*Wertzuwachssteuer*), а объектомъ періодическаго налога должна быть рыночная цѣнность.

Сочетаніе этихъ двухъ налоговъ крайне важно и въ другомъ отношеніи, на которое я уже не разъ обращалъ вниманіе своихъ читателей: оно обезпечиваетъ въ значительной мѣрѣ правильность декларацій, такъ какъ сокращаетъ выгоды неправильныхъ показаній цѣнности въ ту или другую сторону; низкая оцѣнка для періодическаго налога увеличитъ сумму налога на приростъ при продажѣ, если начальной цѣнностью, отъ которой будетъ исчисляться приростъ, будетъ принята цѣнность, декларированная для перваго налога; съ другой стороны, высокая начальная оцѣнка невыгодна для плательщика періодическаго налога.

¹⁾ Курьезныя слѣдствія имѣлъ бы этотъ странный налогъ: если затраты собственника привели къ повышенію доходности, то налогъ былъ бы ничтоженъ, а если онѣ еще не отразились на доходности, то собственникъ долженъ быть вторично наказанъ при продажѣ, уплачивая высокій налогъ съ *v. divergente*.

Такимъ образомъ оба налога взаимно нейтрализуютъ другъ друга въ смыслѣ вліянія на тенденцію декларацій къ уклоненію отъ дѣйствительности. Разумѣется, эта система не обезпечиваетъ вполнѣ правдиваго декларированія цѣнности: одного плательщика заботитъ исключительно размѣръ періодическаго налога, такъ какъ онъ не собирается продавать земли—и онъ будетъ стремиться къ низкой оцѣнкѣ; у другого—обратный интересъ, если есть расчетъ на продажу въ будущемъ и если ставки налога на приростъ достаточно высоки. Но во всякомъ случаѣ нѣкоторое сдерживающее вліяніе мысль о другомъ налогѣ должна оказывать, а если бы и не оказала, то неправильная декларация для одного налога увеличитъ въ будущемъ поступления отъ другого—фисксъ свое въ конечномъ счетѣ получить.

Для этого налогъ на приростъ долженъ быть достаточно высокъ и ставки его должны прогрессировать въ зависимости 1) отъ процента (относительнаго размѣра) прироста, т.-е. отъ быстроты его и 2) отъ абсолютнаго размѣра его. Первая идея, осуществленная въ германскомъ *Wertzuwachssteuer*, осуществляетъ принципъ усиленнаго обложенія конъюнктурныхъ поступленій и представляетъ несомнѣнное преимущество его надъ англійскимъ *Increment tax* съ его однообразной ставкой въ 20⁰/. Прогрессія ставокъ въ зависимости отъ абсолютнаго размѣра прироста (на ряду съ прогрессіей по первому признаку) есть приложеніе общаго начала о прогрессіи ставокъ съ возрастаніемъ дохода.

Объектомъ налога долженъ быть только конъюнктурный приростъ, а не весь приростъ, какъ въ нынѣшнемъ германскомъ *Besitzsteuer*. Послѣдній налогъ, настагающій особенно сильно бережливаго или предприимчиваго человѣка, увеличившаго свое имущество, и освобождающій отъ обложенія расточителя, прокутившаго весь приростъ цѣнности своего имущества¹⁾, является налогомъ на хозяйственность, противорѣчащимъ основному выдвинутому нами прин-

¹⁾ См. Strutz, D. Reichsbesitzsteuer. I. f. N—Ock. u. St. 1914, стр. 580.

ципу обложения. Понятно, что и ставки его (какъ и ставки проектируемаго Gerbino налога на *valore divergente*) не могутъ быть высокими—иначе вредное вліяніе его скажется слишкомъ рѣзко.

Резюмируя сказанное, слѣдуетъ высказаться въ пользу обложения земли въ формѣ сочетанія а) налога по рыночной цѣнности на землю за вычетомъ стоимости построекъ, меліораций и другихъ затратъ и б) высокаго прогрессивнаго налога на конъюнктурный приростъ цѣнности земли. Въ первомъ налогѣ можно было бы допустить хотя бы въ половинномъ размѣрѣ вычетъ ипотечныхъ долговъ.

Указанная система сдѣлала бы излишней кадастральную оцѣнку земель—достаточно было бы контроля показаній на основаніи продажныхъ, страховыхъ, залоговыхъ оцѣнокъ и другихъ данныхъ, имѣющихся у министерства финансовъ насчетъ цѣнъ на землю въ данной мѣстности. Крестьянъ и вообще собственниковъ небольшихъ имуществъ до 5—10 тыс. руб., скажемъ, можно было бы освободить отъ обязательной деклараціи, взимая налогъ по числу десятинъ пахотной земли и по „законной табели“ оцѣнокъ для каждой мѣстности. Можно установить прогрессію ставокъ налога въ зависимости отъ цѣнности землевладѣнія или — еще проще — отъ числа десятинъ; скажемъ для примѣра: 0,1% съ цѣнности имущества до 10 десятинъ, 0,2% для имущества 10—25 дес., 0,3% при 25—50 дес., 0,4% при 50—100 дес., 0,5 съ имущества выше 100 десятинъ и т. д. Такой налогъ отличался бы простотой и дешевизной взиманія, не требуя дорогихъ оцѣночныхъ работъ, и не падалъ бы дополнительнымъ бременемъ на повышенный доходъ хорошихъ хозяевъ, умѣло эксплуатирующихъ дары природы. Бремя платежей крестьянъ было бы немногимъ болѣе нынѣшняго ничтожнаго государственнаго поземельнаго налога.

На тѣхъ же принципахъ можно было бы построить въ будущемъ и обложение городскихъ недвижимостей. Нынѣшній налогъ представляетъ, съ точки зрѣнія фискальной, крупный шагъ впередъ по сравненію съ предшествующимъ

раскладочнымъ налогомъ, неравномѣрнымъ и мало доходнымъ. Установленіе нормъ вычетовъ для каждаго города (а не огульно для всей страны, какъ во Франціи, или для цѣлыхъ категорій городовъ, какъ въ Австріи), пятилѣтнія переоцѣнки и, особенно, обложеніе по капитальной цѣнности бездоходныхъ имуществъ — все это серьезныя преимущества, ставящія его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше европейскихъ собратьевъ. Необходимо, правда, внести въ него нѣкоторыя поправки¹⁾, въ томъ числѣ сохранить обложеніе по капитальной цѣнности и для тѣхъ строительныхъ участковъ, которые обрабатываются собственникомъ или сдаются въ аренду подъ огороды, склады и тому подобное, принося ничтожный доходъ, совершенно не соответствующій ихъ возможной эксплуатаціи и цѣнности. Необходимо теперь же внести въ законъ указанныя измѣненія — иначе къ оцѣнкѣ 1916 года всѣ миллионныя участки въ столицахъ и подъ столицами и другими большими городами окажутся отданными подъ картофель или капусту или застроенными хатенками, и фискъ лишится значительныхъ поступленій отъ ихъ обложенія по капитальной цѣнности.

Но поскольку финансовая нужда позволить, слѣдовало бы въ связи съ введеніемъ подоходнаго налога подвергнуть налогъ съ городскихъ недвижимостей коренной реформѣ, перейдя къ обложенію всѣхъ городскихъ недвижимостей по рыночной цѣнности и отказавшись отъ обложенія построекъ. Русскіе города чрезвычайно страдаютъ отъ недостатка строительной дѣятельности; въ противоположность Западу, особенно Германіи, гдѣ строительная промышленность играетъ видную роль въ экономической жизни, у насъ капиталы, вложенные въ эту отрасль, ничтожны, крупныя строительныя общества наперечетъ, дома строятся отдѣльными подрядчиками, норма предпринимательской прибыли громадна, матеріалы дороги, и въ результатѣ постройка дома обходится *ceteris paribus* вдвое дороже, чѣмъ на Западѣ, а

¹⁾ См. мой докладъ въ Обществѣ финансовыхъ реформъ. „Извѣстія“ Общества № 5.

квартирные цѣны въ 2—3 раза выше. Высокій (относительно) налогъ вкупѣ съ земскими сборами еще болѣе тормозятъ застройку и удорожаютъ квартиры. Послѣ войны ссудные капиталы будутъ еще дороже. Между тѣмъ настоятельно необходимо всѣми силами поощрять строительную дѣятельность въ городахъ. Это—лучшее средство въ борьбѣ съ квартирной дороговизной.

А съ этой цѣлью надо перенести бремя налога съ постройки на землю; съ подомоваго дохода собственникъ будетъ платить подоходный налогъ; облагать вторично его доходъ было бы нераціональнымъ. Какъ и въ поземельномъ обложеніи, вмѣсто дополнительнаго поимущественнаго налога слѣдовало бы ввести налогъ съ рыночной цѣнности земли безъ построекъ, съ „чистой цѣнности“ земли, т.-е. съ капитализованной земельной ренты собственника.

Тогда оба налога—поземельный и подомовый—слились бы въ одномъ налогѣ на землю, какъ городскую, такъ и сельскую.

Городамъ можно было бы предоставить выборъ между нынѣшней формой реального обложенія подомоваго дохода и надбавками къ государственному налогу на городскую землю (на ряду съ надбавками къ подоходному налогу).

Гораздо большія трудности и сомнѣнія вызываетъ промысловое обложеніе.

Относительно подотчетныхъ предпріятій я уже высказался въ пользу сохраненія нынѣшняго дополнительнаго налога съ прибыли (вмѣсто подоходнаго) и налога на капиталъ. Но какъ быть съ главной массой торговыхъ и промышленныхъ—неотчетныхъ—предпріятій послѣ введенія подоходнаго налога?

Если въ обложеніи недвижимостей по ихъ капитальной цѣнности, на ряду съ подоходнымъ, учитывается рентный элементъ дохода, то въ промысловомъ доходѣ конъюнктурный элементъ крайне неустойчивъ и трудно уловимъ: выгоды отъ „фирмы“, клиентуры, то, что англичане обнимаютъ терминомъ goodwill, оцѣниваются, правда, рынкомъ и исчисляются при продажѣ торговаго или промышленнаго предпріятія,

но для учета ихъ фискомъ онѣ представляютъ слишкомъ неопредѣленную величину. Особое обложеніе торгово-промышленныхъ предпріятій (кромѣ подоходнаго налога) „оправдываютъ“ фундированнымъ характеромъ промысловыхъ доходовъ, однако въ мелкихъ предпріятіяхъ элементъ личнаго труда и участія значительно преобладаетъ въ образованіи дохода надъ ролью капитала. Потому-то итальянскій подоходный налогъ взимается съ промысловыхъ доходовъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, но, какъ выше указано, ставка въ немъ одинакова для крупныхъ и мелкихъ предпріятій, несмотря на различную роль въ нихъ личнаго труда и капитала. Гораздо цѣлесообразнѣе, слѣдовательно, взимать особый налогъ на капиталъ, вложенный въ предпріятіе.

Но тутъ-то и начинаются техническія трудности: какъ выяснитъ размѣръ капитала? Объектомъ обложенія долженъ быть еобственный капиталъ предпринимателя. Для опредѣленія его нельзя обойтись безъ деклараціи плательщикомъ всего капитала, обращающагося въ предпріятіи, и чужого, ссуднаго капитала. Провѣрить декларацію относительно всего вложеннаго въ предпріятіе капитала чрезвычайно трудно; нѣкоторыми, правда шаткими, основаніями могутъ служить величина оборота, опредѣляемая на основаніи внѣшнихъ признаковъ (какъ въ нынѣшнемъ раскладочномъ налогѣ) и нормы числа оборотовъ капитала въ теченіе года въ той или иной отрасли предпріятій. Всѣ эти вычисления такъ гадательны, что возникаетъ сомнѣніе въ возможности обойтись безъ раскладочной системы: слѣдовало бы, пожалуй, сохранить ее (по крайней мѣрѣ, для мелкихъ предпріятій). По отношенію къ предпріятіямъ, уплачивающимъ подоходный налогъ, можно отчасти противодѣйствовать черезчуръ низкимъ деклараціямъ капитала путемъ прогрессіи ставокъ налога на капиталъ въ зависимости отъ уровня чистой прибыли, опредѣляемой на основаніи сравненія декларацій капитала съ деклараціями для подоходнаго налога (вѣдь въ послѣднихъ будетъ указываться доходъ по отдѣльнымъ источникамъ его).

Послѣднимъ звеномъ предлагаемой системы дополнительныхъ къ подоходному поимущественныхъ налоговъ долженъ быть налогъ съ денежныхъ капиталовъ. Нужно только имѣть въ виду, что этотъ налогъ въ виду подвижности его объекта легче всего переложимъ (на торговлю, промышленность, на сельское хозяйство), и что Россія крайне нуждается въ денежныхъ капиталахъ, а потому ставки налога должны быть невысокими, значительно ниже уровня поземельнаго обложенія.

Вотъ та система обложенія по капитальной цѣнности, которая обезпечила бы, по моему мнѣнію, наименьшее экономическое сопротивление, наименѣе тормозя развитіе производительныхъ силъ.

Не стану останавливаться на налогѣ съ наслѣдства, но позволю себѣ только намѣтить свою точку зрѣнія на данный налогъ: наслѣдство въ боковыхъ и отдаленныхъ степеняхъ родства есть пережитокъ старины и является для многихъ наслѣдниковъ часто неожиданнымъ и во всякомъ случаѣ чисто конъюнктурнымъ приращеніемъ имущества. Слѣдовало бы ограничить право наслѣдованія прямыми наслѣдниками, супругами и несовершеннолѣтними братьями или сестрами, совершенно отмѣнивъ завѣщанія частнымъ лицамъ. Но пока эта реформа еще очень далеко, необходимо съ помощью налога брать въ такихъ случаяхъ значительную часть наслѣдственной массы въ пользу государства. Поэтому на ряду съ налогомъ со всей наслѣдственной массы, прогрессирующимъ въ зависимости отъ размѣра наслѣдства (примѣрно отъ 4—20%), слѣдуетъ сохранить обложеніе наслѣдниковъ съ прогрессіей ставокъ въ зависимости отъ степени родства (напримѣръ, для мелкихъ наслѣдствъ 1—10%, для крупныхъ 10—40%). Нынѣшняя война оставитъ немало вдовъ и сиротъ; получаемыя ими наслѣдства до тысячъ со рока, если пенсія ничтожна и наслѣдство является главнымъ источникомъ дохода семьи, можно освободить отъ налога, а съ наслѣдствомъ въ 40—80 тыс. взимать налогъ въ половинномъ размѣрѣ.

Замѣняя нынѣшніе реальные налоги обложеніемъ по ка-

питальной цѣнности, слѣдуетъ предоставить городамъ и земствамъ полную свободу между старой и новой формой; однако государство имѣетъ право и обязано регулировать общее бремя обложенія, падающее на тѣ или иные источники дохода, и, слѣдовательно, не можетъ предоставить мѣстнымъ союзамъ неограниченнаго права надбавокъ къ прямымъ налогамъ.

Резюмирую изложенное слѣдующими тезисами:

1) Вводимый нынѣ общеподоходный налогъ слѣдуетъ впослѣдствіи подвергнуть нѣкоторой переработкѣ. Ставки его слѣдуетъ повысить на высшихъ ступеняхъ дохода. Впослѣдствіи желательно было бы развить въ смыслѣ пониженія Existenzminimum'a. Если облагать подотчетныя предпріятія вдобавокъ подоходнымъ нал., то необходимо будетъ вычесть изъ ихъ прибыли опредѣленнаго процента (3—4%), соотвѣтствующаго среднему обложенію акціонеровъ.

2) Slѣдуетъ немедленно реформировать налогъ съ наслѣдствъ, уничтоживъ льготы помѣщикамъ, введя рѣзко прогрессивный, въ зависимости отъ размѣра наслѣдства нал. съ наслѣдственной массы, но сохраняя нынѣшнюю разницу ставокъ въ обложеніи наслѣдниковъ по степени родства.

Мелкія наслѣдства, остающіяся прямымъ наслѣдникамъ послѣ лицъ, погибшихъ на войнѣ, слѣдуетъ освободить отъ налога (до 40 тыс.) или понизить ставки (40—80 тыс.).

3) Въ ближайшемъ будущемъ нельзя ожидать отказа государства отъ реальныхъ налоговъ.

4) Когда возможна будетъ реформа, желательна замѣна ихъ системой налоговъ на капиталъ:

а) обложеніе земли, сельской и городской, должно быть по капитальной цѣнности ея параллельно съ неперіодическимъ налогомъ на приростъ цѣнности;

б) для подотчетныхъ предпріятіи (акціонерныя компаніи и проч.) слѣдуетъ сохранить нынѣшніе дополнительные налоги на капиталъ и на прибыль, оставивъ или даже

усиливъ прогрессию ставокъ въ зависимости отъ уровня прибыли.

с) съ неотчетныхъ предприятий слѣдуетъ взимать налогъ съ собственного капитала предпринимателя (для мелкихъ, пожалуй, въ раскладочной формѣ);

д) денежные капиталы придется облагать, по возможности, легко.

е) Мѣстнымъ союзамъ слѣдуетъ предоставить свободу выбора между нынѣшними устарѣлыми реальными налогами и надбавками (въ извѣстныхъ, установленныхъ закономъ, предѣлахъ) къ подоходному налогу и къ вышеописаннымъ налогамъ на капиталъ.

00248898

ЮФ СПбГУ